

Альбина Андерсон

-АЕРАХИ-

ЧУЖИЕ ОБЛАКА

Таинственное братство избранных.
На что готовы аерахи ради ордена
Двух Солнц?

Что ждет людей, попавших в стены
их Санаториумов? Кира Милованова
этого не знает. Она думает, что в
Москве ее ждет любовь всей ее жизни -
Глеб и блестящая карьера балерины в
Большом театре. У нее есть все, чтобы
стать счастливой: любовь, талант и
характер. В этом огромном мегаполисе,
где сбываются все мечты. Но только,
если в твою жизнь
не вмешивается кто-то другой!..

Альбина Андерсон

-АЕРАХИ-

Альбина Андерсон

Альбина Андерсон

-АЕРАХИ-

ЧУЖИЕ ОБЛАКА

Таинственное братство избранных. На что готовы аерахи ради ордена Двух Солнц? Что ждет людей, попавших в стены их Санаториумов? Кира Милованова этого не знает. Она думает, что в Москве ее ждет любовь всей ее жизни — Глеб и блестящая карьера балерины в Большом театре. У нее есть все, чтобы стать счастливой: любовь, талант и характер. В этом огромном мегаполисе, кажется, сбываются все мечты. Но только, если в твою жизнь не вмешивается кто-то другой...

ЧУЖИЕ ОБЛАКА

книга первая

Все в этой книге, от первого до последнего предложения, придумано автором. Все персонажи и события вымышлены. Любые совпадения случайны.

Пролог

Через аварийный выход в конце коридора они выбрались на пожарную лестницу. Северный ветер сразу же ворвался Тайке в ноздри и исколол легкие. А высокое, летнее солнце ослепило глаза. Вцепившись в бордюр площадки, она на секунды прикрыла веки, у нее сильно закружилась голова. Зигги сразу же полез за сигаретой, но вспомнив правила, теперь просто мял пачку через ткань кармана.

— Пойдем в кафетерий? — предложил он.

Тайка умоляюще посмотрела на него, после двух недель, проведенных в тесной душевой камере, уходить отсюда не хотелось. Он понимающе кивнул и облокотился о стену. Ночью шел дождь, пахло поздними, весенними цветами и мытой хвоей деревьев. Это напомнило ей дом, хотя она находилась за несколько часовых поясов от него. Ее глаза жадно бродили по всей линии горизонта, трудно было привыкнуть к мысли, что теперь ей можно стоять здесь, дышать этим кристально чистым воздухом, и смотреть далеко вперед, насколько хватает зрения, а не наткаться взглядом куда не повернись, на темные бетонные стены.

По правую сторону от них высились здания Научного Парка. Широкая, асфальтовая дорога резала территорию на две половины. В самом конце она упиралась в сверкающее стеклами здание администрации. По обе стороны стояли многочисленные корпуса. Разноцветные электромобили стройными рядами были припаркованы около каждого блока. Брусчатые дорожки пролегали через ровно-стриженные газоны, мраморный фонтан на центральной площади бил струями сверкающей в солнце воды. Все выглядело новым и нежилым как на картинке с сайта застройщиков, и только старая, гранитная колонна с часами, странно диссонировала со всем остальным. Изъеденная столетиями, она была из прошлых времен. На барельефе в огне корчились женщины, мужчины и дети. Каменная лента с латинской вязью обвивала постамент.

— Что там написано? — спросила Тайка.

— Каждую минуту помни.

— Что помни?

Зигги поморщился.

— Сверху решили что наше прошлое должно вышибать слезу и науськивать видовых патриотов. Учись делать трагическую физиономию, у нас в моде сентиментальность.

Парк казался безлюдным, но Тайка знала, что здания кишмя кишат сотрудниками. На башне громко забили часы. Одиннадцать утра — время кофебрейка. Люди в костюмах и галстуках, джинсах и сникерсах уже зашныряли по коридорам. Они улыбались друг другу: привет-привет, жевали бутеры и круассаны, брали лед, колу и кофе из автоматов, флиртовали, ругались и плели интриги. Ровно на двадцать минут — все как в обычной жизни, а потом они вернутся к себе в отсеки и надев лабораторные халаты будут резать, кромсать, выделять, скоблить и сэмплировать. И у всех на лице будет одно и тоже выражение упрямства и одержимости.

Чтобы не видеть того, что вызывало у нее отвращение, Тайка зашла за угол. Перед ней раскинулась бесконечная, дикая тайга. Кристально-чистые озера отсвечивали зеркалами, в темных пятнах облаков переливались изумрудом сопки и не кончался плотный, хвойный лес.

— Через тысячу километров Арктика, — сказал Зигги. — Ни одного населенного пункта до самого полюса. Зимой здесь холодрыга и короткий световой день. Но это идеальное место, здесь мы далеко от людей. Все наши парки находятся черт-те где, в пустынях и тундрах, на Аляске, в Аризоне, Боливии, Китае ...

— Ты здесь родился? — спросила она.

Зигги достал Мальборо, постучал пачкой о кирпич стены и с сожалением опять положил в карман.

— Нет, — усмехнулся он. — Не знаю где.

— Вырос здесь?

— Нет, в Чайковском. Там есть детский дом, на балансе у организации, — он помолчал. — Тогда здесь еще шатались медведи, этому парку всего восемь лет. Представляешь как его строили? Вычистить трассу на триста километров? Но охота пуще неволи, теперь вот... — он махнул рукой за угол. — Аэродром на одну полосу, вертолетная площадка, гидростанция на реке. Двести коттеджей и четыре многоквартирных дома стоят на другом склоне холма, тебе потом покажут. Складские и производственные помещения, лаборатории, библиотека, супермаркет...

— Санаториум и тюрьма, — тихо добавила Тайка. В голосе ее слышался страх.

— Считай тебе повезло, я никогда не видел Санаториум, у меня нет допуска. Ну а тюрьма... всего две камеры в цоколе. Нужно же где-то держать таких буйно-помешанных, как ты, — засмеялся он.

Она растянула рот, но улыбки не получилось.

— Тебя что, били? — осторожно спросил он.

Видимо только заметил ее разодранное ухо и спекшуюся кровь за давно нематыми прядями волос. Она посмотрела ему в глаза, он сразу все понял, но промолчал.

— Теперь-то что со мной? — спросила она.

— Останешься на три месяца, пройдешь ускоренные курсы. Будут блоки по психологии, генетике, истории, кодексу компании. Подпишешь контракты, примешь присягу, тебе оформят пэйролл и социальные льготы. В общем, будет чем заняться. Что с английским?

Она горько усмехнулась.

— Считать могу до десяти... Пэйролл. Ничего я у вас не понимаю.

— Все со временем. У тебя другие университеты, не хуже. Я знаю ты сидела в колонии, за кражу в раймаге.

Она кивнула.

— Так погулять хотелось? Два ящика пива, три бутылки водки, палка сырокопченой и сыр алтайский, семьсот двадцать грамм, — улыбнулся он. — Я видел твое дело.

Она пожала плечами. Если ему хочется издеваться, пусть. Чему-чему, а вежливости ее здесь научили. На рожон она больше не попрет, слишком дорого это стоит.

— Конфеты дюшес пол-кило, белый шоколад Спорт... Стоило это двух лет тюрьмы?

— Больше мы не унесли... Нас двое было.

— Третий в последний момент испугался и дал деру на машине. Но его все равно на полгода посадили! Дурак, лучше бы остался, шоколаду поел, а так все зазря..

Она криво ухмыльнулась.

— Правда, что тебя боялись в деревне? — допытывался Зигги.

— Кто боялся, значит заслужил.

Он окинул ее одобрительным взглядом.

— Ты мне подходишь, Таисья. В моем отделе одни соплееды, ничего поручить нельзя. Только и хнычут: Этого не могу, того воспитание не позволяет... А я видел яйца Когля после того, как ты его лягнула. Синие как мои глаза. Даже повара из столовой приходили смотреть, это было что-то, клянусь!

— Он теперь меня ненавидит. Да и все...

— Это правда, ты не популярна, но знаменита! Всеобщую любовь можно заслужить со временем. А пока думай о главном, о том что ты будешь жить.

— Меня больше не отправят в Санаториум?

Голос ее задрожал от страха.

— Теперь уже незачем, ты об этом хорошо позаботилась.

Вспомнив все, что она пережила за последние месяцы, Тайка сжала зубы.

— Чтоб вы все сдохли со своими программами! — вырвалось у нее.

— Ненависть — здоровое чувство. Я думал, тебя уделали основательно, а ты уже возвращаешься к жизни. Когда-нибудь ты полюбишь нас всей душой, ведь мы братья и сестры, а семью не выбирают, — он рассмеялся. — Как вспомню рожу Когля! Только за одно это стоило вымалывать твою жизнь. Тебя хотели усыпить как больную крысу, но ты нужна мне. Ты смелая и не перед чем не остановишься.

Она вздохнула, на что ей нужна такая непонятная жизнь? Но другой, прежней уже не было, ее отняли навсегда.

— Не вздумай сплутить еще раз, у тебя уже есть одно предупреждение, запомни, второго не будет. Играй по правилам и будет шанс дожить до старости. Не хочется, чтобы мои старания пошли прахом, я четыре дня уговаривал Вильштейна, поругался с директором по идеологии и отдал своего зама в Европу. Все потому, что мне кажется из тебя получится то, что мне позарез нужно.

Его умный, испытующий взгляд прожигал ее насквозь. Весь он лучился красотой и здоровьем. Он так много для нее сделал, что ей немедленно захотелось отблагодарить его, отдав все, что у нее было. А было немного, сама она да и только. Тайка опустила на колени, решетка впиалась в них, но она не почувствовала боли. Обхватив Зигги за ногу, она прижалась к ней щекой.

— Ну-ну... — недовольно сказал он. — Вставай, что за ерунда? Ничего не бойся, все кончилось.

Ей хотелось чтобы он поднял и обнял ее, но он отошел и досадливо морщил брови.

— Я люблю тебя..., — хрипло прошептала она.

— Когда же ты успела?

— Давно, когда только приехала в Москву.

Он тихо засмеялся.

— Не разочаровывай меня, детка, — наконец сказал он. — Жизнь и без того сложная штука, а я хочу сделать свою как можно проще. Кажется, от голода у тебя помутилось в голове. Ну-ну, вставай же... Мы не в театре...

Она не отрывала взгляда от его лица. Зигги раздраженно закатил глаза, подошел и встряхнув за локоть, поднял ее на ноги.

— Это придется выкинуть из головы... Я помог тебе, потому что хочу чтобы ты работала у меня. Но это не значит, что взявшись за руки мы пойдем навстречу восходящему солнцу. У меня есть своя жизнь, своя женщина. А мы с тобой команда. Договорились? Пойдем вниз, думаю чашка крепкого кофе и жирный клаб сэндвич пойдут тебе на пользу.

Пять лет спустя

Глава 1

Пару последних лет эта тетрадь валялась с другим школьным барахлом. И вот теперь, разбирая стол, Кира нащупывает дерматиновую обложку у стенки выдвижного ящика. Она разгребает мятые обертки от шоколада, скрепки, ластик, отряд изломанных карандашей, чтобы добраться до тетради. Наивная летопись ее детской влюбленности — девичий дневник. Кира сдувает с глаз упавшую прядь волос, улыбается и открывает священный манускрипт. На третьей странице нарисованы двое в лодке. Кира и Глеб, конечно. Море условное — три жирные голубые линии. Лодка похожа на банан и тщательно раскрашена желтым фломастером. Голова Киры нежно прижата к плечу ее возлюбленного. Трехпалая кисть с жутким, фиолетовым маникюром, покоится на его бычьей, как у Минотавра шее. Она конечно, в фате с короной. По рисованию всегда была твердая тройка, поэтому ничего удивительного, что в профиль Кира похожа на удивленного зайца, а у Глеба прическа как у известного немецкого психопата, который давно сторел в бункере. На небе солнце в лучах, как на китайском бальзаме, а в левом углу кривой месяц с россыпью кремлевских звезд. В правом нижнем углу накорябано назидание Глебу:

Люби меня как я тебя

И никогда иначе

И не забудь любви моей

Не изменяй тем паче

На шестой странице мудреный секрет, раскладушка — оригами. Муся постаралась. И складывала ее долго, что — то замеряя фалангами пальчиков и полизывая бумажки шершавым, как у котенка, языком. СИКРЕТ!!! — было написано разноцветными карандашами на конверте. Когда Кире было девять лет, она аккуратно вклеила школьную

фотографию Глеба в раскладной животик конверта. А рядом вывела куриным почерком:

Твои глаза как звезды
Горят в ночи моей
И больше уж не будет
Таких хороших дней...

Муся, которая за лето набралась ума от подруг старшей сестры, посоветовала ей дописать что-то вроде :

Мы с тобой как наяву
В лунном плаваем в пруду
Ты прижми меня покрепче
Страстью бешеной к утру

— Что это «страстью бешеной»? — спросила Кира

Муся прижалась губами к уху подруги. Ее дыхание горячо щекотало шею.

— Ну помнишь, я тебе говорила, как они это..., — зашептала она.

Кира отодвинулась. Какое-то время они молча смотрели друг на друга. В глазах у обеих бегали веселые черти.

— Фу! — наконец сказала Кира.

Смеясь, они повалились друг на друга. От этого пруда веяло гадостью. Так пахла взрослая, омерзительная тайна. Ее же любовь к Глебу была совсем другой. Там не было «страстью бешеной». Просто двое в лодке, ее голова на его плече, они плывут далеко-далеко, где будут бесконечно счастливы.

Нужно потянуть конвертик за углы и оттуда, как дюймовочка из волшебного цветка, выглянет Глеб. Уголки конвертика стерлись от частых прикасаний. Ему здесь пятнадцать. На фотографии он в анфас, но Кира прекрасно помнит его профиль юного, римского императора. Надменный и прекрасный. Чудесные, холодноватые глаза, насмешливые губы. Вера Петровна как-то заметила, что у него рахманиновские кисти. Длинные, музыкальные пальцы. Отец Глеба — начальник литейного цеха, тогда усмехнулся: Кисти может быть и рахманиновские, но растут они из одного места. **ВОТ ЭТО БЫЛА НЕПРАВДА!** Глеб например, мастерски играет в теннис, и однажды даже занял третье место в городском, юношеском турнире. В квартире родителей, его комната до сих пор увешана грамотами и вымпелами, а на крыше шкафа сверкают два спортивных кубка. Мать Глеба натирает их каждую неделю. Видимо сильно скучает по нему. Ну что же, Кира ее понимает.

Кира всегда была влюблена только в него. Сколько себя помнит. Глеб, Глеб, Глебушка....

Лето. Горный пансионат в Чимгане. Она на отлично закончила второй класс хореографического училища. Глебу пятнадцать. На завтрак в столовой, пока не видела мать, Кира сваливала очищенное яйцо в тарелку Глеба и делала умоляющие глаза. Яйца были противные, с потемневшим желтком, похожим на солнечное затмение. Кира вообще ела

очень плохо. Она долго, с отвращением, жевала хлеб с маслом, вернее просто держала кусок во рту, под пристальным взглядом матери.

Целыми днями Глеб был неразлучен с девицей Анечкой. Они вместе лупили в теннис, лазали по горам и сидели на скамейке до полуночи. Глеб много говорил, а Анечка много молчала. Она все время носила белую майку с тремя котятами на груди. Котята прехорошенькие, а вот саму девицу Кира ненавидела. В летнем кинотеатре Глеб садился с Анечкой на самую последнюю скамейку и возвращался в коттедж почти под утро. Алина Евгеньевна многозначительно переглядывалась с матерью Киры — Верой Петровной.

В августе солнце всюду сушило горы, трава выгорела и пожелтела. Абрикосы и чернослив наливались сладкими соками, спелые плоды мягко шлепались о землю. Ежевика была усыпана темными ягодами, которые навсегда синили пятнами майки Киры, отстирать было невозможно. После ежевики язык у нее был фиолетовый как у татарской собаки. И Глеб смеялся над ней, но она не сдавалась и все лезла в шипастые заросли, возвращаясь с полным пакетом ягод и в кровь исцарапанными плечами и коленями. Лезла бесстрашно, потому что хотела доказать ему, что ничего не боится. Вообще.

Как обычно перед обедом, все валялись под раскидистыми платанами у бассейна. Пахло свеженарезанным арбузом, солнцем и рубашкой Глеба, потому что Кира подобралась к нему совсем близко. Развалившись прямо на траве он читал Иллиаду Гомера. Анечку с котятами погнали в поход родители. Глеба не позвали, потому что у Анечкиного папы выработалась на него стойкая аллергия. Он презрительно и вместе с тем тревожно поглядывал на друга своей дочери. Все две недели у него был вид человека, готовящегося к страшному удару судьбы.

Кира вырвала колосок на тонкой ножке и осторожно пощекотала ухо Глеба.

— Отстань... И отодвинься, у тебя трусы мокрые, — сказал он не отрываясь от книги.

Она не сдвинулась с места. Тело у Глеба жаркое и сильное, а она после бассейна замерзла. Ей очень хорошо рядом с ним.

— Глеб, а вот интересно, ты женишься на Анечке?

— Отстань, озабоченная, — отмахнулся он.

— Женишься, да?

Он повернулся к ней и снял солнечные очки, которые делали его похожим на шпиона. Чудесные его глаза, с голубыми огнями по серому, сейчас были холодными и презрительными. Зрачки сузились и превратились в бисеринки. Очень обидно, потому, что на Анечку он смотрел совсем по другому. Бисеринки наоборот расширились и от серого-голубого фона оставался только узенький обруч. Кира заметила это фокус, когда они сидели утром на скамейке. Глеб вдохновенно рассказывал что человек вполне может захлебнуться собственной блевотиной. Как, например, это сделал Джон Боннэм — барабанщик Лед Зеппелин. И что следы астронавтов с Апполо будут видны на луне еще десять миллионов лет, потому что там нет ветра и эрозии. Глядя на Анечку, зрачки его расширились все больше и больше, как будто хотели отразить ее всю, как зеркало с головы до ног. Кира благоговейно внимала, а Анечка сосредоточенно сосала дюшес и красила ногти зеленым лаком.

На Киру он смотрел брезгливо, как на противную, волосатую гусеницу.

— Женишься на Анечке или нет?

— Конечно женюсь! — нарочито весело воскликнул он. — Я в десятом классе, она в девятом. Почему бы нам и не пожениться? Родить несколько таких клопов, как ты?

В глазах его оскорбительное пренебрежение. Она поняла, что он шутит и вздохнула с облегчением.

— Я тебе скажу одну вещь, — понизила она голос. Эту фразу она выудила из фильма про ковбоев, который вчера показывали в летнем кинотеатре. Все что сказал герой после, сбылось. — Запомни... Ты женишься только на мне.

Он смерил ее взглядом, как будто увидел в первый раз, и остановился глазами на большом родимом пятне на животе. Это пятно в форме двух развернутых крыл, как Глеб недавно заметил, похоже на очертания Фолклендских островов. Большое горе для матери Киры, потому что она боялась онкологии. А Кира была счастлива, что оно прилипло не на плече или шее. Балетный корсет довольно открытая штука.

— На тебе? Никогда! Ты вырастешь толстой и уродливой. И на носу у тебя будет бородавка с большую редиску.

Он вынул воображаемый револьвер из кобуры, нацелил его на Киру и выстрелил. Потом сдул облачко дыма с указательного пальца. Фильм тоже произвел на него впечатление.

— Глеб! — одернула его мать.

Но Кира вступилась за себя сама.

— Балерины не бывают толстыми. Раз! А я буду знаменитой, как Галия Измайлова. Два! А твои Котята не умеют плавать. Три! И танцует она как коряга! Хочешь покажу?

Она вскочила, чтобы показать как танцует Анечка, но Глеб со злостью дернул ее за руку и Кира завалилась набок, опять невольно села рядом с ним.

— Четыре! — мстительно добавила она.

Глаза ее победно блестели. Теперь она точно знала, что Глебу не нравится, как танцует его подружка.

— Женится-женится, никуда не денется. Мальчишки-девочки не ссорьтесь. Давайте пойдем в столовую, а? Есть хочется..., — разомленно отозвался отец Глеба. Лицо его закрыла шляпа, прямо перед Кирой заросшие волосатые ноги. Она с неодобрением посмотрела на них, неплохо бы постричь ногти. Если Глеб еще что-нибудь скажет, будет скандал. Все это знали. Скандала Глебу не хотелось. Он с шумом захлопнул книгу. Резко поднялся и с торопливой яростью попытался надеть вьетнамки. Но все время попадал не в те пальцы. Одна из них отлетела и шлепнулась Алине Евгеньевне на живот. Та ойкнула и привстала с лежака. Отец Глеба снял с лица панаму.

— Ты что, Глеб? Обедать? — спросила его Вера Петровна. На ее теле бисером рассыпаны капли воды. Она только что вылезла из бассейна и все пропустила.

— Жениться его заставляют, — пояснил отец.

Глеб молча кинул свои вещи в маленький рюкзак и медленно, с достоинством, удалился в сторону забора. Это означало: Плевать я на вас хотел, достали.

Степенно дойдя до конца короткой аллеи, он неожиданно в три шага разбежался, перепрыгнул через ограду и пропал за голубыми, давно некрашенными досками.

— У него гормоны, — сказал отец.

Вера Петровна промокнула лицо полотенцем и повернулась к дочери.

— Ты можешь его не доставать? Хотя бы один день?

— Гормоны не извиняют хамства, — вздохнула Алина Евгеньевна и с сочувствием посмотрела на Киру.

Семья Анечки-Котят отдыхала в коттедже, напротив главного корпуса. От коттеджа Зиминых и Миловановых к нему можно было пройти сквозь урючную рощу. Кира знала, что Анечка и ее родственники в столовой, на обеде. Они всегда ели во вторую смену. Возле двери стояли белые кеды, Кира знала чьи. Анечка — высокомерная, набитая дура, которая только и знала, что хлопать ресницами и лизать чупа-чупсы. А когда жевала жвачку, у нее было тупое, отрешенное лицо, как у коровы сторожа. Кира медленно прошла по аллее мимо двери, но тут же вернулась. Соблазн был слишком велик. В Анечкины кеды она с удовольствием до краев, налила ледяную воду из колонки.

Вечером, Анечка вывихнула лодыжку на корте. Испорченные кеды сохли на деревянных брусках скамейки. Принимая подачу Глеба, она успела дотянуться ракеткой, но запуталась в ремешках вьетнамок и с воем рухнула на покрытие. Она так орала, что Кира, собиравшая для них мячи в канаве, оступилась и до крови содрала коленку. До самого медпункта Глеб нес свою подружку на руках. Почти целый километр в гору. Прихрамывая и согнувшись под тяжестью двух ракеток, Кира волочилась за ними. Она была виновата во всем, плакала, но не жаловалась. Тонкой струйкой кровь стекала с ее коленки. Глеб взмок и покраснел, но было видно, что никакая сила не заставила бы его остановиться и передохнуть. Русая, выгоревшая голова Анечки лежала на его плече, а тонкая, в золотистых волосах рука обвивала его напряженную шею. Прямо как на картинке в дневнике. Только Киру вытолкали, а в лодку вместо нее нахально залезла другая. У края дорожки Кира присела на скамейку, силы покинули ее. Обняв свое раненое колено, она горько зарыдала. Глеб и Анечка уплывали вверх по аллее. Ей уже не догнать их. Она плюнула на коленку и размазала пальцем кровь. Потом свернула с аллеи в тенистую хвойную рощу, где никогда не была раньше и в изумлении остановилась у огромной, раскидистой арчи. Под ветвями исполинского дерева прятался волшебный замок. Ветви сплетались в сводные потолки и отдельные горницы и там был даже чудесный трехствольный трон в центральной зале. Настоящие царские покои, хорошо бы здесь пожить. Или повесить хрустальный гроб на цепях и возлечь в него. Ждать когда Глеб придет и поцелует ее. Тогда она распахнет глаза, улыбнется и величественно встанет из гроба. А если не поцелует? Сощурит глаза и скажет: О, Миловановское насекомое, тьфу! И ей придется лежать еще тысячу лет. Ой, а это что у нас здесь такое? Гриб! Чудесный, с рыжеватой в крапинку шляпкой. Наверняка ядовитый. Как раз то, что надо. Жизнь, в принципе кончена. Глеб и так ее ненавидит, а если бы узнал и про кеды... Она откусила маленький кусочек и проглотила. Запах сырости и кошачей мочи ударил в нос. Кира запихнула в рот весь гриб и быстро, не дыша сжевала его. Так Вера Петровна учила ее пить рыбий жир, чтобы не рвало от запаха. Потом она легла на землю и стала ждать смерти. Но смерть все не приходила и Кире стало скучно. Тогда она решила сначала пойти поужинать, потом поиграть в карты, а помереть уж совсем ночью, когда все будут спать.

В кровати она обняла мать и зашептала: Вера Петровна, я ночью наверное умру. Ты только сильно не переживай..., — она не смогла договорить, потому что громко заплакала.

Умирать уже расхотелось, было жалко маму, Мусю и вот еще вспомнилось, что в сентябре начнутся репетиции Конька-Горбунка в настоящем театре. И в последние недели мая, перед каникулами, в хореографичке только об этом и говорили. Вера Петровна была сумашедшей матерью. Она сразу решила ехать в Ташкентский госпиталь ночью, через опасный горный перевал. Но Алина Евгеньевна ее отговорила. Да и отец Глеба выпил к тому времени четыре банки пива.

— Вера, уже три часа прошло, симптомов никаких. Посмотри на нее, какая хорошая! Зачем рисковать? Станет плохо, тогда и поедем.

Они обе решили дежурить в медпункте около нее. Каждые два часа ее будили и заставляли выпивать по стакану воды. Утром, когда вернулись в коттедж, неспавшая всю ночь Алина Евгеньевна остановилась на пороге своей комнаты.

— Может вам ремень дать? — вяло спросила она Веру Петровну.

Та смутилась.

— Алина, ну какой ремень? Мы поговорим.

— Вот, все разговоры и разговоры у нас. А они что хотят, то и делают.

Она вздохнула, подошла к Кире и присела на корточки. У нее в глазах серые искры на голубом, как у Глеба.

— Кир, все! Больше никаких глупостей. У него здесь Анечка... А в городе осталась Светочка. Со школы иногда приходит Ирочка. И звонит с подготовительных курсов Гузелечка. И таких котят у него будет еще очень много, грибов не хватит. А ты такая одна, мы из тебя вторую Анну Павлову растим. Вот, осенью будешь танцевать в Чиполлино. В настоящем театре!

— В Коньке-Горбунке, — тихо поправила ее Кира.

— В Коньке-Горбунке, хорошо. Костюмы уже заказали, а ты травиться! И потом, за счастье бороться нужно, а не грибы собирать, — тут она как будто сразу устала и беззвучно зевнула, — И вообще, как вы меня достали! Один ночами шляется, неизвестно где... Вторая в рот сует что попало. У меня от вас круги под глазами. Хорошенький выдался отпуск...

Через год Глеб уехал на учебу в московский университет. Потом Алина Евгеньевна рассказывала Миловановым о красном дипломе. Затем он год учился в Америке, по какой-то международной программе. После остался в Москве, очень удачно устроился, взял в кредит квартиру и посылал родителям деньги.

Глава 2

To: odetta_odilia@mail.ru

From: kira-543mil@mail.ru

Дорогая моя Мусечка,

Как же я соскучилась! Скоро буду в Москве, ты покажешь мне все-все-все. Москва — это же какое-то сплошное небожитие. Муся, я трепещу... Вчера пили Баян-Ширей с Верой Петровной. Праздновали мое увольнение, Мамонт подписал! Урра! Два месяца я таскалась за ним, как голодная блоха за солдатом. Он орал и подпрыгивал в кресле, обзывал змеей, пригретой на груди. Вспомнил все! И как предложил контракт еще в хореографичке и две сольные партии сразу. А я только год протанцевала и предала весь коллектив. На прощание зафиндюлил в меня папкой, но промахнулся. А попал в Терезу Самуиловну и чуть не выбил

ей зуб. Это было смешно, она такая гадюка, никогда не забуду как она тебя травила. А Мамонта до жути жалко. Чувствую себя погано, хотя Иудой назвал меня зря. Заявление я подала в конце прошлого сезона, а он меня продержал еще несколько месяцев. Ну ничего, свято место пусто не бывает, у него талантливых стажеров как собак нерезанных... Назад дороги нет, сук подпилен и лестницу убрали, теперь, если даже я приползу на коленях, он никогда не возьмет меня в штат. Даже в гардероб, в буфет, в билетерши!!! Но я свободна-свободна-свободна. Осталось отпрыгать Машу в пяти Щелкунчиках и занавес. Как я хочу работать в Большом! Мусенька, ты такая счастливая что уже устроилась и танцуешь! Поезд через две недели. Жалко, что у тебя нельзя остановится, но ты не волнуйся. Алина Евгеньевна поговорила с Глебом и представь себе — он согласился! Поживу у него первое время. Вижу как ты скалишься, даже не думай! Мы же взрослые люди, все глупости в прошлом, и грибы тоже, я их ненавижу. Да вот еще, на вокзал приезжать не нужно, меня встретит Глеб, немедленно прекрати ухмыляться.

P.S. Представь себе, Вера Петровна научилась врать. На днях застучала ее в метро с каким-то хмырем. Держатся за ручки и едят конфеты из коробки, и такие лица счастливые. Я спряталась за угол, чтобы не смущать. Домой моя красавица заявила в одиннадцать вечера, в глаза не смотрит, умора, вся такая потерянная. Я спрашиваю: Мам, что так поздно-то? Она: Да вот, Клименко на пенсию провожали...Ну и как? — спрашиваю. Она: Жалко, хороший специалист, старой еще, нашей закалки. Ну какова, а? Невеста. Я в общем-то я рада. Столько лет прошло, как папа ее бросил.

Я рада, что у тебя все отлично. Твой Алиш мне, правда, никогда не нравился, но раз ты говоришь, что он такой чудесный, беру свои слова обратно. Ты уверена что он разводится с женой по настоящему? Это уже в третий раз, да? Целую тебя и обнимаю, не молчи, пискни чего — nibудь, а то я думаю что у тебя пальцы сломаны.

Поки-чмоки,

Кира

Кира жмет на «отправить». И снова берет дневник, раскрытый на страничке с оригами. Что-то будет. Что-то будет. Что-то будет.

Москва. Все уже почти устроено. За цену железнодорожных билетов, каракулевая шуба Веры Петровны перелетела в шкаф Маши-челночницы из соседнего подъезда. Шуба была куплена задолго до развала империи и Кира наотрез отказалась носить ее в Москве. Она шутила, что такая модель давно вышла из моды даже среди овец этого промысла. Жемчужный набор — серьги и кольца были успешно проданы на Алайском базаре. Мать не горевала по этому поводу. Это был последний подарок — откуп виноватого мужа и отца, за месяц до его ухода к другой женщине.

Страшно, страшно, страшно..., — думает Кира, подперев кулаками лицо. После стольких лет, страшно увидеть Глеба опять. Старый тугодум — компьютер выключается долго. Я свезу тебя на свалку! — грозит она ему и чтобы чем — nibудь занять себя, выдвигает левый ящик стола. Там коротает свои однообразные дни много сентиментального барахла, которое Кира все никак не может выкинуть. Например, старый теннисный мячик, который она много лет назад стибрила из спальни Глеба. С тех пор этот стертый до лысины мячик, нещадно битый Глебом о стену, недоумевающий теперь к чему все эти нежности, был

много раз прижимаем к щеке с тоской и грустью. И ты тоже на свалку..., — думает Кира, — Пора, пора избавляться от детских глупостей.

Глава 3

Ночь. Ветерок надувает парусом тюлеву ю занавеску. В квартире тихо. Впрочем, у Шуры всегда тихо, если слуховой аппарат на тумбочке. Она только что проснулась, ничего не слышит, в ушах привычный морской прибой, но она знает, что в квартире не одна. В гостиной кто-то шурует. Через коридор видно суетливую пляску фонарика. Иногда, свет соскальзывает в спальню и на мгновение выдавливает из темноты желтый угол буфета, белую подушку на диване, красный огонь чешской вазы на трельяже. От страха у нее поднимается давление, сердце бухает и горит лицо. Дверь взломали, гады, — думает она с ужасом. Рука ее ходит по простыне, деньги здесь, под ней, слава богу, вшиты в матрас. Успеет-ли она добежать до входной двери? А если нет? И сколько их там, ворюг? Удушат сволочи. Стараясь не шуметь, она тянется за слуховым аппаратом, втыкает бобочку в правое ухо и настраивает громкость. Сначала звуки с трудом пробиваются к ней через шуршание и свист, но постепенно она все четче слышит легкие стуки, осторожную возню и тихое женское пение.

Кто-то мурлычет:

И однажды сбылися мечты сумасшедшие,

Платье было надето, фиалки цвели.

И какие-то люди, за вами пришедшие,

В катафалке по городу вас повезли.

Подбородок у Шуры трясется. Голос тихий, жуткий и знакомый. Сердце бьется все сильнее, она лихорадочно соображает. Если даже она успеет добежать до двери, быстро открыть ее не получится. Замки у нее мудреные, от каждого свой специальный ключ. Остается только одно. Одернув ночную рубашку, она тихо поднимается, вытаскивает электрошокер из тумбочки и, стараясь не топтать, идет босыми ступнями на кухню. В коридоре, прижавшись к стене, она прокрадывается до гостиной. Потом решительно шагает в комнату и резко включает свет. Руку с электрошокером она прячет за спину. Свет заливает комнату и Шура оторопевает. Перед ней ее старшая дочь— Ленка. Стоя на коленях она роется в шкафу. Дверцы его распахнуты настежь, там Шура хранит счета и разные документы. Кипы развороченных бумаг с нижней полки вывалены на пол. Женщины ошеломленно смотрят друг на друга. Обе тяжело дышат всей грудью. Одна копия другой, с разницей в двадцать четыре с половиной года. Фонарик в руках у Ленки дрожит. Через минуту она приходит в себя, выключает его и лицо ее растягивается в натужной улыбке.

— Здраавствуй мама, — развязно и громко говорит она. — Я тут убратсья у тебя...

— Ах ты ссука! — прерывает ее Шура. Выставив вперед руку с электрошокером и тяжело топая босыми ногами, она решительно идет на Ленку.

Под нечутким, глухим пальцем мучительными переливами визжит дверной звонок. Кира рывком садится на кровати. В дверь бешено колотят и звонят одновременно. Она включает свет, на часах пол-третьего ночи. Из своей спальни, натягивая халат изнанкой наверх, выбегает испуганная мать. На лестничной площадке кричат.

— Кира, не открывай, — просит Вера Петровна.

Но дочь уже отстегивает цепочку и вставляет ключ в нижний замок.

— Что значит не открывай? Мама, это Шура кричит.

Шура в ночнушке стоит на пороге с перекошенным от ужаса лицом. Ночнушка белая, лицо тоже. В трясущихся руках у нее ключи и слуховой аппарат.

— Милицию! У меня воры в доме. Я их закрыла на три замка! — причитает она.

Вера Петровна кидается к телефону. Кира заводит соседку и усадив на диван, бежит за водой на кухню.

— Корвалолу! — кричит ей Вера Петровна, которая уже советует милиционерам как лучше проехать, — В левом верхнем ящике... Это я не вам, от кладбища направо, дом где аптека... Восемнадцать капель в ложку... Не вам! Прямо и до конца, сразу после детского сада налево... Запить дай! стакан держи! Не вам! Первый подъезд, третий этаж. Девятая квартира.

Шуру колотит, перед глазами мечутся белые, беспокойные мухи.

— Ленка, Ленка... Документы на квартиру хотела выкрасть! Я ее суку, электрошокером долбанула. Теперь лежит там. А я бегом... Дверь на все замки заперла. Никуда не денется теперь, зараза.

Вера Петровна переглядывается с Кирой.

— Зря мы милицию вызвали, — Кира взвешивает на руке пузырек с корвалолом. — Мам, восемнадцать капель на сто десять кило? Маловато.

— Да ты что, хватит! — пугается Вера Петровна.

— Да ты что! — кричит Шура. — Она же убить меня хочет! Документы на квартиру искала! На себя переоформить! Чтобы сестре Нинке ничего не досталось. А крест на прошлой неделе пропал? А банки литровые с балкона? Это все она! Гадюка. Знаю теперь змею! — трясет она указательным пальцем.

— У нее есть электрошокер? — через Шурину голову спрашивает Кира у матери.

— Есть, — говорит убитым голосом Вера Петровна. — Ей на день рождение Нинка подарила.

— Отличный подарок, ма! Хочешь такой на восьмое марта? Дайте мне ключи тетя Шура, — требует Кира.

— Не дам! А то уйдет! Только с милицией! Арестовать!

— Дайте мне ключи, она ведь может умереть! .

— Не ори, я не глухая! Пусть сдохнет, окаянная!

Шура трясет кулаком, в котором зажата тяжелая связка.

— Тетя Шурочка, вы же в тюрьму сядете, если она умрет. А я быстро посмотрю. Ну-ка дайте, дорогая вы моя.

Кира пытается разжать Шурин кулак. Куда там.

— Не дам! — орет и отмахивается соседка.

В дверь звонят. На пороге топчутся два юных милиционера. Шура, расталкивая всех в маленькой прихожей, устремляется к своей двери. Она недовольна, что их только двое. И те

сопляки.

— Хотя бы пятеро приехали! — сокрушается она.

— С десятью собаками, — подсказывает Кира.

Шура долго возится с замками и наконец открывает дверь. В квартире повсюду горит свет. Милиционеры осторожно проходят вперед. Тот что постарше выглядывает из коридора в комнату.

— Здесь никого нет. Стойте в подъезде, пока мы осмотрим квартиру. Но Шура не может ждать и бросается за ними. Кира и Вера Петровна следуют за ней. Все в полном порядке. Чисто, как и всегда у Шуры. Никаких следов борьбы в преступниками. На шкафе-купе сидит ее кот.

— Васик, поди сюда, — зовет его Кира.

Но кот этот — известный хам и всегда делает то, что хочет. Поэтому покружив, он опять усаживается.

— Пройдите на балкон! — зовет всех старший милиционер.

Два центральных окна распахнуты настежь. На полу валяется разбитый горшок с алоэ, вокруг рассыпаны комья сухой земли. Вера Петровна отзывает милиционеров в угол и тихо им объясняет, что Ленка не могла быть в квартире у матери. У нее нет ключей, потому что Шура никогда ей не давала. Мать давно не пускает дочь на порог. Пока они тихо переговариваются, Шура со свирепым лицом ищет Ленку в шкафах, за диваном, под кроватью. Поглядывая на нее, сержант задает вопросы Вере Петровне. А рядовой, ну совсем мальчик, игриво поглядывает на Киру. Кира вдруг вспоминает, что она в старой, застиранной пижаме и смущается. Деловито одергивает рукава, но это не помогает выглядеть приличнее. Чтобы скрыть смущение, она выходит на балкон и закрыв глаза, запахивает окна. Она до обморока боится высоты. Это — ее наказание. Глубина, темнота, змеи, пауки, тараканы и мыши несколько не пугают ее. Однажды на море, когда она была совсем крохой, отец с тревогой наблюдал как покачиваясь в волнах, она решительно шла от берега. Он сказал Вере Петровне: У девочки плохо развит инстинкт самосохранения. За ней нужен глаз да глаз. Ты посмотри, вода ей уже по уши, а она все шагает. Вообще ничего не боится!

Тогда она действительно ничего не боялась, а потом упала с третьего этажа и больше не могла спокойно смотреть вниз. Началом своего страха она считает тот случай, когда ее сильно напугала Ленка — дочь Шуры. Летом, перед поступлением Киры в хореографичку, Ленка развешивала белье во дворе. Она только родила ребенка и несколько недель после роддома жила у матери.

— Хочешь со мной на крышу? — спросила она. — Антенну хочу проверить, а то телевизор не работает.

Маленькой Кире польстило, что ее приглашают в такое интересное приключение. Но Вера Петровна не одобрила бы.

— Мне мама не разрешает.

— Наклала? Так и скажи, — махнула рукой Ленка.

— Я не боюсь.

Кира уперлась руками в бока.

— Тогда пошли.

Когда двери лифта разъехались, Кире вдруг стало страшно выходить из кабинки. Она испуганно посмотрела на Ленку.

— Ну давай-давай, чего застряла?

Ленка толкнула ее в шею. На металлической лестнице у Киры задрожали ноги, надо крепче схватиться за перекладины. Расстояния между ними большие, для взрослых. Теперь толкнуть тяжелую дверь и ох, здесь все совсем другое! Жарче, ветренее, и как — то больше, гораздо больше воздуха! А вокруг все зыбкое, неустойчивое, дом, на котором они стояли, шатался как плохой зуб. Напротив дома высоченная труба котельной ходила ходуном, да и под самой Кирой крыша норовила уплыть в сторону. Ленка уверенно подошла по гравию к низенькой приступочке у самого края, села и откинувшись назад нависла над страшной пустотой.

— Видишь я могу! А ты? — торжественно спросила она.

Киру затошнило, ноги стали ватными. Но она опустилась на колени и подползла к соседке. Дрожащими руками схватилась за бордюр и вытянула шею, чтобы заглянуть в обрыв. Внизу все казалось таким крошечным, как в Леголэнде. Недавно здесь разбился Хасан — один из близнецов братьев. Он запускал здесь воздушного змея и упал на подъездный козырек. Тогда Кира стояла в толпе и пыталась что-нибудь разглядеть. Мужчины что-то поднимали, и у них были страшные лица. С воем подъехала скорая помощь и Хасан исчез насовсем. Узбеки всегда называют близнецов-мальчиков Хасан и Хусан. Если есть Хасан, то должен быть Хусан. А теперь остался один неприкаянный Хусан. Может быть Хасана затянуло в эту воздушную бездну? Как засасывает ее сейчас? Что-то манит ее туда, какая — то сила, которая хочет чтобы Кире было плохо. Она отпрянула, но Ленка ее перехватила за пояс.

— Стой, не трясись так.

Она подтянула ее к себе и обняла. Кире стало страшно, как пойманная за крыло птица она забилась в Ленкиных руках. Вырваться не получалось, ее держали крепко. Не отрывая безумных глаз от лица Киры, Ленка все прогибалась назад. Еще мгновение и они обе рухнут вниз. Кира с трудом высвободила руку и шлепнула взрослую дуру прямо по лицу. Та злобно засмеялась и еще сильнее сдавила ее.

— Вы что здесь делаете? — мужчина в рабочем комбинезоне вылезал из чердачной двери. — Один уже разбился, мало? Сейчас бы замок на дверь повесил и сидели бы тут до второго пришествия.

Хватка соседки ослабела и Кира метнулась прочь. Ленка медленно поднялась и презрительно щурясь, неторопливо пошла к двери. Через несколько недель Кира выпала с балкона собственной квартиры. И Ленка, оказавшись рядом, повезла ее в больницу.

Через стеклянную дверь видно, что мать все еще занята с милиционером. Васик сидит на шкафе и смотрит вниз на Шуру, которая распахнув дверцы энергично копается в белье. Кире не хочется возвращаться в комнату. Какое-то время она смотрит сквозь стекла на улицу, при закрытых окнах не так страшно. Небо чистое, драгоценным опалом сияет полная луна, в сиреневой ночи качаются голые и суровые по осени тополя, ветер гонит по земле сухие листья. Прелесть ночи очаровывает Киру. Все таки хорошо! Она поворачивает голову в сторону дороги и видит прихрамывающую фигуру женщины. Не может быть!

— Лена! — кричит Кира и пытается приоткрыть окно. Голова у нее тотчас же кружится, руки холодеют и всю ее как будто накрывает тошным мешком.

— Лена!

Женщина ускоряет шаг. Она припадает на левую ногу, поравнявшись с гаражами,

втискивается между ними и исчезает.

На балкон выбегает встревоженная Вера Петровна.

— Кира, ты что?!

— Там внизу Ленка.

Мать выглядывает, на улице ни души.

— Ну что за глупости? Пожалуйста, закрой окно и иди в комнату. Сейчас только твоего обморока не хватает. Мать знает, что высота смертельно пугает ее дочь.

Еще некоторое время Кира всматривается в черные гаражи. Но женщина не появляется. Она до удивительного, была похожа на Ленку. С неприятным чувством чего-то невыясненного и страшного, Кира идет в комнату. Милиционер лениво записывает за Верой Петровной. Отрешенная от всего, Шура качается в кресле и разговаривает сама с собой: В окно прыгнула, зараза. Решетки теперь надо ставить, — она откидывается и смыкает глаза. Волокордин подействовал, — думает Кира. Но тут, на беду, в полной тишине Вера Петровна тихо, но отчетливо говорит сержанту :...прогрессирующий альцгеймер..., — и Шура сразу же оживает: Сама альцгеймер! Сама кукуешь, это тебе к врачу по пятому трамваю! — и крутит пальцем у виска. Сержант лучезарно ей улыбается и под локоть увлекает Веру Петровну в коридор. Второй милиционер, присев на диване гладит наконец спустившегося со шкафа Васика, и весь его китель мгновенно покрывается серой шерстью. Время от времени милиционер смущенно улыбается Кире и наконец решившись, стеснительно просит ее телефон.

— А я уезжаю в Москву, — улыбается она ему в ответ.

— А когда вернетесь?

— Никогда, — отвечает Кира и обзывает себя кривлякой.

— Я мог бы позвонить вам завтра, то есть сегодня, — спохватывается он.

Кире не хочется умыть парня, у него хорошие рыжие глаза, и она воображает, что он наверняка знает много веселых историй с таких вот безумных дежурств.

— К жениху едете? — интересуется он.

У него видимо все просто. Если девушка не дает телефон, значит у нее есть жених. Если едет в Москву, значит к жениху. Парня надо посадить в машину времени и отправить на полвека назад.

— Да, к жениху, — отвечает она и тут же ужасается: Ну как так можно было сказать?

Дома ей вдруг становится страшно.

— Мам можно я у тебя посплю?

— Подушку принеси.

Кира устраивает подушку пониже, как она любит.

— Ведь там внизу точно была Ленка. И окна были открыты! Кто-то же их открыл?

— Да-да, — устало соглашается мать. — Сиганула в окно.

— Мам, Шура уже пару лет не открывает окна. Она же помешанная, думает что Ленка в ней через окна пробирается.

— Ну и как ты себе это представляешь? Женщина под девяносто килограмм прыгает с третьего этажа?

— Ну я же падала с третьего этажа! И без единого синяка.

— Ты была совсем легкой, как мурашик. И тебе повезло. Слушай, давай поспим немного?

Вере Петровне давно все понятно. У Шуры в квартире уже пару лет творятся небывалые вещи. Все пропадает: простыни, полотенца, старые тряпки, ношенные тапки, еще что-то по мелочам. Она уже сменила деревянную дверь на железную. В этой новой, уже два раза переврезала замки, установила тяжелый засов. Церемония закрывания и открывания ее двери приводит в бешенство всех соседей. Дверь тяжелая, из трех-миллиметрового листа, грохот и лязг слышно во всех квартирах. Шура не открывает окна, у нее всегда душно. Отказывается оставаться на ночь в гостях у сестры и вообще, старается не отлучаться из дома, а вещи все пропадают. Кто-то должен быть виноват что вещи исчезают, и Шура находит виноватого, собственную дочь — Ленку. В ее новом мире, совершенно нормально, если взрослая, довольно тучная женщина забирается на третий этаж по складным лестницам, или как опытный альпинист, перещелкивая карабины, лезет вверх по решеткам нижних этажей. Столько усилий, чтобы поживится убогим барахлом. Вере Петровне с этими историями приходится соглашаться. Ну не скажешь же живому человеку что у него склероз. Вот, например недавно пропал золотой крест. Шурка сунула куда-то и забыла. А сегодня ей приснилось что Ленка пыталась украсть документы на квартиру. Бедная мать, бедная дочь!

— Вера Петровна, давай не выключим ночник сегодня?

— Давай.

Кира зевает. Смотрит на свою голую узкую ступню, шевелит розовыми пальцами.

— Надеюсь мои ноги не скоро деформируются. Ты бы видела у Матильды Исмаатовны такой страшный развал стопы... Это профессиональное.

— У тебя не развалится, у тебя птичьи кости, ты легкая как воробей, — уверяет ее мать. Потом вздыхает, — Знаешь, к старости все деформируется.

— Видно по Шуре, правда? Ну такая скучная! Если уж сходить с ума, то интересно, а она забуксовала на Ленке.

— А кто у нее должен красть? Чебурашка с подрезанными ушами как у добермана и крокодил Гена в саване? — усмехается мать.

— Ну какой крокодил Гена? Мам, ты все еще при социализме живешь. Ну скажем, зеленые человечки могут ползть из унитаза..., — фантазирует Кира.

— Зеленые человечки — не самое страшное, что может ползть из унитаза. Вот когда мы жили на первом этаже... Боже мой, о чем мы говорим? У тебя завтра есть спектакль?

— Дневной.

— Послезавтра вечерний, значит утром заглянешь к доктору Далаки.

— Не хочу к нему, — стонет Кира.

— Заодно расскажешь Ленке, что сегодня произошло. Все, на погружение, — командует Вера Петровна.

Глава 4

Стеклянную колбу отец подарил на день рождение, Кире тогда исполнилось шесть лет. Под ее куполом росло карликовое дерево магнолии. На ветвях, усыпанных цветами, сидели прехорошенькие бабочки. Основание колбы было выложено кусочками резанного зеркала, из-за них все множественно дробилось на фрагменты разного по яркости света, играло, слепило и завораживало. И если нажать на кнопку, начинала играть божественная музыка

Моцарта. В общем все было волшебным, просто волшебным. Подарок поставили в сервант и редко позволяли трогать. Через пару месяцев отец ушел от жены и дочери к другой женщине. Майя иногда приходила к ним в гости. Всегда на каблуках, она даже в доме никогда не разувалась. Желание увидеть ее босой изводило Киру. Она приносила шлепанцы в надежде, что та когда-нибудь разуется. Но Майя гладила Киру по волосам и уходила курить на балкон. Ступни ее безобразны, — решила Кира. Но ведь никто не знает! Может быть отец ушел из дома, чтобы подкараулить разутую Майю? В эти дни Вера Петровна лежала на диване с остановившимися глазами. Алина Евгеньевна привозила суп и когда могла оставалась ночевать. В доме было невыносимо тихо, про Киру как будто забыли. Не находя себе места, она сновала по квартире и все чаще замирала перед дверкой серванта. Колба отражалась в глазах, посверкивала зеркалами и просилась в руки. Как Кэрролловской Алисе Кире хотелось стать малюсенькой, размером с бабочку. Присесть на ветку, болтать ногами, вдыхать аромат магнолий и вместе с бабочками подсвистывать Моцарту. Та-ра-ри-ра-рам... Она не выдержала, достала ее и ушла к себе в комнату. Мать не сказала ни слова, рот ее был забит горем. В детской спальне выпущенная на волю колба заиграла. Кира нажимала на кнопку и хотела еще и еще чарующей музыки. Бабочки пели долго, пока наконец не умерли батарейки. Колба замолкла навсегда и Кира разрыдалась так громко, что Вера Петровна прибежала в комнату. Дочь сидела на кровати, обнимая безмолвную стекляшку, и в лице ее, обращенном к матери было столько отчаяния, что рот Веры Петровны некрасиво перекосившись, наконец открылся. Слезы заструились по щекам, горе стало выходить из нее медленно, через спазмы и вздохи, разрешая ей хотя бы немного стать прежней. Кира и мать долго обнимались, говорили о том что любят друг друга, об отце, о том что им нужно учиться жить счастливо без него.

Через несколько дней Алина Евгеньевна повела их в театр оперы и балета. Давали Золушку и Кира очаровалась навсегда. В этот день она снова почувствовала себя по настоящему счастливой. Ах, старый стеклодув-волшебник раздул купол подаренной отцом колбы, превратив ее в огромное здание. Кире уже не нужно было становиться маленькой, чтобы проникнуть в этот манящий ее мир. К театру можно было подъехать на трамвае, остановка прямо через дорогу. У парадного входа с колоннами бил фонтан, по ступенькам, через резные двери можно было пройти в здание и потрогать его мраморные внутренности. И ох, там было очень много всего: игра света юпитеров, яркие краски декораций и позолота орнамента, переливающиеся бархатом кресла, оркестровая яма, с похожим на пингвина дирижером. Когда перед увертюрой он взмахивал палочкой, в зале все умирало до антракта. Такой он был чародей. И бабочки! Они были на сцене! Живые и нарядные порхали и если останавливались, то замирали в таких красивых позах, с ножками стрелами, обутыми в невиданные туфельки, в которых можно ходить только на пальчиках. От восторга Кира благодарно смотрела то на мать, то на Алину Евгеньевну. Глаза были распахнуты от переполняющего чувства. Ей вдруг стало все про себя понятно, она сама станет бабочкой и музыка не стихнет никогда. Уж теперь она об этом позаботится.

Мамонт заметил Киру еще в училище. Хорошо сложенную девочку с высокой шеей и яркими глазами. То, что она выделялась на экзамене и на выпускном спектакле удивило его. Была в ней, не по возрасту техническая крепость и по возрасту, необыкновенная легкость, почти летучесть, вместе с изяществом четких движений. Но самое главное — умение

держат не сбиваемый апломб. Про это ее умение держать равновесие без поддержки, в училище ходили легенды. Мамонт был сражен и сразу же предложил партию Маши в Щелкунчике. Вот так сразу, без мучительного стояния у воды в кордебалете, она получила ведущую партию. Щелкунчик, две феи в «Спящей красавице» в первом и третьем актах, два стажерства и частые дивертисменты радовали ее целый год. Она протанцевала сезон и, ко всеобщей зависти, Мамонт предложил ей Китри в Дон Кихоте. Но этого уже было мало чего-то не хватало. В первый раз, сразу же после успешного дебюта, об этом ей сказала мать. Все еще в ознобе бьющего через край счастья, с букетом хризантем Кира сидела рядом с шофером такси. Дождь разливался по блестящему асфальту. Огни уличных ламп многократно отражаясь от всех мокрых поверхностей, еще напоминали ей авансцену, где она благодарно сгибалась перед зрителями. Ее питал этот обмен энергией со зрительным залом. Она чувствовала такой прилив счастья, что могла бы снова отыграть весь трех-актовый спектакль. В этот момент Вера Петровна сказала, что все таки нужно ехать в Москву. Ты когда — нибудь бываешь довольна? — резко оборвала ее Кира. Но мысль уже покатила по высеченному чужими амбициями желобу.

Гримерша Саша только что вышла. В воздухе дымится клубы лака для волос. До начала спектакля еще час. Грим для Маши самый незамысловатый. Кира и так выглядит как девочка. Саша быстро причесала и накрутила ее. Теперь нужно немного разогреться. Растянуться, чтобы не порвать мышцу или сухожилие. Кира этим никогда не пренебрегает, однажды на ее глазах неопытный стажер получил травму и вынужден был уйти в годовой отпуск. Нет, спасибо, это в Кирины планы не входит. Она натягивает на икры старые гетры и надевает кофту, поверх розовой туники. В театре холодно. Хорошо что за сценой есть вентиляционная труба, возле которой можно греться между выходами. Нельзя чтобы мышцы остывали. Она выходит из гримерки, в коридоре кто-то тут же приобнимает ее за плечи.

— Кураев!

— Милованова! Пойдем на лестницу... Поквакаем. Сегодня же в последний раз, да?

В растянутой олимпийке, поверх расшитого блестками кафтана и с сигаретой во рту, он напоминает принца, который прячется под одеждой свинопаса. Он живописен, да. Любимец пожилых балетоманок, преданно таскающихся на все его представления. Красавец-солист с мощной фасадной лепниной, кудрями до плеч и томными глазами. В каждом театре есть такой. Свой, взлелеянный.

Кроме них на лестнице никого нет. Кураев со вкусом затягивается.

— Дай мне тоже, — просит она.

— Ты же не куришь! — удивляется он.

— Сегодня курю.

— Чемоданы собрала?

— Вера Петровна собрала. Как в арктическую экспедицию Нансена, только без собачьих упряжек. В Москве, оказывается, бывают страшные морозы. Ты когда-нибудь бывал там зимой?

— Однажды попал в минус тридцать, чуть не сдох, пока такси поймал.

— Надо же! Я думала она врет, такая паникерша.

— Что Мамонт?

— Проходит мимо, даже не здоровается. Жалко его ужасно.

— Сам виноват, если бы отпустил сразу, ты бы не ушла в середине сезона.

— Он надеялся что я передумаю...

По лестнице с топотом бегут кордебалетные. Они уже при параде, накрашены и причесаны. Киру они никогда не жаловали, сначала из зависти, а теперь она подколотная змея. Мамонт пригрел ее на груди, вывел в солисты, а она предала его и театр. Они пробегают мимо, едва кивнув. На лестнице остается сладкий запах гиацинтов. Кураев машет сигаретой перед носом, как будто табачный дым гораздо приятнее.

— Ты все правильно делаешь, — говорит он. — С этой сцены далеко не прыгнешь. Кулисы в дырах, пол прогнил, тщеславие жрет, деньги копеечные. Вот они, — он махнул рукой в сторону двери, в которую выпорхнули кордебалетные, — только о деньгах и думают. Любовь к искусству плохо оплачивается. Пока им родители помогают, а будет семья, разве прокормишь? Дети не скотина, букеты кушать не станут. Я и сам уехал бы, но мне на пенсию через пару лет.

— Какая пенсия? Ты у нас еще такой огурец!

Кураев распрямляет плечи, чтобы показать какой он огурец. Пока его не выпрут, он конечно не уйдет. Кира старается не кашлять, плохой из нее курильщик.

— Мусина то в Москве? — игриво спрашивает он.

— Она меня ждет!

— Ох зажжете девки... Звезды на Кремле! Мой совет: ты с ней там не особенно... Муся только и умеет что без лифчика на трубе висеть. Одним словом стриптизерша, с ней быстро деградируешь.

— Да ну что вы все! — отмахивается Кира, — Что, я Мусю не знаю? Она не стриптизерша. Она яркая и индивидуальная, и что бы вы все не говорили, с ней даже деградировать интересно!

Мусю выгнали из театра пол-года назад, за то, что она по ночам танцевала в клубе. Скандал был громкий, но кто донес, так и не узнали. Хотя конечно, место было известное. На счет «без лифчика» — абсолютная неправда, Кира сама все видела, был кожаный лифчик, такие же трусы и ботфорты на шпильках.

— Заболоцкому было так интересно с ней деградировать, что он даже повесился, — не унимается Кураев. — Хорошо успели из петли вынуть.

— Кураев, цыц! — отрезает Кира и подносит указательный палец к его носу. — Как вам всем не надоело? Одно и то же, из года в год, уже и забыть пора...

Она вдруг бледнеет. По лестнице спускается Мамонт. Энергично, но все же тяжело отдуваясь. Поравнявшись с Кирой, он гневно бросает : Закурила уже? Ну-ну... То-ли еще будет! А ну иди за мной.

Кира с ужасом смотрит на Кураева и бросив окурок в песочную пепельницу, тащится за директором. Мамонт идет далеко, в пошивочный цех. Она семенит за ним по коридору, потом еще два пролета в подвал и наконец перед самым входом он останавливается, берется за ручку двери и поворачивается к Кире.

— Милованова, рекомендации я тебе не дам. Не проси.

— Я не прошу, — слабым голосом говорит она.

— Ну и дура, я же говорил.

Кира начинает злиться.

— Но вы же не дадите...

— Не дам, я уже сказал! — кричит Мамонт. — Кому нужны мои рекомендации в Москве? Там же все лауреаты конкурсов! А ты — лауреат? Нет! — отвечает он сам себе, —

Могла бы быть. Но у нас денег нет, на конкурсы ездить. Спонсоры только в карате, дзюдо, восточные единоборства деньги швыряют. Плевать им на нас, мы же никого не убиваем!

Лицо его морщится. Кира помнит как он тщетно пытался найти денег, чтобы отправить ее и Заболоцкого на конкурс в Варну.

— Рекомендации не дам, не проси!

— Я не прошу...

Он тычет ей пальцем в колени.

— Вот твои рекомендации. Две! Ты на них танцуешь... Покажешь им Китри с выпускного или гранд аллегро из партии королевы Виллис. Ты же была в Жизели стажером у Камиллы? А я тебе хотел партию дать... Ну что тут теперь говорить? Только ноги и помогут. И господь бог.

Кира вздыхает, чтобы показать ему как она все прекрасно понимает.

— Ноги, господь бог... и Заболоцкий. Слушай меня, он там на хорошем счету, и далеко пойдет, если опять с твоей Муськой не свяжется. Я с ним вчера разговаривал. Позвони ему, он обещал помочь. Его телефон у секретаря возьми.

Мамонт царственно указывает ей пальцем назад, в пустой темный коридор. Она свободна. У Киры набегают слезы. Она знает московский телефон Заболоцкого, ведь они столько лет бок о бок, учились в хореографичке. Но забота Мамонта, которого она бесконечно любит, трогает ее.

— Александр Пахомович... Я... Простите меня...

Она готова кинуться ему на шею.

— Зайдешь ко мне, когда ведущую партию в Москве получишь, и не раньше. До этого я тебя видеть не хочу. И слышать о тебе ничего не желаю!

Он захлопывает за собой дверь. Кира остается одна в полной тишине. Единственная лампочка на потолке освещает не крашенные бетонные стены подвала. На мгновение ей становится страшно. Что же будет с ней в Москве? В большом, чужом городе? Уверена ли она в своих силах? Сможет ли она там прорваться? Так — ли нужны там ее ноги? Она стряхивает себя эту минутную оторопь. Все будет хорошо, она в это верит.

Глава 5

Очередь к доктору Далаки длинная. Это довольно тоскливо, сидеть целый час с кислыми пациентами, дожидаясь пока тебя примут. В поликлинике прохладно и пахнет йодом, а на улице шикарный день, солнечный, без всякой мути в небе. Из кабинета выходит Ленка — Шурина дочь. Она работает медсестрой у Далаки. Подмигивает Кире.

— Сейчас, я схожу за заваркой, и заведу тебя.

В очереди осуждающе смотрят на Киру, а старушка, которая прямо перед ней, начинает тихо раздуваться.

— Да ладно, я подожду. Я вот, уже сразу, за бабушкой.

— Как знаешь, — улыбается Ленка и удаляется, оглаживая халат на крутых бедрах.

Кира внимательно смотрит вслед. Ленка не хромает, а уверено плывет по коридору. Крепкая, обтекаемая, похожая на новенькую, только что отлитую пулю. Той ночью на дороге женщина сильно прихрамывала, значит все это глупости. Из-за случая на крыше Кира не любит Ленку. Взрослая женщина и так напугать маленькую девочку! Это чувство она не может перебороть, хотя и должна быть благодарна соседке. Вскоре после случая на крыше,

Кира упала с собственного балкона. В тот день, Шура с Ленкой пили чай у Миловановых. Пока они обсуждали соседку со второго этажа, Кира шмыгнула в дверь лоджии, взгромоздилась на стул, чтобы пощипать струны для белья, а заодно поглазеть во двор и перекрикнуться с друзьями. А дальше она ничего не помнила. Ничего. Первое, что вылепилось из мутного пятна обморока — было лицо Ленки. Именно она несла Киру на руках до дороги, чтобы поймать машину. И именно она растолкала всех в очереди приемного покоя. Ослабевшую Веру Петровну вела под руки Шура. Ленка позвонила Далаки и он сразу же примчался. После осмотра он вывел совершенно целехонькую Киру в коридор. Мать сидела зеленая и сливалась по цвету с бактериями, которые извивались за ее спиной на плакате, ратующем за гигиену. В тот день матери нужна была помощь гораздо больше чем Кире.

— С третьего этажа, и ни одной царапинки! — восхитился Далаки. — Мне тут врачи сказали, утром у них был перелом бедра со смещением позвоночника. Мужик упал с табурета на кухне, лежать будет минимум пол-года.

— Перелом бедра, — бормотала ничего не понимающая Вера Петровна.

— Нет-нет, — это не у вас. У вас все в порядке. Дайте-ка женщине воды, — сказал он Ленке. — А у вас все хорошо, ни одной царапинки. Птичьи кости! Девочка совершенно здорова. Только вот... У нее родимое пятно на животе, пока ничего страшного, но надо будет наблюдаться. Лена, объяснишь женщине.

Ленка сделала для них в тот день очень много, но она скользкая и непонятная. Ехидная улыбка редко сходит с ее лица, она разговаривает со всеми издевательски-ласково. Она совершенно бросила мать. Кира не понимает как так можно? Никогда не звонит, чтобы узнать как Шура, не нужно ли чего. Все ее проблемы решают соседи. Вот сейчас, например, Шура отказывается выходить из дома. Все продукты до спичек покупает Вера Петровна.

Из кабинета высовывается Ленкина голова.

— Милованова!

Кира заходит в кафельную комнату со стеклянными шкафами. Как она все это ненавидит.

— Кира, я в восторге! Водил детей на Щелкунчика, какая Маша! — восклицает с восторгом Далаки.

Под пушистыми усами он складывает крупные губы в дудочку и свистит мелодию адажио. Кира скромно улыбается.

— Какая Маша! Маша да не наша! — не унимается он.

В который раз Кира думает что он, несмотря на степень, все таки пошловат. У нее нет благоговения перед его кандидатской, как у Веры Петровны.

— Не сфальшивил? — спрашивает он встревоженно.

— Очень похоже, — уверяет она его.

— Как дела, дорогая?

Далаки всегда говорит с ней излишне вдохновенно. Кире это неприятно, похоже он держит ее совсем за дурочку. Но так как доктор никогда ей не нравился, с возрастом она перестала сокрушаться по этому поводу. С Верой Петровной он говорит по другому. Нахмутив брови и мастерски жонглируя страшными терминами.

— Я ведь уезжаю. Мама прислала меня провериться перед отъездом.

— Теряем талантливых людей, — говорит он Ленке и смотрит на медсестру так, будто бы она виновата в отъезде Киры. — Зачем ты уезжаешь? Тщеславие большой грех, с ним трудно жить.

У вас забыла спросить, — хамит ему мысленно Кира и раздевшись боком выходит из-за ширмы. Ленка всегда бесцеремонно ее разглядывает. И это бесит.

— Ложись, милая Кира! — экзальтированно восклицает доктор. — Простынь сменили? — строго спрашивает он медсестру.

Кира ежится, пальцы у него холодные. От халата пахнет мазью Вишневского и крепким одеколоном. Он склоняется над ее родимым пятном. Два распростертых крыла или Фолклендские острова, как обозвал их однажды Глеб. Этих крыльев обморочно боится Вера Петровна. Главное чтобы они не поплыли вширь, чтобы их география оставалась неизменной. Не меняла форму и цвет. Кира к островам относится ровно, они часть ее, так же как и пальцы на руках и ногах. Радовало, что они на животе и их всегда можно скрыть корсетом. И не такого уж они и темного цвета, кофе сильно разбавленный молоком. Конечно, в спектаклях с восточными мотивами всегда короткий лиф и юбка или шальвары с низкой посадкой. Но и в этом случае можно попросить костюмных подшить вставки телесного цвета или просто замазать маскирующим кремом.

От нечего делать, Кира рассматривает лицо Далаки. Наверное, для женщин определенного возраста он привлекателен. Аккуратно подстригает усы и у него всегда тщательно выбрит затылок. Интересно, Вере Петровне он когда — нибудь нравился? Лицо у Далаки сейчас серьезное и сосредоточенное. Он мягко щиплет ее по контуру острого.

— Когда уезжаешь?

— В следующую среду.

— Значит на пятом, скором поезде? Тю-тю! И Кира от нас сбежала!

— Откуда вы знаете что на пятом? — удивляется она.

— О, я знаю даже расписание автобусов, которые возят гастарбайтеров в Москву. Можешь одеваться. Пока патологии нет, все как всегда. Лена возьмет кровь на анализы... И да, еще один соскоб. Это совсем новая технология.

Он тщательно моет руки и к удивлению Киры, мажет их детским кремом.

— Надеюсь ты понимаешь... С этим шутить нельзя. В Москве ты сразу встанешь на учет к Еникееву. Хороший специалист, не такой красивый как я, — он любуется собой в зеркале над умывальником. Приглаживает усы. — Но ничего, не противный. Играет на гитаре, испанская школа, играет как бог! Лена даст тебе его координаты.

— Хорошо, — покорно соглашается Кира.

При чем здесь испанская школа? — думает она. — К черту Еникеева с его гитарой. Уж без Веры Петровны я точно к этим врачам ни ногой.

Она чувствует себя великолепно. Это все задвиги матери. Ленка со шприцом в руке уже поджидает ее у кресла. Кира чувствует крепкий запах спирта, когда ей натирают внутренний сгиб руки.

— Лен, ты случайно не заходила к маме позавчера вечером? — решается спросить Кира.

— Конечно нет, — невозмутимо отвечает Ленка. — А что такое?

— Ну, понимаешь, такое дело... — переходит на шепот Кира, оглядываясь на Далаки. Доктор полностью поглощен заполнением каких-то бумаг, и даже сейчас на его полном, красивом лице гуляет самодовольная улыбка.

Ленка забирает Кирину кровь во множественные пластиковые пробирки. Осторожно завинчивает их и пакует в прозрачный контейнер. Часть оставшейся крови растирает по стеклышкам, которые аккуратно задвигает в специальную подставку с пазами.

— ...Понимаешь, окно было распахнуто, — шепчет Кира. — И твоя мама подумала, что ты выпрыгнула в окно.

— С третьего этажа? — уточняет Ленка и крепко складывает ее руку в локте. Держи пока, не отпускай, а то синяк будет. Густющая кровушка у тебя, надо было утром пару стаканов воды выпить.

— Кто выпрыгнул с третьего этажа? — вдруг спрашивает Далаки.

Никто, — хочется сказать Кире, но она сдерживается.

— Я выпрыгнула с третьего этажа, но сначала меня долбанули электрошокером, — объясняет Ленка, кокетливо улыбаясь. — Та же история, мать с ума сходит.

— Нужно отвести к специалисту, есть один хороший...

— Так она и пойдет! — отрезает Ленка. — Она меня на порог не пускает. — Открой рот, — просит она Киру.

— Это еще зачем?

— Новый метод тестирования. Я возьму соскоб со слизистой.

Маленькой щеточкой она лезет Кире в рот и хорошо пошкрябав ею за щекой, запаковывает в пакетик.

— Лен, может все таки зайдешь к нам сегодня? — просит Кира. — Вера Петровна попробует вас помирить.

— Не пойду, еще кипятком плеснет!

— Вы друг друга боитесь. Она не знает куда документы на квартиру спрятать. Думает ты их украсть хочешь...

Глаза медсестры сужаются.

— А она не говорила, куда она их хочет спрятать?

Кире не нравится ее противный, ищущий взгляд. Она пугается, Шура же просила никому не говорить! Ей теперь и самой кажется что Ленке действительно нужны эти злополучные документы. А иначе, зачем бы она так интересовалась?

— Закопала, кажется.

— Как закопала? Где? — не унимается Ленка.

— Я не знаю.

— Маразматичка! Они же там сгниют! — вскрикивает она.

Далаки начинает смеяться.

— Я тут кое-что вспомнил..., — оправдывается он.

У Ленки расстроенное лицо, зло сжатые губы. В разрезе халата взволнованно вздымается грудь. Моя руки, она забывает снять перчатки. И только намывив их, быстро стягивает и бросает в ведро. Кира вдруг ясно понимает, что рассказывать ей ничего нельзя. Хорошо, что она не проговорила. Улыбаясь, Далаки провожает ее до двери: Кира, дорогая, вот телефон и адрес клиники. Не забудь, доктор Еникеев. И уверен в следующий раз увижу тебя на сцене в Большом.

Сразу же после того, как за Кирой закрылась дверь, Далаки проводит ладонью по лбу, смахивая воображаемый пот.

— Знаешь, насчет этой квартиры..., — начинает Ленка.

Но доктор поднимает указательный палец, сейчас есть дела поважнее. И медсестра замолкает. Он вытаскивает из ящика стола айфон и набирает номер, прокашливается, лицо его становится опять игривым.

— Таисья Петровна, как поживаете?

— Далаки? — вопросом на вопрос отзывается в трубке хриплый голос.

— Далаки, Далаки.

Повисает пауза. Видимо Таисья Петровна пытается вспомнить кто же такой Далаки, высветившийся на ее циферблате.

— Июньский семинар. Мы с вами на банкете за одним столом сидели, а потом кальян курили в номере у чеха Гусяка.

Доктор берет со стола маленькое, увеличительное зеркальце и внимательно рассматривает свое лицо. Рот его растягивается от удовольствия, ему нравится то, что он видит.

— Восточный филиал? — вспоминает вдруг Таисья Петровна.

— Средне-азиатский. Как поживаете?

— Ээм, я на встрече, в Марио. Что вы хотели?

Далаки теряет, Таисья Петровна грубо дала ему знать, что кальян кальяном, а разговаривать с ним ей некогда.

— Ну, если по делу... Да вот стараемся изо всех сил, у меня очень хорошая новость. Поездом номер пять, в следующую среду, объект 861 выезжает в Москву. Сдаю с рук на руки. Девочка тянет на девятую категорию, отметьте шампанским, не выходя из Марио.

В трубке молчание. Далаки кажется что на том конце о трубку звякает бокал. Видимо Таисья Петровна пьет за свой орден прямо сейчас.

— Господин Далаки, во первых я не пью. Как сотруднику компании, которая придерживается жесткой, антиалкогольной политики вам должно быть это известно. Вы рапорт в головной офис послали?

— Нет еще... — запинается Далаки, ошарашенный ее ледяным голосом, — Я решил в первую очередь позвонить вам.

— Так вот, мне звонить не нужно. Это нарушение субординации и процессуального порядка. Я и пальцем не пошевелю пока не получу актио-ордер с инструкциями из головного офиса.

— Хорошо-хорошо, я сегодня же отправлю рапорт.

Голос у Далаки дрожит. Ленка, готовящая инструменты к стерилизации, испуганно на него оглядывается.

— Какого года объект?

— Ей девятнадцать.

— Почему не разобрались на месте?

— Решение пришло недавно. Своей вербовки у нас нет, мы ждали специалистов из Регцентра, но они не успели. Девочка уезжает. Извините, объект уезжает, — поправляет он сам себя.

— Срочно подайте рапорт. Всего доброго.

В трубке слышатся гудки отбоя.

— Всего доброго, — вежливо, в пустоту говорит Далаки и тут же взрывается, — Сука! Устрицы она жрет в Марио!

Он швыряет зеркало в угол стола. Но просчитывается, и оно со звоном разбивается о пол.

— А мы выпьем шампанского. Лен, достань из шкафа.

Медсестра с сочувствием поглядывая на доктора, достает бутылку и мастерски, в мгновение, бесшумно выкручивает пробку.

— За что пьем? — спрашивает она.

— За то, что избавились от страшного геморроя. Такого страшного, от которого даже умирают, — он махом опрокидывает фужер в себя. — Они там в Москве с ней помучаются. У Таисьи устрицы в горле встанут. Не пьет она! У нее глотка луженная... Вот гадина! — он нервно смеется, — Она одна бутылку вискаря тогда выдула... Я напишу рапорт сегодня... А ты отправь в Головной офис курьера с последними сэмплами и кровью. На вечерний самолет он успеет.

Далаки опять наполняет пластиковый стаканчик.

— Пусть думают что Далаки идиот и не может отличить девятую категорию от...

Он погружается в свои мысли. В стакане не рвущейся ниточкой поднимаются пузырьки шампанского. Ленка отпивает только один глоточек, оно теплое и поэтому противное. Далаки теперь трудно узнать. Где тот доктор, которого она любит? Обычно такой непробиваемый, Далаки раздавлен. На лбу испарина, руки дрожат.

— Да не переживай так, Алексис, — не выдерживает она.

— Не буду, а то не переживу. Что ты там говорила про мать? Далась тебе эта квартира? Ты же четырехкомнатную купила! Мать пожалей.

Ленка видит что Далаки нет дела до квартиры ее матери. Он полностью в своих мыслях, но сейчас хочет сменить разговор.

— Моя шизанутая мать хочет все записать на сестру. Меня она ненавидит, а я думаю, что сестра перебьется! Они хотят из меня дуру сделать, а я не позволю. Раз не хотят отдавать мне положенную половину, я заберу все!

Глаза ее злобно сверкают. Далаки понимает, что спорить бесполезно.

— Кстати, почему твоя сестра не в базе данных? Мы ее проверяли? — спохватывается он.

— Ну, доктор вспомнили... Конечно проверяли. Полный ноль, она же от другого отца, — презрительно бросает Ленка.

— Ну ладно-ладно... Будь осторожнее в следующий раз, — советует он. — Хорошо ты рукой прикрылась, а то могло и в район сердца трахнуть. С сердечно-сосудистой шутить нельзя. Неизвестно какой он мощности, этот ее аппарат...

Далаки представляет Ленкину мать с электрошокером и смеется. Ленка понимает почему и тоже прыскает.

— Какова ведьма? — спрашивает он.

— Тебе смешно, а у меня пятна на плече остались, — жалуется она еще подрагивая от смеха, — и нога болит сильно. Знаешь как трудно было не хромать перед Киркой?

Она пересаживается к нему на колени, но доктор вялый, разговор с Таисьей Петровной прибил его. Он слабыми руками обнимает плотную талию медсестры и тоскливо думает: Бежать! Бежать! Уехать бы в Грецию к родственникам, насовсем. Но ведь догонят, найдут! И тогда все, все будет кончено. А что дети, жена?

— Где Кира будет жить в Москве? — спрашивает он вдруг, вспоминая о рапорте.

Почувствовав равнодушие любовника, медсестра соскальзывает с его колен.

— Кажется у знакомого.

— Узнай адрес, или хотя бы как его зовут.

— Сегодня позвоню ее матери.

Некоторое время они оба молчат.

— А с квартирой я разберусь! Эта квартира будет моей! — говорит Ленка и наклонившись целует доктора в нос.

Чертово племя! Чертово племя! — думает Далаки и встает с кресла. — Я домой, рапорт писать. Скажи в коридоре, что до трех меня не будет.

Глава 6

Глеб только что припарковал машину. Его Фредерик Констант показывает половину десятого. Утреннее совещание скорее всего уже началось. День сегодня кажется состоит из одних неприятностей. Начальник отдела Лидия хотела собрать всех ровно в девять. И он почти было успел, но прямо перед поворотом к офисной башне попал в пробку. Теперь Лидка будет беситься. Глеб подмигивает новенькой девушке на рецепции, нужно будет как-нибудь перекинуться с ней парой слов, она уже вторую неделю призывно ему улыбается. В офисе жарко, выйдя из лифта он скидывает пальто, а потом и пиджак. В коридоре ускоряет шаг, чтобы Лидия видела, что он все таки хотел успеть. У начальницы хмурое лицо, сжатые губы. Сейчас начнется.

— Кто-то опять не ночевал дома..., — зло чеканит она.

— Доброе утро, Лидия, — подчеркнуто вежливо отвечает Глеб.

— Второй день в одной и той же рубашке.

Она демонстративно смотрит на свои ручные часики, хотя на стене, прямо перед ней, висит огромный офисный циферблат.

— И мы, кажется, опоздали.

— Да, застряли в пробке, — спокойно объясняет Глеб и включает компьютер. Он достает зубную щетку и дезодорант из ящика стола. — А Петраков где?

— В Караганде.

Ух, мы какие! Глебу смешно. Руки у нее скрещены на груди, напряженное лицо, вытянутая короткая шея. Разъяренный детеныш носорога. Глеб знает, что если начать извиняться, носорог тут же поднимет кучу пыли и тогда держись. Поэтому он ведет себя так, как будто ничего не случилось.

— Марина до сих пор не может купить тебе зубную щетку? — нападает Лидия и переступает с ноги на ногу. На ее мощных, как кегли ногах новые лаковые туфли. Такие высокие, что стоять на них долго невозможно. Поэтому она осторожно присаживается на стол переговоров, который немедленно начинает поскрипывать. Глеб знает, что на прошлой неделе она отвалила за эти туфли половину месячной зарплаты.

— Марине негде прятать мою зубную щетку, — дружелюбно объясняет он.

В ее глазах вспыхивает любопытство. Она любит подробности из жизни Глеба. Своя у нее, хоть и насыщенная, но личного в ней очень мало, все больше офисная суэта.

— Лидуся, туфли! — восклицает он и восхищенно вперивается в ее ноги. Это срабатывает, смущенная улыбка расцветает на ее лице.

— Думаешь? Ничего так, башмаки, да? Кофе будешь?

Гроза миновала. Глеб, в очередной раз с удовольствием отмечает, как ему опять легко

сошло с рук. Петраков бы лежал под столом, растоптанный новыми Джимми Чу.

— Из твоих рук все что угодно! Большой и черный, пожалуйста.

Прокатав подмышками роликовый дезодорант, он идет в туалет, чистить зубы.

До следующего раза с Лидией все улажено. Она всегда ревнует Глеба к его девушкам. Марину просто на дух не переносит. Ну что же, Лидию можно понять. Глеб полощет зубную щетку в раковине и смотрит на свое отражение. Немного припухло под глазами, он недоспал. Но все равно, чертовски хорош. Мать говорит, что он так себя любит, что у него все зеркало в засосах. Конечно, ему нравится пощурить глаза и поиграть бицепсами, но во всем этом много самоиронии и насмешки над самим собой. Во всяком случае так ему хочется думать. Он проводит ладонью по подбородку, хорошо бы побриться. Бритвенный станок в офисе ему бы не помешал. У себя в квартире держать его туалетные принадлежности Марина боится. А бриться станком Павлика, он конечно брезгует. И вот опять, после ночевки у Марины, он не мыт и не брит. Обычно, когда Павлик в отъезде, Глеб принимает у нее душ, а чистит зубы уже в офисе. Зубная щетка — веский аргумент для этого неврастеника — Павлика.

Сегодня утром Глеба разбудила Марина.

— Глеб, одевайся. Я еду в Аэропорт, Павлик скоро прилетает.

— Что?

— Давай-давай! Сейчас придет домработница, нужно убраться.

Она стояла у зеркала и уже давала указания по телефону.

— Смените белье...нет не шелковое, Павел Николаевич не любит... вымойте ванную...

нет полы не натирать, не успеете... просто пропылесосить...

В это же время она рассматривала себя в зеркало. Пучила губы и задирала подбородок. А Глеб прыгал на одной ноге, торопясь сунуть другую в брючину и вдруг наткнулся взглядом на ее лицо в зеркале. Марина встретила с ним глазами и гадко, виновато улыбнулась.

— Ты такая шлюха, — сказал он в сердцах.

— Я знаю, — ответила она, зажав пальцем слуховую дырочку в трубке. И сразу же, как ни в чем не бывало, щебетала дальше, — ...Омлет с семгой, творожники и фруктовый салат. Пошлите Васю за творогом, ему все равно нечего делать, Павла Николаевича я встречу сама.

Глебу вдруг захотелось схватить тяжелый подсвечник и грохнуть им зеркало, и вообще расколошматить мерзкую, в стиле несчастной Марии — Антуаннеты, спальню. Толстомордых херувимов на камине, картины с пастушками в витиеватых рамах, кривоногие шелковые стулья. Но начать колошматить — означало бы назвать вещи своими именами. Это было бы все равно что сказать вслух: ты, Марина, — последняя блядь, Павлик-купец, тебя покупает, а спать ты хочешь со мной. Но тогда нужно было бы найти нарицательное имя и для самого Глеба. А этого он очень боялся.

До ее ухода к Павлику, Марина несколько месяцев жила с Глебом. Она была известной девушкой с обложек. Одной из тех бледно-зеленых моделей, которых ввели в моду недавно. Щербинка в зубах, рассеянный, звездный взгляд, бесконечные, жирафьи ноги и узкие бедра тайского трансвестита. Правда, было в ней что-то ошеломляющее, когда она была при параде. Казалось, она принадлежит к другому, инопланетному миру. Любуясь ею, он часто говорил себе, что это красота с планеты, на которой еще нет разумной жизни. Он многое

узнал о Марине за это время. У нее были накладные ногти и волосы, нижние дорогие виниры. А она утверждала что все зубы у нее свои. Вообще, врала часто, без надобности. Когда она говорила: Я знала голод, Глеб подчеркивал: Добровольный. Она хищно любила тратить деньги. В бутиках глаза ее стекленели и на губах играла захватническая улыбка. Будь она буддисткой, думал Глеб, после смерти она бы хотела реинкарнировать в манекена. Маринин индивидуальный рай — валяться на звериных шкурах среди роскошных вещей в витрине магазина Гермес. Ей не надоедало покупать, ее потребительская корзина была без дна. Поэтому она ушла от Глеба к Павлику — тощему, нервному и лысому. Он сразу купил ей Кайен, и лысина не считалась. Глеб понимал, что у Марины приоритеты, и ничего с этим не поделаешь. Пока Павлик способен кидать в корзину без дна роскошные вещи и пока Марина не обглодает его до самых костей, она будет стелить ему простыни, которые он любит. Что и говорить, ухаживала она за ним хорошо, так рачительный хозяин бережет прилежную, рабочую скотину.

До Марины Глеба никто не бросал. Он делал вид что ему все равно, а все таки сжег много фотографий. Через пару недель она по сиротски сидела на ступенях под его дверью. Правда сиротской была только поза, а все остальное было куплено несколько дней назад в Милане. Поставив портфель у стенки, он присел рядом. Не забыв приподнять полы шиншилловой шубы, она встала на колени и заплакала. От Павлика ее все таки тошнило, и она разрывалась между Глебом и магазином Гермес. Он понимал, что выменян на шубы и кольца от Вебстера. Она все равно клялась что любит его, и Глеб думал что да, наверное именно так любят на ее чудной планете. Встречи их проходили либо у Глеба, либо в квартире, которую Павлик оформлял ей в подарок. Ее покровитель был щедр, ему нужно было компенсировать лысину. Глеб тоже старался, но возможности были не равны. Павлику было сорок восемь и он успел побывать председателем райкома комсомола, откуда как волшебные бобы и начал расти его бизнес. А Глеб после университета всего пару лет работал на престижную компанию. Он был всего лишь перспективен, а Марина хотела жить сейчас и обладать красивыми вещами, а не вздыхать у миражей в витринах. Каждый раз она обещала, что скоро оставит своего щедрого покровителя, но Глебу эти разговоры претили, и в глубине души он уже этого боялся. Полностью принять ее назад он бы уже не смог.

Неприятный день сегодня, неприятный. Кроме Марины, Лидии и невыполненного плана продаж, через неделю должна приехать Кира. Хорошо что Марина съехала к Павлу, иначе был бы крошечный ад. Ей было бы невозможно объяснить. Да ему и самому не хочется возиться с Миловановой. Она дочь подруги матери и все такое, он знает ее с детства, но мало ли кого он знает с детства? Этот аргумент пролетел мимо Алины Евгеньевны, мать была непреклонна. Глеб просто обязан позаботиться о Кире. В прошлом году родители уже навязали ему какого-то провинциального кузена, которого до этого он видел всего один раз в жизни. Кузен оказался неприятным, долго искал работу в банковской сфере, мочился мимо унитаза и разбрасывал вещи по квартире. В конце концов Глеб не выдержал и попросил его съехать. Все это вылилось в неприятный разговор с матерью. И вот теперь Милованова, которая может надолго застрять у него. Все эти мечты о Большом... Только провинциалы способны на такое. Нужно будет терпеть, ждать пока развеются ее иллюзии, все это так неудобно. Киру он помнит плохо. Пансионат, каникулы с родителями в горах, Вера Петровна, подсовывающая ему Маркеса... И маленькая девочка, влюбленная казалось во все

вокруг, что-то тощее с веселыми, ласковыми глазами мармозета. Рот до ушей, у нее тогда росли новые, в два ряда, зубы. Трусы, натянутые выше пупка, а под левым соском прыщиком, большое родимое пятно в форме крыльев. Ах, да! Фолклендские острова, шоколадные, плавающие на ее загорелой коже.

В десятом классе он забыл дома ключи и позвонил на работу матери. Она попросила его подъехать в хореографическое училище, где в показательном спектакле должна была танцевать Кира. Когда он наконец добрался туда на автобусе, все уже началось. Мамаши выступающих с шиканьем вдавили его в зал и закрыли двери. Ему пришлось опуститься на одно из крайних кресел в самом конце. Но чья-то тучная мамаша тут же сдвинула его вглубь еще на одно сиденье и заблокировала выход, он сразу же возненавидел ее. Мать и Вера Петровна сидели во втором ряду и добраться до них теперь было невозможно. С тоской и отвращением он посмотрел на сцену. Женщина с высокой прической закончила говорить и, придерживая артритное колено, спускалась по ступенькам в зал. Аккомпаниатор застучал по клавишам рояля, и теперь было неизвестно сколько нужно было ждать и мучиться. Глеб вздохнул от отчаяния, через полчаса к нему домой должна была прийти Лена из параллельного класса. У нее был второй размер груди и красивые лифчики Триумф, которые она потихоньку вытягивала из шкафа матери. С ней было очень интересно. На сцену вдруг выскочили девчонки и выстроились в два ряда. Все одинаковые, похожие на циркули — с тонкими длинными ногами. Их детские лица были накрашены как у взрослых женщин, и это было противно. Гладко зачесанные назад волосы, аккуратно собраны в пучки и залакированы до блеска. Толстуха в соседнем кресле вдохновенно пожирала глазами сцену. От волнения за свою девчонку она плотно прижимала мягкую руку к плечу Глеба. Он отодвинулся, и чтобы чем-то занять себя, достал из кармана жвачку. Когда стал ее разворачивать, соседка испепелила его взглядом и стало ясно, если он вздумает подняться, она устроит скандал. Глеб мстительно долго мял обертку, ситуация безвыходная, ему хотелось взвыть. Аккомпаниатор опять энергично забряцал на рояле. Высматривая свое чадо, мамаша сложила обе руки на груди, и Глеб из любопытства бросил взгляд на сцену. Ее девчонка должна быть из всех самой жирной. К его разочарованию жирных на сцене не было, а в центре, в самой первой шеренге, на авансцене, он увидел Киру. У всех девочек были одинаковые, напряженные лица, с высоко поднятыми на лоб бровями. Они стояли в ряд и одинаково махали руками и ногами. И только за Киру якорем цеплялся взгляд. В таком же как у всех белом корсете и короткой юбочке, точно также накрашенная как другие, с точно такой же прической, но совершенно особенная. На ее лице отражались радость и упоение каждым своим движением. От всей ее фигуры, головы, ножек струился поток блаженства, который как бы переливался через край сцены и затоплял зрителей. На ее мордочке не было того старательного, мертвого напряжения, что было на других лицах. И все у нее получалось очень ловко и бойко. Глеб, конечно же, ничего не понимал во всех этих синхронных маханиях, но почему-то был уверен, что она делает все лучше всех. Победно посмотрев на мамашу, явно не сводящую взгляда со своей не успевшей разжиреть дочери, он злорадно сказал ей вполголоса:

— Милованова лучше всех, правда?

— Эта будет звездой, — с улыбкой согласилась мамаша.

В этот момент Глеб испытал что-то вроде невольной гордости за Киру.

После обеденного затишья, офис гудит как развороченный улей. Глеб и Лидия изучают документы на поставку оборудования для одной небольшой компании. В отражении темного угла экрана Глеб время от времени видит лицо Фимы Клавчук, которая пришла по какому-то делу и, споткнувшись об Андрюшу Петракова, надолго застряла в коробе отдела. Он показывает ей что-то на своем компьютере и Фима заливается смешком. Лидуся неодобрительно косится в их сторону.

— Скажи Фиме чтобы не болталась под ногами. Пусть идет к себе в маркетинг, — возмущенно шепчет она.

— Почему я? — также тихо протестует Глеб.

— Потому, что она торчит здесь из-за тебя.

— Она торчит с Андрюшей, пусть он ее и выгоняет.

Большинство сотрудников компании — молодые, бодрые ребята. По темпераменту Андрюша вписывается просто идеально. В нем так много энергии, что она бестолково брызжет в разные стороны и мешает ему заниматься чем-то созидательным. У него чистое, детское лицо, и сам он на первый взгляд свеж и невинен. Лидуся держит его за дурачка, но Глеб подозревает, что несмотря на внешнее благодушие, за румяными щеками скрывается огромное честолюбие. Лидия давно бы от него избавилась, но его дядя — управляющий делами в Таможенном комитете. Поэтому Петракова нужно терпеть.

Лидия наконец не выдерживает:

— Андрюша, ты позвонил в МинЗдрав?

— Нет еще.

— Позвони немедленно. Фима, у тебя что нет работы?

Фима презрительно улыбается, ополаскивает Глеба в своих влажных, огромных глазах, и с достоинством удаляется. Идти ей недалеко, за смежную перегородку. В отдел Пиара и Маркетинга, который состоит только из молодых, одиноких женщин. Глеб его называет эстрогеновым углом.

— Андрей, — зовет Лидия, как только Фима выходит из отдела. Петраков нехотя отрывается от экрана. Она манит его пальцем. — Я еще вчера просила тебя позвонить в Минздрав.

— Вчера я занимался квотированием.

— Ну и что? Ты что, не справляешься со своей работой?

Вопрос был провокационным и Андрюша знал это. Любой другой запаниковал бы, но у Андрюши за спиной Таможенный комитет, который время от времени оказывает неоценимые услуги компании. Выгнать Лидия его не может, но в гневе она страшна, и он опасается ее взрывного характера.

— Ты что, игнорируешь мои задания?

— Нет, просто...

— Просто если мы ничего не продадим в этом квартале, наш отдел закроют. В Европе наймут человека, который будет решать вопросы по России наездами. Так им дешевле. За полгода мы продали на пятьдесят тысяч евро. Учитывая размеры рынка — это просто смешно! В ноль, они выходят с нами в ноль!

— Ну что ты, Лидия... У нас же два тендера на носу. За один квартал мы можем годовой объем плана наколошматить, — возражает Андрюша.

Ты наколошматишь, — усмехается про себя Глеб.

— Ты не понимаешь, мой друг. Мы сидим в полной жопе, — заводится Лидия и голос ее

начинает звенеть. — В прошлом полугодии мы прохлопали три государственных тендера. Наши конкуренты...

— Они просто на откат больше дали, — возражает Андрюша. — Если бы мы тоже дали взятку в размере...

— Их предложения были лучше, — испуганно перебивает его Лидия.

О некоторых вещах в компании говорить запрещено. Все дают взятки чиновникам, но все делают вид что этого никогда не происходит. Осознав что он забылся, Андрюша виновато моргает.

— Я что, один во всем этом виноват? Что я могу? — оправдывается он.

— Позвонить в Минздрав! Когда тебя просят! — орет Лидия.

— Я не знаю, за что хвататься в первую очередь, — испуганно жалуется Андрюша. Он уже понял что в этот раз не пронесет.

— В первую очередь нужно хвататься не за Фиму! Пусть она обходит наш отдел как чумной! — продолжает кричать Лидия. Ей прекрасно известно что Фима слышит ее вопли за перегородкой. — Я запрещаю, чтобы она здесь ошивалась!

Глебу в почту сваливается короткое сообщение от Фимы, которая конечно же все слышит: У нее что, ПМС? Иду разбираться с вашей дурой.

Он моментально отстрачивает в ответ: Только если хочешь потерять работу. Сиди, не высывайся.

— Глеб! — кричит Лидия.

Он быстро свертывает почту, чтобы Лидия ничего не увидела. Если она сцепится с Фимой, последней придется уйти из компании. Лидия умеет выживать людей. С ней считается Вик-Вик и головной офис. Она здесь со дня открытия представительства. Глеб отталкивается ногами и доезжает на стуле до стола переговоров. Лидия отшвыривает офисный табурет и садится на него. Она босиком, Джимми Чу все-таки доконал ее. От гнева лицо ее покраснело и она все еще тяжело дышит.

— Концерн Туровцына на днях объявит тендер. Речь идет о миллионах. Взятку мы дать не сможем, тендер не государственный... — Лидия вдруг пугается своих слов и нервно осматривается, никто не слышал? Кроме них в отделе никого нет. Она продолжает, — Мальчики, это мега-проект! Оснащение трех горно-металлургических комбинатов — ГМК. Мы должны выиграть этот тендер и сделаем для этого все! Туровцын должен полюбить нас. Мы его очаруем, загипнотизируем, почешем ему пятки, будем целовать в пупочек... Или что там ему нравится... Мы сделаем все, чтобы он нас захотел. У нас нет другого выхода, иначе нас уволят.

— Они не распустят отдел, — встревает Глеб. — Год назад мы получили премию за перевыполнение плана. Он ткнул в стену, где висела похожая на надгробие доска с их именами. Премии давно истрачены, а доска все еще напоминает о славных днях.

— Ты же знаешь какая ситуация на рынке. Прошлые заслуги никто не вспомнит. Вик-Вик сказал что уволят весь отдел. На кону даже его кресло. Поэтому, он будет нас стегать как погонщик своих верблюдов.

— Я готов работать по двадцать часов в сутки! — страстно уверяет Андрюша. — Три ГМК! Это же какую премию получить можно! С чего начинать-то?

Его вдохновение можно понять. Если сократят весь отдел, дядя не поможет.

— Начни с кофе, мне капучино, — умеривает его пыл Лидия.

Петраков уходит в оскорбленных чувствах.

— Ты с ним поосторожнее, — предупреждает ее Глеб, — он честолюбив. Еще плюнет тебе в кружку.

— Я бы его уже давно выкинула, но ВикВик не даст мне его даже царапнуть. У него полезные родственники.

Она откидывается на спинку стула и вытягивает ноги на кресле Петракова.

— Ну что, едет твоя провинциальная Мария Тальони?

— Де-факто, будет через три дня.

— То-то ты грустишь.

Глеб обреченно закатывает глаза.

— Не понимаю я ваши восточные дела. Это гипертрофированное гостеприимство. Базар, вокзал, рахат-лукум, все сидят на корточках, плюются и могут приехать в гости на полгода.

— Ты никогда не поймешь, Лидуся. Столичное жлобство в тебе сидит с рождения. Яблоко будешь?

— Марина снабдила? Прада или Шанель? Давай. И надолго Кира у тебя застрянет?

— Пока не встанет на ноги.

— Надеюсь у нее крепкие ноги. В Большой театр, конечно?

— Только в Большой, и у тебя как раз кто-то там есть.

— Тетя — главный звукорежиссер.

— Лидуся, мы друзья?

Она с хрустом надкусывает яблоко.

— Глеб, театр не проходной двор! Я не буду пристраивать гастарбайтеров! Они как саранча, с каждого поезда по три солиста в день. Знаешь сколько в Москве вокзалов?

Глеб знает, Лидию не переубедить. Помогать провинциальным, напористым нахам она ни за что не станет. Она уже заранее ненавидит Киру. Если бы Глеб мог точно так же отрезать матери! Но ему, давно уже пережившему возраст гормональных боев с родителями, было трудно ей отказать. Она бы никогда не поняла и не простила. Да и сам он первые пару месяцев, жил у родственников, пока не нашел съемное жилье. Ну где-то же ей нужно остановиться этой злополучной Миловановой?

Глава 7

Кира сидит на деревянном помосте, опустив ноги в прохладную воду. Рядом, подперев руками голову, на животе лежит Муся. Теплый ветер овеивает им лица, нежно треплет волосы. Вода в озере такая прозрачная, что видно зеленое дно, поросшее водорослями. По илистому дну ползают лягушки, а сиреневые рыбки юрко шныряют между пористыми камнями. Небо синее и отражается в воде, плакучие ивы спустили свои ветви низко, до самой озерной глади. Вокруг тихо, только слышны редкие всплески от прыгнувшей рыбы и нежное воркование древесного голубя. Кира болтает ногами, Муся тихонько что-то напевает. Ярко-синяя стрекоза зависает прямо у лица Киры, крылья ее дрожат, переливаются радугой, если бы Кира хотела, она бы могла поймать ее. Рука сама тянется, но стрекоза вдруг стремительно улетает. Неожиданно темнеет небо, все вокруг линяет в серое, сходят краски, черные тени ложатся на озеро. Воцаряется страшная, абсолютная тишина. Кира поднимает голову, глаза ее от ужаса расширяются, губы дрожат. Это не облака и не тучи, это огромные, висящие в небе люди. Они вглядываются вниз, что-то ищут, и не найдя, скользят по небу

дальше, как водомерки по воде. Трое зависли в небе прямо над Кирой, они внимательно ее рассматривают. У них непроницаемые, суровые лица.

— Муся, чего они хотят? — испуганно спрашивает Кира.

Подруга поднимает голову, но глаза у нее плотно закрыты.

— Молчи, — шепчет она. — Делай вид что ты их не видишь.

Кире страшно и плохо от того, что она не может понять, кто они и что же им нужно. Она набирает воздух в легкие и кричит в небо:

— Что вам нужно?

Муся тихо всхлипывает и зажмуривает глаза еще сильнее. Люди в небе молчат, и только один из них медленно опускает руку, его огромный указательный палец оказывается прямо над головой у Киры.

— Тебя, тебя... Я же говорила... говорила, их нельзя видеть... — плача шепчет Муся.

Все вокруг исчезает, подруги уже нет рядом, а Кира оказывается на мосту, настолько высоко в небе, что под ним проплывают редкие клочья облаков. Тишина, Кира слышит только свое тяжелое дыхание. Ограда истончается и тает под ее руками. Пытаясь найти поручень, она хватается за пустоту и начинает медленно падать в пропасть. Рот ее открыт, она громко кричит, но почему-то не слышно ни звука. Ей нужно перевернуться к приближающейся земле спиной, но у нее не получается, и она знает что разобьется насмерть. Тело выгибается в воздухе, кулаки сжимаются и Кира снова кричит во все горло. От этого крика она просыпается, рывком садится на постели и задыхаясь, жадно хватается ртом воздух. Отшвыривает сбитое одеяло, шатаясь встает на колени и прислоняется лбом к бетонной, прохладной стене у кровати. Потом идет на кухню и жадно прикинув к крану, долго пьет воду.

На вокзале все как на вокзале. Бегают в поисках своей платформы, вагона, купе. Поезд набит людьми, вещами, ящиками. Даже в тамбуре все заставлено. Люди везут на продажу все, что можно продать, а продать в Москве можно все. Еще крепкую оранжевую хурму — специально заранее снятую с деревьев, чтобы не перезрела. Зимние дыни, сухофрукты, орехи, а так же многое, попадающее под звучное, почему-то отдающее романтикой прерий, слово «контрабанда». Кто-то везет траву, кто-то большие суммы незадекларированных денег. Впрочем и трава и деньги хорошо припрятаны опытными людьми, постоянно курсирующими по этому маршруту.

Кирино место на верхней полке, но и там уже лежат чужие тюки. Пришлось что-то выяснять, с кем-то скандалить. В конце концов место отвоевано. Несмотря на позднюю осень, в купе очень душно. Пахнет печеньем, яблоками и потом гастарбайтеров. Вера Петровна и Кира выходят в коридор, к окну. У матери безумные от тревоги глаза, в эту минуту ей трудно думать о большой сцене, европейских турне, аншлагах и поклонниках. Мимо проходит группа крепких скуластых парней в спортивных костюмах и нутриевых шапках. Один из них, коренастый, с оттопыренными ушами, смеривает Киру глазами и обжигает широкой улыбкой стоматологического золота. Мать растерянно оглядывает людей и находит их слишком загорелыми на сезонных работах, слишком битыми жизнью и от этого, как ей кажется, готовых мучить и бить других. Ее хрупкая дочь не вписывается в этот грубый, жизненный интерьер. Чувство вины захлестывает ее. *Нужно было еще занять денег и на самолет...* Она беспомощно топчется на месте, пытаясь войти в купе за вещами. Но там

уже толпится группа провожающих. Легонько, за плечи Кира встряхивает мать.

— Мам, не волнуйся, все будет хорошо. Я позвоню, как только буду на месте. Мне между прочим не десять лет...

— Да в курсе я, в курсе, — раздраженно отвечает Вера Петровна, нервно осматриваясь.

— Ну не на фронт же я еду! В моем купе пожилой дядька, и вон... — Кира поднялась на цыпочки и снова заглянула в купе, — какой-то, — она окидывает взглядом уже лежащего на верхней полке рыжего молодчика с раскосыми светлыми глазами, и не находит что сказать дальше. — Ну чего ты боишься? Послушай меня, прекрати вертеть головой. Алле! Я здесь!

Ей нужно сказать матери то, что она хотела сказать уже давно, но никак не могла собраться с духом.

— Мама, это неудобно говорить но..... — замялась она. — В общем знаешь.... пусть товарищ Клименко — хороший специалист, теперь переезжает к нам. Правда, ну сколько же можно? У вас отношения...

— Кира... Миша... Михаил Николаевич мне друг, — смущается мать. — Да и вообще при чем здесь это? Дай как я посмотрю еще раз на этого, на полке..., — она пытается отодвинуть дочь.

— Да оставь его в покое, нормальный парень. Видишь, у него газеты с собой, значит читать умеет... Послушай меня, на соседей можешь наплевать, ты для них все равно падшая женщина, — Кира усмехается. — Шура сказала Зине, что видела как Клименко днем крался в нашу квартиру. Так что твоя репутация и так накрылась медным тазом, — тут она с досадой прикусывает губу, этого не нужно было говорить. Все испорчено, но исправлять поздно, прозвенел звонок. Проводник просит всех провожающих покинуть вагон.

— Мам, съезжайтесь и все, ладно?

Она виновато тербит руку матери, потом порывисто обнимает ее за шею и они обе плачут.

Шестьдесят три часа, плюс каких-то десять минут и она будет в Москве. Страшно, страшно, страшно. Страшно быть с ним рядом, дышать одним воздухом...

Она долго машет Вере Петровне в окно, посылает воздушные поцелуи, пишет на пыльном стекле. Мать стоит на перроне и время от времени прикладывает кулак к уху, наказывая чтобы Кира обязательно звонила из Москвы. Кира тоже подносит к своему уху невидимую трубку. Я позвоню, обязательно позвоню. Глядя на посеревшее от переживаний лицо матери, Кира улыбается ей и тихо приказывает поезду: Ну давай же, драндулет трогайся, не видишь как она мучается? Поезд слушается, мягко толкается вперед, немного осаживает и больше уже не колеблется. Поступательно наращивая скорость, уверенно двигает в сторону Москвы. Сначала дорожным ветром сдувает лицо матери, потом пропадает перрон и Кира, горько всхлипывая, пытается силой воли остановить слезы.

Глава 8

Через три дня, поезд дергается как в предсмертной судороге и останавливается на Казанском вокзале. Распахнув глаза, через запотевшее окно Кира высматривает Глеба. За грязным стеклом прямо перед ней стоит худощавый мужчина. Ей кажется, что все вокруг

замирает на минуту, и даже земля прекращает свое равнодушное вращение. Воцаряется пугающая тишина и только у Киры громко стучит сердце. В этот момент мужчина бросается вперед и обнимает только что сошедших с поезда женщину и ребенка. Вокруг все снова оживает и теперь движется даже быстрее, планете нужно наверстать упущенную минуту и в проходе сразу же сбивается толчея. Народ нахрапом прет из отделений купе, все боятся не успеть, и у всех испуганные, растерянные лица. Кира последней вытаскивает из вагона свой чемодан и сумку, оглядывается вокруг, но не находит никого, похожего на Глеба. Сыплет мокрый снег и холодный ветер гуляет на пустеющей платформе. Она оттаскивает от поезда свои вещи и начинает ждать.

Через час она основательно замерзла, но уйти не решается, а вдруг они разминутся с Глебом. Позвонить ему она не может, ее телефон разрядился еще в Оренбурге, во время последнего разговора с матерью. В коридоре вагона все розетки были обесточены. Это можно было сделать за небольшую плату у проводника, но она постеснялась стучать ему ночью, утром забыла, а когда опомнилась перед Москвой, у него уже образовалась длинная очередь. Все хотели приехать в город с заряженными телефонами. Вот так жизнь наказывает беспечных людей, — сокрушается про себя Кира. Платформа уже пустая, поезд отогнали в депо, зажглись фонари, хотя до вечера еще далеко. Руки замерзли в перчатках и она сует их в карманы пуховика. Снег быстро вымачивает ей волосы. Где-то в чемодане есть шапка, но открывать его не хочется, слишком глубоко она похоронена. Предостережения матери были не напрасными, зимой в Москве действительно холодно.

Вокруг никого нет, длинная линия платформы уже полностью успела забелиться. Небо серое и тяжелое, с него падают и мечутся крупные, снежные осы. Воздух звенит от мороза и Кира так дрожит, что ей кажется, у нее гремят кости. Она уже не чувствует пальцев ног, топает ступней о другую, чтобы согреться и прыгает вокруг столба. Но потом вдруг так устает, что садится на чемодан и уже не двигается. На соседних платформах приходят и уходят поезда, народ собирается и уезжает, приезжает и расходится. А она все сидит. Сколько же можно ждать? Лишь бы с Глебом ничего не случилось! Алина Евгеньевна предупредила его и два раза написала ему во сколько и на каком поезде приезжает Кира. Если бы только у нее работал телефон!

Сквозь множественные плоскости косо-летающего снега, Кира видит высокую, стройную девушку. Она медленно, гуляючи, приближается к Кире. Великолепная шуба хлопает полами по высоким сапогам. Пар из ее ноздрей вылетает быстрыми, сиреневыми струями, как у лошади. Что-то сильное и уверенное исходит от нее. Она останавливается возле Киры.

— Поезд пришел вовремя?

Голос у нее глубокий и властный.

— Да, полтора часа назад.

— Черт! Я в дороге застряла, знакомые видимо не стали ждать и уехали, — объясняет она.

Расстроенной она не выглядит.

— А ты что до сих пор здесь? Не встретили?

— Не могли бы вы мне одолжить телефон? — решается попросить Кира. — Буквально на минуту?

Диковинный, в стразы телефон переходит в ее руки. Номер Глеба не отвечает, и позвонив она скорбно отдает его обратно.

— Не переживай, здесь такое часто случается. Этот город меняет людей и не в лучшую сторону. Они здесь превращаются в...как это повежливее назвать... дерьмо! Боишься? — весело спрашивает девушка.

— Нет.

— А ты бойся, тогда может быть уцелеешь. Я — Таисья Петровна, но ты можешь называть меня Тайкой. Как тебя зовут?

— Кира.

— Собирай Кира свои баулы и пойдем, придется тебя подвезти.

В машине Кира никак не может согреться и мелко дрожит. Волосы у нее совсем мокрые от снега.

— Ты похожа на избалованного терьерчика, которого в мороз выкинули на улицу, — говорит Тайка.

— Так плохо, да? — спрашивает Кира.

— Да, но терьерчики обаятельные. Они умеют нравиться незнакомым людям и не пропадут.

Кира благодарно смотрит на Тайку. Ее не только спасли, ее еще находят обаятельной. Тайка бросает ей маленькое полотенце, чтобы она хотя бы немного высушила лицо и волосы.

— Слушай, раз твой козел не берет трубку, давай сначала пообедаем где-нибудь. Согласна?

— Спасибо, но мне как-то неудобно и вообще... — начинает Кира. Ей неприятно, что Глеба называют козлом, когда сама Тайка опоздала к поезду.

— Ой, не нуди, едем! Неудобно на вокзале под снегом стоять. Как тебя еще менты не загребли? А потом, я не занята до вечера, почему бы не пообедать с хорошим человеком?

Кира благодарно вздыхает, надо же как ей повезло с Тайкой! Что бы она без нее делала? Тайка нажимает на панель и бешеная, роковая музыка заполняет салон, разговаривать совершенно невозможно. Впрочем, у Киры не остается сил, чтобы разговаривать.

Кожаные сиденья быстро отогревают Кире зад и спину. Чудесная машина, просто чудесная, и удивительно как ловко Тайка ведет ее. Искусно маневрирует на полной скорости, агрессивно сигналист мешающим ей и время от времени вскрикивает: Куда?! Спида Гонзалес! Глаза ее грозно поблескивают. Теперь Кира ее хорошо рассмотрела, Тайка не красавица, и это жалко, потому что фигура у нее совершенно великолепная. Перед тем как элегантно плюхнуться за руль, она скинула шубу в багажник и осталась в водолазке и леггинсах цвета слоновой кости. Стройная, но не вялой худобой, во всем теле ее чувствуются энергия и сила. Эта сила видна и в удивительном лице. Всего слишком много, через меру. Тяжелый властный подбородок и огромный рот портят ее, зубы чудесные, но тоже слишком крупные и от этого лицо выглядит плотоядным. Глаза красивые, но переливаются зеленым, бутылочным стеклом.

— Линзы! — заметив ее взгляд, кричит Тайка сквозь громкую, ударную музыку.

У входа в красивое здание с колоннами они выходят из машины, Тайка небрежно бросает ключи швейцару. Кира начинает топтаться на месте, но Тайка как и на вокзале не

дает ей опомниться.

— А ну пойдём, — приказывает она.

Роскошь ресторана пугает Киру, внутри он весь в лепном орнаменте и позолоте. У стен книжные шкафы темного дерева, полки которых забиты книгами в кожаных переплетах. Высоченные потолки и стрельчатые окна подавляют своим великолепием. Тайка быстро стащила с Киры пуховик и кинула на стойку гардеробщице. Стремительно развернулась, от чего длинное жемчужное ожерелье съехало ей на плечо, и громко стуча каблуками пошла вглубь ресторана по сверкающему паркету.

— Пойдем-пойдем... Здесь немного пафосно, ну да, похоже на библиотеку, но мышей здесь не водится. Да не пугайся ты так, все это дизайнерский муляж, и книги ненастоящие...

Когда они садятся, официант подает им меню. От цен у Киры кружится голова, до этого, тысяча евро в ее сумке казалась сказочным капиталом. Теперь же выясняется, что на них три раза можно пообедать в этой библиотеке. Тайка склоняется к Кире и подмигивает: Ты угощаешь! — Потом оборачивается к официанту и тараторит:

— Два глинтвейна погорячее сразу. Два супа из фенхеля с креветками — очень быстро, девочки замерзли. К нему багет с чесноком, потом гребешки на гриле, Джон Дори, сладкий картофель ломтиками, не плохо бы спаржу...и бутылку Боллинджера. Девочки должны выпить за знакомство.

Увидев круглые от ужаса глаза Киры, Тайка смеется.

— Расслабься, я пригласила, значит плачу.

Кира протестует, у нее есть деньги и вообще, это неудобно. Но Тайка отнимает у нее меню и отдает официанту. После горячего глинтвейна, руки у Киры согреваются, щеки горят и все не кажется таким уж безнадежным. Тайка чудесная, вот бы Кире быть такой же уверенной и сильной. Она стесняясь рассказывает Тайке про Большой театр, все таки кто его знает, может ее туда и не возьмут.

— Хорошо танцуешь?

— Прилично, — нескромно заявляет Кира и сама себе удивляется. Наверное ее уже развезло, а ей ведь нужно еще найти Глеба. К шампанскому она уже не притрагивается.

— А шампанское? — спрашивает Тайка.

— Я уже...

— Подумаешь, а ну давай, очень хочется поглядеть на пьяненькую балерину. Станцуешь что-нибудь на столе. Что-то вроде: Жизнь праведницы после приезда в столичный вертеп.

Кира кивает.

— Одноактный балет по мотивам.

— Главное чтобы в конце никто не умер, — шутит Тайка, но лицо ее серьезно. — От несчастной любви, как у вас любят. Терпеть не могу это унылое говно.

— Осторожно! — с улыбкой предупреждает ее Кира.

— Мне нужно повеселей.

— Тогда в цирк, — советует Кира.

Она знает что в таких случаях спорить бесполезно. Каждый остается при своем.

— Другое дело! Я девочка без претензий, покажите мне лучше медведей...

— На лисапедах, — подсказывает Кира.

— О! — радостно вскрикивает Тайка.

Официант мастерски отделяет рыбу от костей. Кира восхищенно наблюдает за процессом и вдруг замечает, что со спины к Тайке подкрадывается очень худой мужчина. Умоляющими жестами, прикладывая палец к губам, он просит Киру, чтобы она молчала. Наконец на цыпочках добирается до Тайки и ладонями закрывает ей глаза. Тайка вздрагивает, рот ее кривится, кулаки судорожно сжимают нож и вилку. Кире становится не по себе.

— Зигги..., — говорит Тайка вслепую.

Человек целует ее несколько раз в шею.

— Отлезь, — морщится она.

— А это? — спрашивает он направив указательный палец на Киру. Подхватив другой рукой бокал Тайки, отхлебывает шампанское.

— Кира, — представляет Кира сама себя и робко протягивает руку.

— Зигги.

Некоторое время он держит ее руку в своей и внимательно разглядывает. Пальцы у него горячие и немного подрагивают. Глаза хорошие и ласковые, и Кире почему-то кажется что он все про нее понимает.

— Мы много лет работаем вместе, в одной паршивой конторе, — объясняет Тайка и тут же поворачивается к Зигги. — Вот, подобрала на вокзале мерзлую тушку лебедя. Балерина из Ташкента.

Зигги наконец отпускает Кириную руку. Он выглядит очень странно. Изящный, но довольно запущенный молодой человек. Этаким Болконский, который после долгого военного перехода небрит и не стиран, потому что его денщику оторвало обе руки, — думается Кире. Он чудовищно худ, черное пальто болтается на нем как на вешалке. Карман продран и оттуда хамски лезет выцветший подклад. Но тем не менее, во всей его фигуре чувствуется стиль и никакая запущенность не может скрыть этого.

— Друг мой, тебе нужно поесть, — предлагает ему Тайка.

— Отстань, Таисья.

— Ты скоро растаешь в воздухе...

Он неожиданно начинает смеяться. Смех у него мягкий, но чуточку безумный.

— Девочки, в какую смешную историю я сегодня попал!

Смех вдруг переходит в истерический. Кадык ходуном ходит под черным замурзанным шарфиком с монограммами. Он как будто задыхается в паузах между нервным, пугающим смехом. Но все равно он нравится Кире, ей почему-то его жалко. В то время как она чувствует себя неловко, Тайка явно злится. Глаза сощурены, пальцы барабанят по столу.

— Три машины! — восклицает Зигги, — Друг в друга, банг-банг-банг! Все вдребезги, куча гаишников, все орут! А у меня такая усталость...

— Бедный Зигги, он так много врет, — говорит с раздражением Тайка.

Он самодовольно закидывает руки за голову и ласково подмигивает Кире. Тайка с шумом выскакивает из-за стола.

— Друг мой, давай пройдемся. Кир, ты позвони пока своему этому...

Она протягивает телефон. Зигги послушно поднимается и отправляется за ней в вестибюль. Кире кажется или он на самом деле немного пошатывается?

Тайка притащила Зигги к стойке метрдотеля. Ее трясет от злости, глаза выжигают

Зигги, а пальцы нервно перебирают жемчуг в длинном ожерелье.

— То, что ты идиот, я знаю давно. Но настолько! Какого черта, ты ей рассказываешь про ДТП?

Опершись о стену, Зигги прикуривает сигарету.

Из алькова гардеробной к ним тут же выскакивает девушка.

— Извините, но здесь нельзя курить.

Он не спеша затягивается и протягивает дымящуюся сигарету гардеробщице. Та оторопело берет ее и поджав губы оскорбленно удаляется.

— А что такого? — пожимает плечами Зигги. — Москва большой город. Здесь в день по сто аварий. Понаехали... Вот, вроде тебя. У них трактор раз в год проезжал по деревне. На посевную, — поясняет он.

Тайка с трудом сдерживается. Зигги в одном из своих настроений и сейчас провоцирует ее на скандал. Если она вспылит, то все будет как всегда, а ей нужно поговорить с ним.

— Все аккуратно? Никто не пострадал?

У него скучающий, безразличный вид. Он молчит, Тайка терпеливо выжидает.

— Это было очень зрелищно, тебе бы понравилось. Я думал его машина со всей дури влетит в остановку, там человек двадцать стояло... Представь, жемчужные ворота, очередь к святому Петру и им всем есть о чем поговорить! — он заливается смехом. — Как в классическом анекдоте: Стою я на остановке, жду пятьдесят второй автобус, а вы какой ждали?...

— Кто-нибудь умер? — прерывает она его.

— Траектория изменилась, остановку он пролетел. А въебошил в киоск неподалеку.

— Умер? — вскрикивает Тайка.

— Ну что ты так кричишь? Тая, ты стала очень нервная. Да, умер...

От отчаяния она прикрывает глаза. Так запороть пустяковое задание! Теперь она утонет отчетах и объяснительных Центру. Плюс разбирательства с полицией и судами.

— Кто?

— Глеб Зимин... Ну и еще трое: женщина и два студента. Остальных увезли на скорой. Я был так занят с гаишниками, что не успел посчитать сколько.

Он громко зевает, в этот момент Тайка в волнении дергает свое ожерелье, прочная леска не выдерживает и рвется. Жемчужины разлетаются по всему фойе, Зигги замороженно смотрит, как они долго скачут по вощенному паркету.

— Филиппинский? — спрашивает он. — У Лили тоже был такой.

Официант с девушкой из гардеробной бросаются собирать жемчуг. Кивнув им, Тайка советует :

— Веником быстрее, там был целый метр.

Она вдруг хватает Зигги за воротник, его ветхое пальто начинает трещать по швам.

— Эй, послушай, оставь, — устало просит он. — У меня сегодня это уже было... около остановки. Порвешь пальто, мне его Лиля покупала.

— Зигги, ты осложняешь мне жизнь... Иногда я даже думаю, что нарочно. Я должна буду доложить, ты знаешь инструкции... И если это громкое уголовное дело... Четыре человека! — губы Тайки трясутся от злости, — Все, это край, второе предупреждение тебе гарантировано. Я же просила, просто задержать его, этого Глеба Зимина, а не устраивать массовую бойню на дороге.

— Докладывай, мне абсолютно наплевать. Ты же знаешь, — он с трудом отрывает от

себя ее цепкие руки. — Поди к своей новой подружке, ты ей нужна. Не уппусти момент, установи раппорт с объектом, посочувствуй. Ейный хахаль сдох от кровоизлияния. Башкой выбил лобовое стекло и приземлился на тротуаре, звук был адский, я слышал как треснули его кишки. Поди, ороси скатерть слезами, как тебя учили. У тебя на курсах был высший бал по психологии... А мне тут надо, по делу.

Тайка знает, если он хочет уединиться, остановить его невозможно.

— Хорошо, иди...Стой! Возьми у швейцара ключи от машины. Поставишь на ее чемодан жучок GPS.

Нахмутив брови и скрестив на груди руки, она со злобой наблюдает как неровной походкой он удаляется по коридору в мужской клозет.

Лицо у Киры серое, в глазах блестят слезы.

— Что-нибудь случилось?

— Глеб попал в аварию.

— Боже мой...

Тайка присаживается на стул и накрывает ладонью руку Киры.

— Долго разбирался с ГАИ, поэтому не смог меня встретить.

— Он что, жив?! — вскрикивает Тайка.

— Ему немного помяли машину. Мы договорились, что я поеду в офис и буду там ждать. Потому что теперь у него важная встреча, а отменить он ее не может.

— Он жив?!

— Думаю что да, — шутит Кира. — Я только что говорила с ним по телефону.

Лицо Тайки проясняется, Зигги все наврал, какой скот! И хотя она злится на него, все таки приятно думать, что теперь не придется улаживать дело с ментами. Подумать только, что минуту назад она ощущала себя на краю пропасти. Как он легко провел ее! Ужасный говнюк и она так дешево купилась. Ничего, она ему устроит.

— Не расстраивайся, — говорит она Кире. — Он жив, это самое главное. У тебя есть адрес офиса? Я отвезу, без проблем.

Из туалета возвращается Зигги. Нос его порозовел и он все время шмыгает. Тайка швыряет ему в нос салфетку и приказывает: Вытрись, сволочь! Он послушно оттирает остатки белой пыли под носом.

— Какая я дура! — говорит она.

Зигги хитро улыбается, его худое лицо трескается морщинками.

Глава 9

Кира разглядывает роскошный холл офисной башни. Мраморные колонны, многочисленные кожаные кресла и диваны, прозрачные столики. Вот, значит где работает Глеб. Под любопытным взглядом девушки за стойкой, она вспоминает, что похожа на чучело. Немытая три дня голова, усталое лицо, пуховик цвета пожара в джунглях, единственное теплое, что они с матерью подобрали на рынке. Присмотревшись как одеваются девушки в Москве, Кира подозревает, что ее пуховик уже несколько лет не в тренде. А девушка за стойкой одета с офисным шиком. Белая блузка со стоячим воротником и кашемировый жилет в ромбики. Она вся такая чистенькая и опрятная, что Кире кажется, что сама она гораздо хуже этой красавицы. Девушка продолжает пялиться и это раздражает

Киру. Может она до сих пор злиться на Тайку? Перед тем как уехать, ее спасительница чуть не довела ее до слез. Сначала она требовала найти Глеба, потом соединить с ним, затем хотела чтобы он спустился за Кирой. К счастью он был на встрече и недоступен, потому что Тайка намеревалась сказать ему какой он на самом деле козел. Кира смогла уверить, что теперь с ней будет все в порядке, и та, заставив ее записать кучу своих телефонов и адрес, наконец уехала.

Кресло очень удобное, теплая кожа как-будто всасывает в себя засыпающую после шампанского Киру. Надо бы почитать, что-ли? Где-то в сумке у нее есть книга Дэна Брауна, которую она брала в дорогу. Она не успевает склониться над сумкой, как стеклянные двери напротив нее расходятся и громко топая мимо проходит крупная женщина в норковой шубе. Не доходя до лифта она оглядывается и возвращается к дивану, на котором сидит Кира.

— К Зимину? — спрашивает она.

— Ой, да!

Она соскакивает с кресла. Женщина бесцеремонно пожирает ее глазами и молчит. Кире ничего не остается, как тоже разглядывать незнакомку. У нее неинтересное, полное лицо, буравящие глазки и сложенные в брезгливую полуулыбку губы. Они что, все здесь такие?

— Балерина из Ташкента? — наконец произносит она.

— Да.

— Ждите.

Женщина разворачивается и направляется к одному из лифтов.

Я и так жду, — обиженно думает Кира.

В этот момент двери самого ближнего к диванам лифта разъезжаются. И оттуда стремительно выходит молодой человек. Кира сразу узнает Глеба, он совершенно не изменился. Высокий, плечистый, в чудесном синем костюме и розовой рубашке. У нее громко начинается стучать в висках.

— Лидия! — обращается он к буравящим глазкам в норковой шубе. — Позвони в Вену. У них есть несколько вопросов по спецификации.

— Хорошо, — отвечает Лидия, не двигаясь с места.

Двери пустого лифта закрываются. Глеб всматривается в холл и машет рукой Кире.

Лидия невозмутимо смотрит то на него, то на Киру. Глеб нажимает для нее кнопку и лифт снова открывается.

— Любопытной Варваре на базаре нос оторвали, — тихо говорит он ей. — Тебе с Веной поговорить нужно, поторопись.

— Подождут, мне здесь очень интересно. Я люблю наблюдать жизнь, как она есть, на разных географических широтах.

Глеб радушно улыбается начальнице и кричит через холл, — Кира, это ты?

Он постарался вложить в голос как можно больше теплоты и доброжелательности, пусть Лидия лопнет от злости.

— За лицемерие пять, — сквозь зубы цедит она.

— Кажется, я! — робко отзывается Кира.

Широкими, уверенными шагами он быстро идет к ней. И без всяких церемоний целует в обе щеки. Отстраняется и оглядев, присвистывает.

— А ты изменилась! В последний раз, когда мы виделись, у тебя не было половины

зубов!

В лифте Лидия неотрывно сканирует Киру. Заметив это, Глеб представляет себе сцену, достойную фильма ужасов. Мотор! Кира и Лидия заходят в лифт вдвоем. Двери закрываются, а когда открываются на пятом, нужном этаже из кабинки выплывает одна только Лидия с плотоядной улыбкой на лице. К нижней губе, липкой от блеска, прилипло маленькое перышко. Позади, в размытом фоне бэкграунда видно сбитую в угол окровавленную Киру в куртку, а в воздухе медленно и красиво парят пуховые ошметки.

— Спиртным пахнет, — вдруг выводит его из кинематографических грез Лидия.

— Разве? — удивляется он.

— Да, это наверно я..., — смущается Кира. — Это мы в ресторане с одной знакомой грелись... Так замерзли на вокзале.

Торжественная улыбка расцветает на лице у Лидии.

— На вокзале?

Ох, как она довольна! Все так, как она и предполагала. Глебу вдруг становится весело, он поправляет галстук и попеременно смотрит то на Киру, то на Лидию. Ситуация совершенно комическая, ему смешно, что предсказания Лидии, к ее большому удовольствию, начинают сбываться. Кира приехала подшофе, с вокзала. Хороша. Она не подвела Лидку и оправдала все ее ожидания. Лидия еще совсем не зная Киры, уже ненавидела ее всеми фибрами. За то, что у Кира хороша собой, за то, что она смеет мечтать о Большом, за то, что она приехала в китайском пуховике и с дешевым чемоданом в город, где родилась Лидия. Вот эти московские дела Глеб терпеть не может. Он галантно пропускает Киру вперед и сразу же за ней выходит сам, оставляя позади обозленную начальницу.

В офисе Андрюша Петраков принес ей очень крепкий кофе из автомата. Кира кофе не пьет, но из вежливости медленно тянет тошнотворную, горькую жижу. Кажется, она произвела на Андрюшу сильное впечатление. Это льстит и немного ее удивляет. Выглядит она, скорее всего, чудовищно. В офисе она заметила много ухоженных девушек в дорогих костюмах. Они сидят за стеклянными перегородками, как редкие, разноцветные птички в Зоопарке. Отдел Глеба находится в таком же коробе. С двух сторон он отделен серыми пластиковыми перегородками, а с двух других стеклянными. Время от времени девушки порхают вдоль прозрачной стены. Они вышагивают на высоченных каблуках как по подиуму и даже через перегородку можно уловить нежный аромат их парфюма. Кира же одета по-дорожному. В свитер норвежского рыбака, который ей связала Алина Евгеньевна и туристские ботинки на рифленке. И хотя в туалете поезда она тщательно подкрасилась, вся эта красота осталась на полотенце в Тайкиной машине. Хорошо бы конечно привести себя в порядок, но она стесняется спросить где туалет. И потом, не по прет же она туда с чемоданом, ведь вся косметика у нее спрятана в его глубинах, а открывать его здесь и привлекать внимание придирчивой Лидии ей не хочется. Что же, в безвыходных ситуациях надо находить утешение в малом, даже в таком затрапезном виде выглядит она гораздо лучше чем буравящие глазки. Вон как Андрюша голубем ходит вокруг нее.

— Экстра-мини-петит, — шепчет Андрюша Глебу. — Я очень люблю петит.

— Вчера ты любил Фиму, а в ней метр семьдесят пять без шпилек. Всеядность — качество отчаявшегося человека, тебя будут презирать, — предупреждает его Глеб.

— Пусть! Ничего, если я за ней поухаживаю?

Его ручка падает и закатывается под стол. Андрюша лезет ее доставать. На уровне своего колена Глеб видит круглую, с мальчишеским затылком голову и ему почему-то хочется наступить на нее ботинком.

— Это было бы прекрасно, — тихо отвечает он. — Пригласи ее куда-нибудь. Москву покажи. Площадь, мавзолей, чучело вождя...

С одной стороны заявление Петракова почему-то неприятно разозлило Глеба. Даже удивительно, почему? С любой стороны, роман Киры с Петраковым был бы очень удобен. Глебу не нужно будет таскаться с ней по Москве, у него и своих дел хватает. Было бы хорошо так легко и быстро сбавить ее Андрюше. Он похоже запал. Ну да, она милая... Глеб заранее был настроен против Киры и ожидал от себя только раздражения. Еще вчера его бесили ее амбициозные устремления, провинциальная наглость и наивность, надежда на успех в самом главном, столичном театре. Сидела бы в Ташкенте, около матери. Но когда он увидел Киру внизу на рецепции, то не почувствовал ни досады ни возмущения. Она сразу расположила его к себе, была открытой и искренней. Ему показалось что как раз у нее все может и получиться. Вопреки прогнозам Лидии, она совершенно не вульгарна, у нее чудесное, одухотворенное лицо, маленькая голова на высокой шее, тугие ушки, густая копна волос. Худошава, как и все балетные, но не костлява, а именно тонка станом. Недурна—недурна, — подумал он когда увидел ее. Но Кира не в его вкусе, он любит высоких, светловолосых женщин, с вытянутыми конечностями, как Марина. Его немного страшило, что Кира может кинуться ему на шею. Он помнил о ее детской влюбленности в него. Поэтому на всякий случай решил оградить себя от возможных неприятностей. По всем комнатам и углам были расставлены старые портреты Марины. С экзальтированными девушками вроде Киры, которые так преданно служат искусству, нужно быть осторожным. Впрочем, возможно он ошибается и Кира поумнев, выбросила эту дурь из головы. Скорее бы она устроилась и съехала. Петраков кажется совсем не против, они будут счастливы. Андрюша — коренной москвич, живет отдельно от родителей в унаследованной от бабки квартире.

С Глебом Кире хочется быть остроумной и блистать. Томно щурить глаза и пренебрежительно улыбаться. Но она не может. Робость не позволяет ей выдавить из себя даже пары слов. В рецензии на одну оперу, она читала что любовь, это прежде всего страх и изумление. Этот страх ей теперь был понятен. Как только его глаза задерживаются на ней, она отчаянно паникует. Господи, за что ей такое наказание?

— Этот обкуренный..., — рассказывает Глеб Лидии про аварию, косится на Киру и понижает голос. —...Мудак, попер с примыкающей дороги на красный свет...

Пока он занят Лидией, Кира может позволить себе его рассматривать. Как он прекрасен! Она внимательно ловит каждое его слово. Если бы он ехал немного быстрее и не успел затормозить, все бы кончилось печально. Сзади в него врезалась другая машина. А в нее еще одна. Мало кто соблюдает дистанцию. Гаишники долго не появлялись. Серьезные мужики, которые сзади впечатались в его машину, хотели вытащить и поучить виновника аварии — тощего, апатичного яппи на ягуаре. Но тот заперся внутри, а они побоялись курочить дорогую машину. И этот обкуренный равнодушно смотрел сквозь стекла, зевал и

потом даже умудрился задремать под шумную ругань бесновавшихся снаружи.

— Представляешь какой он был упоротый! — спрашивает Глеб Лидию.

— Сильно тебя помяли?

Глеб вздыхает.

— Завтра отгоню на ремонт.

Да черт с ней, с машиной, — думает Кира. — Главное он жив. Она рассеяно слушает Андрюшу, который все это время от нее не отходит. Гул офиса, телефонные звонки, Андрюша — все это для Киры только фоновая музыка. Ведущая мелодия исходит только от Глеба. От него она передается ей на той правильной частоте волн, на которые Кира всегда только и была настроена. Энергичный голос Андрюши сливается со всеми остальными, посторонними звуками в монотонное гудение. В то же самое время она отчетливо улавливает тихое покашливание Глеба, стук его пальцев по клавиатуре, скрип офисного стула. Вот этот скрип гораздо важнее для нее, чем все то, о чем говорит Андрюша. Она выходит из этого оцепенения только когда Петраков оголяет плечо и показывает ей недавно сделанную татуировку — Кусаящего себя за хвост дракона.

— Татуировка — это как печать! — замечает Глеб не отрываясь от своего экрана, — Один раз в жизни я был идиотом.

Андрюша на мгновение обижается, но потом опять оживает, видимо он незлобив.

Глеб прислушивается как Петраков охмуряет Киру. Бодренький дурачок, ему и невдомек, что суетиться здесь бесполезно. Бастионы давно сданы добровольно, выброшен белый флаг, но не Андрюше. Все так, как Глеб и предполагал, Петраков бессилен, пусть хоть полностью вылезет из кожи. Глебу достаточно моргнуть и Кира прыгнет в горящий обруч. Коротко тренькнул айфон, СМС от Марины: Суслик, как ты? Павел остался в Париже еще не два дня, что-то с контрактом. Поужинаем сегодня? Глеб усмехается, просто отлично. Бросив на стол телефон, он не торопится отвечать, но Марина нетерпелива, тут же приходит другое сообщение: Дуешься? А я тебя люблю, приезжай суслик, мне грустно без тебя. Я не могу как... И без Павлика не может и без суслика..., — с раздражением думает он. Через минуту телефон опять оживает: Зовут на ужин подруги, а я хочу только с тобой. Марина так просто никогда не сдается, ее характер закалялся на Парижских кастингах, ее в дверь, она в окно. Глеб быстро танцует пальцами по телефону: Сходи развейся, я занят. Мне разбили машину. Приехала Кира.

Марина реагирует мгновенно: Возьмешь такси. Как она тебе?

Глеб строчит в ответ: Ого-го! И очень веселая.

Он откидывается на кресле. На лице мстительная, самодовольная улыбка. Но Марина немедленно идет ва-банк и выкидывает свои главные карты: Купила новое белье в фанси шопе. Реально пахнет резиной! Суслик, пожалеешь. — Глеб усмехается: Старую собаку нельзя научить новым трюкам. Признав поражение, он набивает ответ: Буду в девять.

Глава 10

Кира третий день одна в пустой квартире. Глеб привез ее в пятницу, уехал к Марине, и больше она его не видела. Муся не отвечает на телефонные звонки. Заболоцкий как абонент недоступен. Ну что же, вот Кира и в Москве. И где же барабаны? Где литавры и

колокольчики? Где та ликующая, манящая жизнь в полные легкие, к которой она так стремилась? Никому она не нужна. Даже у Веры Петровны по телефону подозрительно счастливый голос. Кира, конечно, ей все расписала в восторженных тонах. Ты Вера Петровна не переживай. У Киры? У Киры все отлично! Разве может быть по другому? Глеб просто душка. Если бы Вера Петровна знала, как Кире одиноко. Хоть волком вой.

В квартире Глеба все выкрашено в белый цвет. Эта арктическая белизна угнетает ее. В гостиной обстановка как в приемной у дантиста. Телевизор, высоко прикрученный к стене, столик, диван и два кресла на тонких ножках, в стиле семидесятых. Наверное так модно, но Кира бы никогда не обставила так свою квартиру. Ей нужны статуэтки, коврики, цветы в горшках, чтобы было уютно. Да, она привязана к мешанской пыли. В его спальне стоит огромная кровать с черными, шелковыми простынями. Кира чувствовала, что эти простыни от Марины. Вообще, Марины в этой квартире было много. Домашние шлепанцы на платформе. Кира мерила, они на три размера ей большие. Шелковый с кружевами халат, цвета вареной говядины, он еще пахнет духами. Фотографии расставлены везде, даже на прикроватной тумбочке Глеба. У Марины высокомерное лицо, короткий нос, острый подбородок. Она худая, ну и что? В Кире тоже всего сорок шесть килограмм. И в то же время Кира понимает, что как бы она себя не убеждала, Марина необычно красива. Кира открывает шкаф Глеба, ей стыдно, но она не может себя пересилить. Глаженные офисные рубашки висят в ряд, много голубых, некоторые в полоску, одна розовая. Она гладит их по рукавам и тихо укоряет себя: Я сумасшедшая, озабоченная, но что же мне делать? Я его люблю.

От чашки чая идет пар, Кира тарабанит по ней пальцами. Кончикам горячо, она задерживает их на горячем боку и потом, когда уже невозможно терпеть, одергивает руку. Она встает и подходит к окну. Дом Глеба типовой, посажен среди таких же натыканных высоток-пеналов. Во дворе никого, пусто. Такая же пустота у нее в душе, никто ее здесь не ждал и не хотел. Она вспоминает как небрежно и быстро Глеб показывал ей квартиру. Как нехотя дал ей ключи, как попрошайке. Совсем не было тепла в его голосе. Конечно, у Глеба есть Марина и всегда были женщины. А она-Кира лишняя. Что она может предложить ему? Марина столичная и утонченная, на фотографиях видно, как дорого она одета, у нее есть шик, которого у Киры нет. Разве можно купить шик на рынке? Они с Верой Петровной обегали весь рынок в поисках шика. Мать, правда, пребывала в глубоком самообмане, что с хорошим вкусом даже маленькие деньги могут произвести нечто грандиозно ошеломительное. Например, если с черной водолазкой и юбкой повесить на шею претенциозный кулон из придорожного бульжника, слава китайскому капитализму, то сразу можно сойти за приличного человека. Весь скудный гардероб Киры состоит из вещей чрезвычайно простых, геометрических линий, с претензией на французский шик. Кто бы знал что это такое? Все было черно-серых цветов. Гардероб юной вдовы, как назвала Кира весь этот траурный ворох. Тем не менее в последний вечер, перед отъездом в Москву, она самодовольно вертелась перед зеркалом, примеряя ту же водолазку и юбку, и тщеславно думала что все-таки в ней, Кире, что-то есть. Этот самый шик, который как они думали с матерью им удалось поймать и упаковать в чемодан. И вот, один день в Москве с Таисьей и девицами в офисе, и ее гардероб в стиле благородная бедность уже совсем ее не радует.

Она кидается к зеркалу проверить. Крутится во все стороны. Нет, все таки что-то есть. Может быть, еле различимое, но все таки оно там, мелко блестит, неуверенно мерцает. Вот и хорошо! Лишь бы не погасло. Она будет работать изо всех сил и развивать это неразличимое. Оно есть, а это уже и так много. Кира всего добьется, и докажет Глебу что она не просто китайский пуховик с дешевым чемоданом! Завтра она отнесет документы в театр. Нужно действовать. Она не будет ждать когда счастье упадет ей на голову, а будет бороться за него.

Глава 11

Муся, теперь более праздничная и яркая, что-ли. Что-то очень свежее в ее посветлевшей без солнца коже. Новая, незнакомая Кире шубка ловко сидит на быстрых, постоянно двигающихся плечах. Подруга всегда была быстрый огонь — все ее ладное тело не устает двигаться и легко принимать изящные позы. Каждый раз Кире открывается что-то новое, очаровательное и мимолетное, что нельзя ухватить надолго и оставить в памяти. В этом и было все притяжение Муси. В постоянном перетекании из одной позы в другую, поднятых бровях и играющей полуулыбке, всегда готовой легко растянуться и подарить мягкий, заразительный смех. Фотографии же ее, лишённые живого очарования этих бесконечных мелких движений, были всегда невзрачны. Тени всегда ложились неправильно. И однажды, перебирая снимки, сделанные в училище, Кира справедливо заметила: Муся, тебя нужно смотреть только живьем.

Теперь вживую, Кира сразу же вспоминает суетливую прелесть подруги. Муся очень рада Кире, она все никак не может успокоиться, постоянно дотрагивается до нее и мурлычет:

— Кирка, как же я по тебе соскучилась! Это китайский пуховик? Правильно, нужно же им куда-нибудь сбегривать перья от уток по пекински. А цвет какой чудесный! Я тоже в таком приехала. А теперь, смотри... Нравится моя новая шкурка? — спрашивает она поглаживая свою легкую шубку.

— Прелесть, — соглашается Кира и добавляет с издевкой, но по доброму, тоном давно установившимся между подругами, у которых нет секретов друг от друга.

-Меценаты подарили, наверное? Ценители искусства?

— Меценаты, меценаты, — улыбается Муся. — Нет не Алиш... Не знаешь кто. Алиш бросил меня полгода назад, когда его жена с ребенком приехала. Выставил мои вещи в подъезд, дал пятьдесят долларов, чтобы не пропала. Комик, правда? Спасибо Грише, он меня обул, одел и снял квартиру.

— Ты же в театре работаешь.

— Ну да, в театре, — вдруг обозлившись говорит Муся. Она достает сигарету и изящно прикуривает ее, — Это долгая история. Работала я тут в одном театре...А впрочем, это не интересно...

Кира с жалостью смотрит на подругу. Жизнь в Москве, которая издавека казалась такой легкой и беспечной, не так проста. Ей думалось что Москва спокойный океан, где все желаемое прибывает к твоему берегу. А здесь может штормить, оказывается. И даже разбивает лодки.

— Гриша тоже женат?

— А я знаю? Это очень личный вопрос, а мы с ним не так долго знакомы, чтобы

фамильярничать друг с другом. Да и вообще, при чем здесь это? Что еще? — обороняется Муся.

— Знаешь, Муся... Зачем ты врала? И про Алиша и про театр?

— Ну а если бы я тебе написала, что мне плохо? Что работу не могу найти? Что на улице осталась? Что стояла со всеми этими в подворотне, чтобы в Макдоналдсе поесть? Как мужики подъезжали на машинах, выстраивали нас в ряд и осматривали с включенными фарами! Я с голоду подыхала!

Глаза ее наполняются злыми слезами. Кира хватается за руку, но Муся ее отдергивает.

— Знаешь, — голос Муси дрожит, — Все и так считают меня прощмандовкой...

— Я не считаю.

— Ну, это ты так говоришь. Это тебя воспитали такой вежливой. Вы же все почкованием размножаетесь... Миловановы.

— Не ври! Ты дура последняя! Ты знаешь, что я тебя люблю и Вера Петровна тоже!

— Мне совсем некуда было деваться, хоть навсегда на панель, понимаешь? Еще менты эти..., — говорит Муся подняв высоко голову и выпустив дым быстрой тонкой струйкой.

— Ну почему ты ничего не написала?

— И что? Что бы ты сделала? Прислала бы томик Тургенева?

— Я денег прислала бы, или позвонила Заболоцкому.

— Ну как ты не хочешь понять!? Вот этого я и не хотела! — выкрикивает Муся. — Не хотела участия Заболоцкого, Мамонта и всего вашего подлого, академического коллектива!

Рука ее остервенело давит окурок в пепельнице. Кира кладет свою ладонь на ее руку и молчит. Мусе стыдно, она знает, что Кира — могила, и никто бы от нее ничего не узнал.

— Прости меня, пожалуйста...

Они обнимаются. Муся оживает, опять любитесь шубкой.

— Знаешь, этот Гриша-вылитый питекантроп. Смешно сказать, лобик узенький-узенький. И по морде может заехать если что...

От возмущения глаза Киры сужаются, она снова хватается подругу за руку.

— Но он меня от голодной смерти спас, пойми. Питекантроп — это же почти человек. Я конечно, благодарна, — она прикуривает новую сигарету. — Но и он не даст забыть, память у него, дай бог каждому хомо сапиенс, — усмехается она.

— А как с работой? — спрашивает Кира.

— В театре? — Муся смеется. — Уж ходила-ходила, искала-искала, все каблуки стоптала. Не берут! В офис не берут — нет опыта работы. В официантки я не хочу, да и деньги там платят... чулки не купишь. А что я умею? У меня в дипломе написано: Артистка балета и баста. Все родители, — нахмурясь говорит она, — растили богемную девушку. И вырастили на радость себе и на горе ей самой. Она ведь бедная только и умеет делать трагические лица и белыми ногами махать. И ты кстати тоже... Хотя у тебя шансов пробиться больше, ты у нас талантливая. Это я всегда на классике у боковой палки и в театре у воды. Это у меня всегда плохая спина была.

Настроение у Киры падает еще больше. Вот зачем она приехала? Видимо лицо ее меняется, потому что Муся сразу спохватывается и тараторит:

— Кирочка родная, ты меня не слушай. Ты же ведущая была, у тебя репертуар. Высокий прыжок, линии, благородная манера. А я что? До пенсии третья с конца... Ты талантливая, у тебя все получится. Хочешь, я завтра с тобой пойду? Поставим палатку у входа, спальные мешки купим... Не уйдем пока тебя не примут.

— Муся, что мне делать? — спрашивает Кира.

И по ее глубокому отчаянию Муся понимает, что дело совсем не в работе.

— У него кто-то есть, да?

— Конечно, но дело не в этом... Я ведь думала, что не к Глебу еду. Ну к нему тоже, совсем немножко, а на самом деле танцевать, в Большой. А оказалось что к нему.

Муся сочувственно кивает.

— Где говоришь он работает? Я его хорошо представляю. С лаптопа не слазит сутками. Задроченный...как это... высокими технологиями. Никого не видит, ничего не слышит. Где говоришь он работает? Вот-вот. Плечики узенькие, грудь впалая, обожает кожаные куртки и рюкзачки, а на голове жирные волосенки в хвостик собраны. Ненавижу таких — поднимешь хвостик на затылке, а под хвостиком что? Правильно — жопа. Но зато самомнения...как у индийского магараджи.

Муся вовсю старается принизить Глеба, чтобы помочь подруге.

— Муся, он совсем не такой. Твое счастье что ты его никогда не видела. Ты бы пропала как я.

— Я то? Щаз прям! А она какая? — спрашивает Муся.

— Необычная, ну знаешь как сейчас модно. Глеб сказал, что она рекламирует нижнее белье.

— С открытым ртом и настезь ногами? И похожа она наверное...на одну из этих смазливых, одинаковых... Ну знаешь эти девичьи группы, где куча красивых на одно лицо и одна страшная, которая умеет петь?

— Да нет, у нее фотографии в Elle Girl и Vogue. Он держит их на столике в гостиной. Но вот как тебе объяснить...она выглядит очень изысканной. *C'est tress sher...*(это очень дорого), как бы сказала Вера Петровна.

— Ну и что? Ты нисколько не хуже и тоже можешь выглядеть очень дорого. Тебя просто нужно приодеть. Если сжечь эту куртку и купить тебе что-нибудь приличное...

Кира хохочет.

— Муся прекрати, я же серьезно.

— Я тоже серьезно. Глеб — идиот, и он еще пожалеет...Как только ты получишь ведущую партию...

— Да это-то здесь при чем?

— Это всегда при чем, поверь мне!

Ухарским маршем у Муси заливается телефон. Киру поражает испуг, исказивший лицо подруги. Она суетится, вскакивает и обратно садится, тербит на шее брелок.

— Гриша, я не забыла, — оправдывается она. Лицо у нее потерянное. — Я не забыла, нет...Конечно помню. Ты же говорил, что позже. Ну раз так, ладно...Да, если заедешь за мной. Мы в кофейне...

Она вздыхает и тушит недокуренную сигарету в пепельнице.

— Другому кому соврала бы, тебе не могу. Кирка, ненавижу его! Эти глубоко посаженные глазки, ручища граблями... Идти пока некуда. Знаешь, гордости у меня много, а денег нет.

Кира в отчаянии, нужно немедленно вырвать подругу из лап этого чудовища. Спасти ее.

— Слушай, ну его к чертям, твоего питекантропа. Поедем к Глебу. Он не выгонит, — говорит она вдохновенно. — Найдем работу. Снимем квартиру на двоих...

Муся гладит воротник шубки.

— К Глебу? Да, он не выгонит, а знаешь как обрадуется! До потолка будет прыгать... —

она вздыхает. — Знаешь, Гриша мне снимает шикарную квартиру...

— Поедем и заберем твои вещи!

— У тебя есть деньги?

— Около тысячи евро. На первое время нам хватит.

Муся качает головой.

— Это очень мало. А у меня совсем нет, пропадем мы.... Пока не уйду. Да и он кольцо обещал, с изумрудом... А помнишь Милку с народного отделения? Уши — как локаторы? Вот у нее мужик! Квартиру купил и машину. Обул, одел и жениться собирается. И уши она подрезала. Сейчас такие ушки, как будто их гвоздями к голове прибили... А на нас посмотри! Мы же обе красавицы. Не то что Милка. Мы себе тоже найдем.

Кира укоризненно смотрит на подругу. Муся притягивает ее к себе и целует. От нее пахнет духами и сигаретами.

— Ты пропадешь здесь со своими дурацкими принципами.

Кира подавлена. Перспектива искать себе завидного мужа ее мало привлекает. Она любит Глеба и хочет танцевать в театре. Это так мало и так много, что просто страшно.

— Привет! — раздается у них за спиной.

— Здравствуйте, — автоматом отвечает Кира и тут же вскрикивает, — Зигги!

Улыбка у него открытая и чудесная. Он раскачивается с пятки на носок, на ногах у него почти распавшиеся кроссовки. На одном отваливается подошва.

Муся рассматривает его в упор и хмурится.

— Что вам взять, девочки? — предлагает он.

— Мы сами можем купить, — вызывающе отвечает Муся и двигает стул с сумкой поближе к себе.

Несколько секунд Зигги просвечивает Мусю взглядом.

— А вы кто? — спрашивает он.

— Ой, это Муся — моя подруга! — спохватывается Кира. — Муся, это Зигги.

— А человеческое имя у нее есть?

— Зигги! — смеется Кира. — Ну кто бы говорил!

— Ну что насчет кофе?

Из вежливости Кира просит купить ей мятного чаю, а Муся нарочно смотрит в другую сторону.

Когда он отходит, подруга цедит сквозь зубы:

— Кажется, полностью гашеный. Где ты его раскопала?

— Что значит гашеный?

Муся всегда категорична. Она с первого взгляда знает с кем дружить, а с кем нет. Кира не одобряет Мусин подход. Человека нужно сначала узнать, прежде чем разрешить себе думать о нем плохо.

— Да видно же что он укуреный. Боже мой, Кирка! Ты здесь точно пропадешь! Я сейчас его отошью, пусть катится.

Муся была мастером по отшиванию. Кира была этому свидетельницей много раз. Поэтому она испугалась Мусиного высокомерного: Вот что дядя...

— Не смей! Он мой хороший знакомый!

Подруга всерьез пугается.

— С каких это пор?

— Заткнись, он возвращается...

Зигги ставит стаканчик с чаем перед Кирой.

— Знаете что..., — начинает Муся.

Очень внимательный взгляд Зигги прибывает Мусю и она почему-то не может закончить. Он подвигает ей сухие бисквиты, которые ему дали к Кириному чаю.

Мусе не нравится Зигги. Как же можно общаться с такими? Погнать бы его сразу от Кирки, но он такой убедительный, что Муся опасается что-либо сказать. Скоро придет Питекантроп и он мог бы поучить этого хама хорошим манерам. Муся откидывается на кресле, скрещивает на груди руки и уничтожает Зигги глазами. Это мало помогает, потому что теперь он ее полностью игнорирует. Зато перемигивается с Кирой и с удовольствием пьет свой чернющий двойной эспрессо. Закидывает ногу на ногу и под задравшимися брюками Муся видит, что носки у него разные. Один линялый черный, а другой зеленый в желтую полоску. Кира тоже это заметила и теперь еле сдерживается чтобы не засмеяться.

— Готова поспорить, что у тебя дома есть еще одна, точно такая же пара. — не выдерживает она. Зигги переводит взгляд на ноги и ухмыляется. Кира и Зигги веселятся. Муся немного завидует подруге, Кира всегда нравится людям. У нее талант очаровывать всех вокруг. Но в этом, конечно, есть и свои минусы, приходится водиться со всякой швалью.

— Вот что...ты уже зарегистрировалась? — неожиданно спрашивает Зигги у Кирки?

— Нет... А зачем?

Он загибает пальцы.

— Завтра третий день. Может быть поздно. А что, тебе об этом ничего не говорили?

— Глеб забыл, наверное..., — пугаясь шепчет Кира. — Я его с пятницы не видела.

— Да ерунда! Тайка регистрирует тебя в своей квартире. Прямо сейчас.

— Ее регистрирует Глеб. Она живет у него, — заявляет Муся.

Зигги подвигает бисквиты еще ближе, прямо к ее руке и вкрадчиво говорит:

— А если Глеб не захочет регистрировать ее в своей квартире? Или он просто не придет на этой неделе? Или его автобус переедет?

Кира вздрагивает. Какой автобус?

— У нее другой адрес в миграционной карте, — говорит Муся. Уж она-то на этой регистрации съела собаку.

— И этот вопрос мы тоже решим, — отвечает Зигги. — Поехали?

В этот момент у Муси звонит телефон. Гриша уже подъехал. Они втроем выходят из кофейни. Кира садится в новенький спортивный ягуар Зигги. Мир Муси начинает трескаться, Гриша ездит всего лишь на пятерке BMW. Может быть Кира уж и не такая наивная дурочка?

Глава 12

Кира машет в окно Мусе. У подруги не очень счастливый вид. Питекантроп яростно стучит ребром ладони по рулю и выговаривает ей за что-то. Лицо его перекошено и дергается от злости. Зигги, который пропустил вперед его машину, ухмыляется:

— Деньги не дают счастья, но помогают страдать в комфорте... Жалко ее, да?

— Очень жалко, — грустит Кира. — По моему, такой гад!

Проницательность Зигги ее поражает, она с уважением смотрит на него.

— Мы все имеем то, что заслуживаем...

— Нет-нет, я не согласна. Она заслуживает гораздо лучшего!

Они выезжают со стоянки.

— Ты бы стала встречаться с этой обезьяной?

— Ни за что!

— Ну вот видишь...А кстати, Муся — это Маша?

— Нет, у нее фамилия Мусина...Вот и Муся. А зовут ее Одиллия-Одетта. Родители — эксцентрики, помешанные на балете. Она и в хореографичку не хотела. Заставили. Первые четыре года под конвоем ходила. Сначала бабушка, потом отец возил. Это был семейный террор.

— В паспорте Одиллия-Одетта? — ужасается Зигги.

— Прямо в паспорте.

— А я то считал своих придурками.

— Зигги — это Зигмунд? — пытается отгадать Кира.

— Нет, я не возлюбленный Одиллии — Одетты...А как бы было хорошо? — морщась смеется Зигги. — Все гораздо скучнее, просто подошла очередь на букву Z.

— Как это?

— У нас в детском доме уже было двадцать пять воспитанников, по одному на каждую букву латинского алфавита. Когда привезли меня, оставалась последняя Z. Директор был помешан на Дэвиде Боуи и назвал меня в честь Зигги Звездной пыли. Слышала этот альбом «Взлет и падение Зигги и пауков с Марса»? Я до сих пор благодарен ему, что он не был фанатом Зорро.

— Ничего себе! А что было потом, когда кончились все буквы?

— Все опять начали сначала. Девчонку после меня назвали Агатой, ей повезло больше.

Какой же он все таки просто отличный, этот Зигги. Кире становится его жалко. Наверное тяжело вырасти в детском доме, она накрывает его руку своей.

У большого супермаркета они оба пересаживаются в машину Тайки. Зигги разваливается на заднем сиденье, а Кира садится впереди. Тайка, кажется, недовольна. Она нервничает и покрикивает на Зигги.

— Сам не мог зарегистрировать? Мне опять пришлось бортануть тренера. А у меня самый дорогой в Москве, — жалуется она Кире.

— Что ты нашла в этом тупорылом качке? — спрашивает Зигги копаясь в ее пакетах, наваленных рядом с ним.

Тайка раздражается.

— Что значит нашла? Ты знаешь сколько он берет за час?

— Да видел я как вы тренируетесь! — смеется он. — Ты переплачиваешь, подружка, поверь. Хотя удивительно, что после стольких стероидов, он еще может...

— Не выдумывай! — резко прерывает его Тайка.

— Я выдумываю? — усмехается он.

Быстро ворочая головой по сторонам Тайка выруливает со стоянки.

— Почему у тебя так смердит в машине? — жалуется Зигги.

— Это новый освежитель, мне его в Дубаи смешивали. Совершенный эксклюзив, отвалила кучу бабла, пачули, гавайские орхидеи...

Зигги лезет вперед между Тайкой и Кирой.

— Эй! — кричит Тайка.

Но уже поздно. Он срывает фигурную баночку и опустив стекло, выбрасывает наружу. Еще некоторое время держит окно открытым, проветривая салон.

На время Тайка затихает. Сначала она дуется, а потом начинает атаковать.

— И когда ты уже выкинешь это пальто? Смотреть противно.

— А ты смотри на тренера. Он у тебя дорогой и...

— Похоже, ты спишь в этой ветоши.

— Когда холодно. Это монгольский кашемир.

— Вот-вот, пахнет старым козлом!

— Эй! За старого ответишь! — предупреждает Зигги.

Он потрошит Тайкины пакеты и вытаскивает упаковку с прозрачными пластинами пармской ветчины. Вскрывает ее и ест. Время от времени двумя пальцами он протягивает рваную ветчину Кире или Тайке. Они обе визжат и уворачиваются. Тайка тихо матерится и умоляет его не открывать шотландскую семгу, потому что если Зигги заляпает салон тут уж никакие освежители не помогут.

Регистрацию Кире оформили очень быстро. У этих ребят везде знакомые. После они заехали в узбекский ресторан. На столе дымится блюдо с пловом. Зигги вдруг заскучал, он не ест, в его глазах нестерпимая скука. Кира и Тайка поедают чудесный шафрановый рис. Тайка ест с большим аппетитом. Почти каждый день она тренируется в зале, поэтому не боится поправиться. Руки ее в мозолях от тренажеров и она уверяет что на бедрах и коленях у нее не сходят синяки. Зигги тут же начинает смеяться, а она становится бордовой.

— Я рада, что ты сегодня в ударе, дружок.

— Разве я что-нибудь сказал? — удивляется он.

— Правильно, лучше молчи и ешь.

— Можно хоть жрать не по команде? — спрашивает он и поднимается. — Я скоро подойду, посекретничайте тут, девочки.

— Ну, рассказывай, как ты? — спрашивает Тайка Киру, после того как Зигги исчез за аркой.

— Завтра я иду в театр, будь что будет, — храбрится Кира.

— Я найду тебе работу, только скажи. Будешь зарабатывать взрослые деньги. В евро, с четырьмя нулями.

Кира смеется.

— Я хочу только танцевать. Вне театра мне смерть.

— Это серьезное заявление, — комментирует Тайка.

Она откладывает обглоданное баранье ребрышко. И внимательно всматривается в Киру.

— Вас что, там зомбируют? Откуда в вас всех столько противного пафоса? Вроде ходите теми же улицами, что и мы. Имеете мобильные телефоны, смотрите тот же самый ТВ ящик... Но от вас несет нафталином, — Тайка манерно вытягивает руку и передразнивает Киру, — Вне театра мне смерть... Алло, планета Земля на проводе! — продолжает она возмущаться, — Вы отстаете на парочку столетий.

— Ну, есть немного, — улыбается Кира. — Ну как тебе объяснить... Конечно, теперь у нас электричество вместо свечей, подвижные платформы, костюмы из синтетики. Но в

сущности, сам театр мало изменился. Мы танцуем то же, что и сто лет назад. У нас до сих пор на корсетах крючки и те же пальцевые туфли. И лучше лент на пуантах еще ничего не изобрели.

— Вне театра мне смерть! — повторяет Тайка и закатывает глаза.

Кира заливается смехом.

— На сцене мы все объясняем жестами. Мы там все — немые и не приучены много разговаривать. Поэтому, когда нужно что-то сказать, выбираем самые точные слова.

— Что ты там забыла? За что убиваться? Пот, кровь, слезы... Интриги ваши пуантные. Вечно без денег, ну публика лениво похлопает. Неужели ради этого?

— Ну вот, ты опять сможешь сказать что это пафосно... и я с тобой соглашусь..., — серьезно говорит Кира. — Но когда они, как ты говоришь, лениво хлопают, я чувствую себя счастливым человеком. Мне нужна эта энергия, которая идет из зала. Они хотят лучше и я даю им лучше. Они это понимают и любят меня еще больше. Мы любим друг друга, на сцене я чувствую что могу сделать их счастливыми хотя бы на некоторое время, а это дороже денег.

Тайка недоверчиво вздыхает.

— Я люблю деньги, они дают мне свободу и покупают удовольствия. Когда мне захочется сделать кого-нибудь счастливым, в первую очередь я начну с себя.

Ее глаза сегодня яркого-голубого цвета, которого не бывает у людей. Наверняка опять линзы.

— Швейцарский топаз, — подтверждает ее догадку Тайка.

Какие же на самом деле глаза у Тайки? — думает Кира.

— Как тебе живется у этого... как его? — Тайка щелкает пальцами, — Глеба Зимина... Не гонит еще? Ты мой адрес знаешь, приходи в любой момент. У меня большая квартира, две гостевые спальни, любая будет твоей.

— Спасибо.

Кира надеется, что ей никогда не придется воспользоваться Тайкиным гостеприимством. Она ей нравится, но все таки что-то в ней настораживает. С Зигги Кире комфортно, а с Тайкой нет, сквозь ее благожелательность, проскальзывает пренебрежение.

— Послушай, этот Глеб... между вами что-нибудь происходит? — вдруг спрашивает она. — Он не стучится к тебе в комнату по вечерам, чтобы почитать сказки?

Швейцарский топаз блестит любопытством, Кире становится неприятно.

— Нет, мы просто друзья.

Некоторые вещи Кира может доверить только самым близким людям. Она плохо знает Тайку, чтобы полностью распахнуться перед ней. И потом, вопрос был задан так грубо и бестактно, что это ее возмутило.

— Мы знаем друг-друга с детства, — твердо отвечает она на Тайкину недоверчивую улыбку.

Тайка протягивает бокал с красным вином к Кириному, стоящему на столе. И под долгий звон потревоженного стекла говорит:

— Чин-чин...

Высадив Киру у дома, Тайка заводит машину и трогается.

— Останови на пару минут, — просит ее Зигги.

Она недовольна, но все таки паркуется у края дороги. В некоторых вещах ему отказывать нельзя. Он достает пакетик с белым порошком, маленькое зеркальце и пластиковой картой мельчит кокаин.

— Давно такого не было. Финансово-немотивируемый объект — это плохие новости, — говорит ей он. — Что у нее с Зиминым?

— Ничего.

— Это хорошо. Сильные эмоциональные привязанности нам ни к чему.

— Все кто ее сейчас окружают — порядочное говно. Надеюсь нам не придется напрягаться.

Зигги не отрывает глаз от зеркальца, на его лице предвкушение.

— Хорошо бы, я так устал от всего этого.

— Правильно, солдат спит — служба идет. Зарплату не устаешь получать? — возмущается Тайка.

Он не отвечает, сосредоточенно сворачивает купюру в трубочку и возвращается к разговору о Кире:

— Если она не любит деньги, значит любит что-то еще. Надо искать.

— Она глупа, с ней будет легко.

— Быстро ты ее припечатала, она совсем не дура, — возражает Зигги.

Тайка отворачивается к окну. За ним светлая, безоблачная ночь. Небо прошито яркими звездами, луна обливается серебряным светом. На улице пусто. Тайка смотрит вверх на высотку, в подъезд которой зашла Кира.

— Тебе оставить? — спрашивает он.

— Ты плохо кончишь, дружок.

— Знаю, мы все когда-нибудь умрем. Жизнь — это вспышка между двумя черными бесконечностями. Красиво правда? Набоков сказал. Хотя ты у нас не сентиментальная. Я бы добавил: Некоторые вещи делают эту вспышку гораздо ярче... Оставить?

Она мотает головой.

— Как хочешь.

Тайка откидывает голову и закрывает глаза, чтобы не видеть увлеченного процессом Зигги. Руки его подрагивают, лихорадочно блестят глаза. Его зависимость ей противна. Она и сама может втянуть по случаю, но одно дело, когда такие вещи делаются для куража. А другое, когда вся жизнь принесена в жертву.

— Оставь, погоди минуту, давай сначала поговорим... О тебе, — просит она.

Зигги недоволен, но опускает руки и закатывает глаза.

— Это очень скучно.

— Ты должен завязать.

— Послушай, я двадцать восемь лет делал то, что мне говорили. После того как забрали Лилю, мне все эти директивы встали поперек задницы. Я буду делать то, что хочу! А не то, что настрочили в своих многотомных трудах отцы-основатели. Понимаешь? Теперь, если хочешь поговорить об объекте 861, то давай поговорим быстрее. Потому что в эту минуту ты мне мешаешь жить так, как я хочу... Слушай меня внимательно. Я думаю, что Кира Милованова — сложный объект, что бы ты там не воображала. У нее серьезные карьерные устремления и их нужно устранить. А как это сделать, думай сама.

Он не хочет ее слушать. Тайка смиряется. Этот разговор она уже затевала не раз и не два. Все они в итоге выливались в безобразные скандалы и вызывали у него только

озлобление.

— Может просто нужно подождать? — поддерживают она его разговор о Кире.

— Если у нее седьмая категория, можно подождать. А если девятая, сама знаешь, никто тебе такой роскоши не предоставит. По любому, Большой театр для нее должен быть закрыт. Туда почти невозможно попасть, но в Ташкенте она солировала. Пусть Таракан займется театром.

— Ну ты и хам! У Таракана и так четыре объекта. Он безвылазно в регионах.

— Ему ничего не сделается, тараканы даже от радиации не дохнут. В свое время я тоже не вылезал из регионов.

— А ты в это время что будешь делать? С бабочками летать? Дай, я проверю твои руки.

— Отстань, ты знаешь, я не колюсь.

— Я знаю про тебя все меньше и меньше, Зигги. Ты сильно изменился.

Он радужно улыбается ей.

— Не напрягайся, старушка. Я в полном порядке. Когда говоришь придут результаты Киры из лаборатории?

— Через неделю. Все это подозрительно, знаешь Далаки много лет давал Киру как седьмую и вдруг заявил в девятой категории. Прямо перед ее отъездом в Москву. Почему?

Тайка спохватывается, но уже поздно, сказанного не воротишь. Она нечаянно ткнула спицей прямо в незаживающую рану Зигги. Ведь эта история очень похожа на Лилину. Вот сейчас он опять думает про нее. Когда же он ее забудет? По его лицу пробегают волны страдания, рот дергается, ему очень больно. Но заметив сочувствующее лицо Тайки, он тут же начинает кривляться.

— А может он просто некомпетентный мудозвон?

— Да еще то трепло, — усмехается Тайка.

Зигги склоняется над зеркальцем и втягивает кокаин.

Он пережимает ноздри пальцами и несколько раз резко вбирает воздух. Теперь он гнусавит, как при насморке.

— Не думай, что Милованова — низко висящая вишенка. Протянуть руку и сорвать не получится, не обольщайся. Ее нужно довести до отчаяния, чтобы не было сил подняться и жить. Чем хуже для нее, тем лучше для нас. Кстати, она встала на учет к Еникееву?

— Нет, конечно! Хотя Далаки ее запугал.

Зигги щекотно в носу, он несколько раз сжимает его.

— Истончишь перегородку — потеряешь нос, — предупреждает его Тайка.

— Если не жалко головы, то не жалко и носа.

Она вздыхает.

— Кстати, Еникеев мне жалуется, что ты ничего не сдаешь.

— Плодить таких же ублюдков как я? Скажи ему что у меня не стоит.

— Будут проблемы в Центре.

— Ну да, они меня заставят. Пусть приезжает Когль и отдрачивает у меня, я не против.

Зигги теперь ерзает, ему хочется жизни. У него веселые, безумные глаза и она вдруг начинает завидовать.

— Слушай я передумала... У тебя осталось этого дерьма? Сегодня можно. И давай кутнем по клубам что-ли?

— А давай! — бешено взвизгивает Зигги и они оба громко смеются. — Только дай слово, что не свалишь с первым же смазливим стрептизером, как в прошлый раз!

Вот оно свершилось, она здесь, на ступенях Большого Театра. Только что обошла на счастье все восемь колонн и загадала желание. Как счастлив должен быть Заболоцкий, который здесь танцует и добивается все новых высот. Пьянящий, холодный воздух полон обещаний и Кира грезит о том, что когда-нибудь она тоже будет стоять на сцене этого храма. Солнце пробивает тучи и над головой раздается хлопанье крыльев. Это голуби. Описав круг они приземляются в двух шагах от Киры. Жирные, с переливающимся аметистовым воротничком. Это благословение, хороший знак, зря Муся пугала ее. Кира ничего не боится, она не погнушается самых низких ролей, чтобы только иметь возможность показать себя во всем блеске. Ее имя по праву будет в списке солистов. Пришло время действовать, она решительно направляется на Большую Дмитровку, в отдел кадров. Перед дверью в комнату триста семнадцать она на несколько секунд замирает. Ей вдруг становится страшно. А если откажут? Потом собирается духом и постучавшись, решительно нажимает на ручку двери.

В отделе пахнет бумагой и гретым супом. В комнате три женщины. Две из них, примостившись с разных сторон узкого стола, пьют чай с печеньями. Третья, оторвавшись от экрана компьютера, встречается глазами с Кирой.

— Вы что-то хотели?

Серебряные украшения в восточном стиле матово поблескивают на ней. Бирюза, кораллы, речной жемчуг.

— Я...на работу...

Кира вдруг теряется. Уверенность куда-то улетучилась, предательски задрожал голос. Женщина кивает, молча забирает ее папку и раскладывает документы на столе. Встает и тут же на ксероксе снимает копии с диплома и паспорта, личного листка по учету кадров и складывает все это в отдельную стопку, вместе с резюме. Она делает все ловко, быстро и без суеты. Серебро глухо гремит на ней. К Кире, на пару минут, возвращается потерянная уверенность. Ей даже кажется, что прямо сейчас ее поведут в зал, где она покажет свое великолепное гранд аллегро. На всякий случай она захватила рабочий леотард и новенькие пуанты, которые хорошенько размяла дома и натерла кончики канифолью, чтобы не поскользнуться. Только бы ей дали время на разогрев.

— А где фотографии?

— Ой, нужны фотографии?

— Да две.

— Я принесу...

Как же она так могла так опростоволоситься? Нужно срочно звонить Мусе или Глебу, чтобы спросить где это можно сделать.

— Хорошо, принесете завтра. Сейчас напишете заявление на конкурс... Подождите... — женщина опять разбирает папку и, наткнувшись у самого дна на вырезки хвalebных статей из газет и журналов, ошеломленно застывает как кобра увидевшая мангуста. Некоторые статьи с фотографиями. Кира на них получилась четко, можно даже рассмотреть задорную улыбку на ее лице. Она начинает точно также улыбаться женщине, сейчас начнется переполох и ее сразу поведут показывать главному балетмейстеру. Женщина снова выуживает ее диплом и раскрыв внимательно изучает.

— Так, подождите... Вы не в оркестр?

— Нет, я в балетную труппу, — удивляется Кира ее вопросу.

Взгляд женщины холодеет.

— У нас вакантные должности только для артистов оркестра. Я думала вы на конкурс музыкантов подаете документы.

Кира снимает шапку, чтобы лучше слышать.

— А когда же конкурс для балетных?

— Такого не было уже несколько лет, своих хватает. Из всего штата танцует только две трети. Вы мастер сцены?

— Я солистка.

— И солистов своих тоже хватает, — твердо говорит женщина.

Она быстро впихивает все разложенные документы обратно в папку и протягивает ее Кире. Теперь все три женщины напряженно смотрят на нее, выжидая когда она уйдет. Кира проходит к двери и берется за ручку. Неужели это все? Вот за этим она ехала сюда три тысячи километров? Для этого оставила все, что у нее было дома? Она решительно возвращается к столу, ей нужно спросить, в конце — концов что она теряет?

— А может быть как-нибудь можно?

— Не можно. Я же вам говорю, у нас штат укомплектован под завязку. Свои годами не танцуют. Ждут очереди, а потом не дождавшись, уходят на пенсию.

Кира ожидала чего угодно, только не этого. Что, ее даже не посмотрят? Не дадут ей ни одного шанса? Остается последнее, хотя это и противно.

— Скажите, а Заболоцкий в театре?

Лицо женщины смягчается. Две другие, услышав знакомую фамилию перестают разговаривать. Заболоцкий, здесь твои друзья или враги?

— Вы его знаете?

— Да, мы вместе учились.

— Он в Таиланде. Вчера уехал в отпуск на две недели, — серебряные украшения опять звенят. Голос женщины теплеет. — Знаете что, я оставлю копии ваших документов и если что-то появится, мы вам позвоним. На вашем месте все таки, я бы не очень надеялась... Это должен быть какой-то совершенно особый, исключительный случай.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В отделе кадров знают, Заболоцкий — восходящая звезда и стремительно летит к славе. На него уже начинает ставиться репертуар. Он наверняка будет протезировать эту крошку. Землячество — сильное чувство у периферийных и портить с отношения с этой девочкой незачем. Потом будет рассказывать в газетах, как у нее документы не брали.

— Я занесу завтра фотографии? — спрашивает Кира.

— Да-да, занесите, но это не срочно. Можете не завтра, а как-нибудь..., — отмахивается женщина.

Кира натягивает шапку и выходит в коридор.

На улице холодно, тучи затянули солнце и все стало серым. В душе теперь тоже прохладнее и темнее. Кто же знал что все так не просто? Вера Петровна расстроится, хотя ей можно пока ничего не говорить. Остается одно — ждать Заболоцкого. Мамонт был прав, Ники поможет договорится чтобы ее посмотрели. За все остальное она не переживает. Дайте

ей только маленькую лазеечку, проползти ящеркой в этот дворец, ступени которого она готова целовать. Ей нужен только один шанс и она его получит! Киру голыми руками не возьмешь, она не из тех, кто сдается. Ей только нужно, чтобы ее увидели, а там она задаст пороху, расстреляет всех как из пулеметов, своими ногами. Убьет напором и техникой. Кира бодрится, но в душу понемногу закрадывается сомнение. А вдруг она не так талантлива, как воображает? И прыжок у нее не такой высокий? Конечно, для своей сцены она была хороша. Где родился там и сгодился. А сгодится ли она здесь? Лауреаты конкурсов и премьеры других театров здесь счастливы в кордебалете постоять. Возьмут ее в кордебалет? В третий ряд у кулисы? А Мамонт предлагал ей репетировать Китри и еще заманивал парочкой предложений, от которых обычно в обморок падают. А она отказалась и решила стать большой рыбой в большой реке. Выскочила из своего маленького аквариума. Не задохнется ли она по пути к этой большой реке? А как жалко каждого потерянного дня! Она так рвется на сцену, в пучину этой сумасшедшей театральной жизни. Ощутить на сцене восторг всевластия над зрителями, упиваться своим ликующим, полным бешеной энергии телом. Смотрите что я могу, смотрите. Дайте мне вашу энергию восхищения от того, что я могу. Она задыхается вне театра, как рыбка без воды. Как она хочет танцевать!

В метро у всех серые, злобные лица. Напротив сидят две молодые женщины, которые брезгливо читают журналы с красотками на обложке. Трудно радоваться жизни, когда кто-то на обложке, а ты в метро. Она надеется, что она не похожа на них. Она никогда не станет такой серой, не умеющей радоваться каждой минуте. У нее впереди счастливая, яркая жизнь.

В углу молодой человек, с интересом на нее поглядывает. Кира такие вещи замечает сразу. Крепкий, коренастый, руки как две мотыги. Удивительно, как нарядно он одет. Все, кажется, совершенно новое, как на манекене, — думает Кира. Наверное только сегодня срезал бирки. Блестящие туфли из разноцветной кожи, роскошный желтый шарф, новенькие перчатки. Ему все это не идет, он слишком груб и топорен. А как бы хорошо все это выглядело на Глебе! Кира отворачивается, но в отражении окна напротив видит, что мужчина развернул газету. На самом деле никому она здесь не нужна, никому до нее нет дела. Дома у нее была работа и люди, которые ее любили. Здесь она так одинока. До Муси не дозвониться, подруга никогда не берет телефон и редко звонит сама. Глеб по уши занят на работе, а Зигги и Тайке она звонить стесняется. Как жалко что Заболоцкий вернется только через две недели. Было бы здорово позвонить ему и сказать:

— Кто не умеет поливать, тот не умеет танцевать!

Это была известная поговорка в училище. Чтобы прибить пыль, перед классом они с Мусей наливали воду в тяжелые лейки и поливали пол в зале. Пахло мокрым деревом, через перламутровую зелень огромных тополей в высокие окна било солнце. Оно наполняло зал таким светом и радостью, что хотелось подпрыгнуть и взлететь под потолок к вентиляторам. Заходила Эльмира Феликсовна и они все становились к станку. Во время занятий Кира чувствовала, как с затылка по позвоночнику течет пот. Полотенце после классики можно было выжимать. Краем глаза она замечала, что у Савиной не только мокрая шея, но и лицо. Эльмира Феликсовна стукнула ее кулаком в лоб. Пусть в сердцах, пусть легонько, но это было обидно.

— Музыку слушай! Почему у тебя тело отдельно, а музыка отдельно? Плие каким местом жать нужно?! — хореограф хлопала себя по бедрам. Больше всего доставалось вялой, отстраненной Мусе, которая на занятиях всегда сникала.

— И пяткой! Мусина пяткой! Почему ты такая дура? — Она поворачивалась к концертмейстеру за роялем, — Я эту девицу никогда не выучу. Ну зачем она здесь? Она мне действует на нервы, — и опять кричала на Мусю, — Отойди назад, я тебя тащить не буду. Не мешай заниматься другим, если сама дура. Сядь, плие, нога, плие, нога! У тебя плие нет, ты качаешься... Нет я ее выгоню! Иди на скамейку.

Эльмира Феликсовна могла обзвать дурой любую. У всех при этом были стоические лица. От обиды дрожали губы, но показать что ты расстроена нельзя, было бы еще хуже. Поправляя заколки на голове, Муся уходила на скамейку. Натянув старенькое болеро, она рассеянно наблюдала за остальными. Широко зевала и мечтала о сигарете.

В последний год в зале настелили линолеум и полы уже не поливали. Не так летели мягкие туфли. Не нужно было их часто штопать и латать. Они всегда ходили втроем. Кира, Муся и Ники Заболоцкий. Славный Ники, он был хорошим другом. Жалко что теперь они не могут встречаться вместе. Заболоцкий вычеркнул из жизни Мусю, а Муся Заболоцкого.

Они всегда собирались у Ники в интернатской комнате. В открытые настежь окна медленно летели ключья тополиного пуха, в стекло звенел залетевший шмель, пахло травой и нагретой солнцем пылью. Шоколад таял и Кира облизывала пальцы, Муся давила прыщик, а Заболоцкий держал для нее пудреницу и не сводил влюбленных глаз с розочки на перламутровой створке. Они играли в карты и болтали обо всем на свете. Кира училась курить и все кашляла, Муся красила глаза зелено-фиолетовым, а Ники декламировал Шекспира.

— Могу тебя сравнить я с летним днем....

Он был беден как церковная мышь, но кормил их галетами, бегал за пивом и мороженым. С ним было всегда интересно, он постоянно что-то читал. Кира была тогда полной дурочкой и не догадывалась, чем занимались Ники и Муся когда оставались одни в комнате. Каждый день Муся накручивалась на термо-бигуди и после занятий носила на щиколотке серебряную цепочку с маленькой звездочкой. И это было шикарно. А Ники Заболоцкий, как бы талантлив он не был, приехал из маленького индустриального городка на юге. Отец его умер много лет назад и мать тащила троих детей. Жил он в интернате для иногородних студентов при училище. Носил всегда короткие, подстреленные брюки и застиранные рубашки. Он был бесконечно талантлив и невероятно трудоспособен. Ему прочили обширные, театральные горизонты. Жил он впроголодь, мать почти не присылала денег, у нее их просто не было. И он как-то умудрялся выживать на символическую стипендию. По воскресеньям Муся и Кира зазывали его к себе домой на обеды. Он ходил редко, потому что стеснялся. С самого первого класса он был влюблен в Мусю. И на предпоследнем курсе, когда весной все неожиданно перевлюблились и стали ходить парами, Заболоцкий и Муся стали встречаться по— настоящему. Мусю, впрочем, это быстро утомило, с Ники ей было скучно. Через пару месяцев пылких встреч, она бросила его ради Рубика из Мединститута. Кроме белых зубов у Рубика была новенькая машина, которую ему на двадцатилетие подарил отец. Перед выпускными экзаменами Муся вышла из училища с цепочкой на загорелой ноге и поправляя крученную челку, впорхнула в машину Рубика на глазах у всего курса. А вечером у себя в комнате, испортив брючный ремень, повесился Заболоцкий. Но насмерть не успел, потому что темпераментный Костя Парашвили ворвался в комнату как раз тогда, когда Ники еще хрипел в ремне. Парашвили вообще не умел ходить

медленно. В эту счастливую для Заболоцкого минуту, он бежал на свидание. Ему нужно было занять один презерватив, и поэтому он пинком распахнул дверь комнаты Ники. В следующую секунду, сотрясая басом весь интернат, он вынимал из петли друга. Заболоцкий отделался довольно легко, потому что Парашвили быстро бегал и умел громко кричать. Скандал замяли, фактически Мусю не за что было выгонять. Ее просто возненавидели и стали травить. Сокурсники считали что она предала Ники. А преподаватели за то, что никуда не годная девица чуть не убила восходящую звезду. И позже в театре ей никогда этого не простили. Когда с позором ее выставили за танцы в ночном клубе, все громко торжествовали. Заболоцкий быстро физически оправился, с блеском сдал экзамены и танцевал с Кирой па де де из Дон Кихота на отчетно-выпускном концерте. Но на сердце у него остался странгуляционный, незаживающий рубец, он весь как-то эмоционально одеревенел после этого. Скорбь была спрятана глубоко и он не мог расслабиться, потому что тогда бы она полезла наружу и все увидели, как ему плохо. Муся тоже делала вид, что ничего не произошло. Что же ей и не жить совсем? Быть привязанной к Заболоцкому навеки? После экзаменов, к великому горю Мамонта, Заболоцкий отверг все его предложения и сразу же уехал в Москву. И вот теперь он солист, хорошо известен в балетных кругах и о нем пишут статьи в столичных журналах. Кира не завидует, все что у него есть, он заслужил талантом, потом и кровью. Жалко, что Муся и Ники не могут забыть прошлого и снова быть друзьями. В последний раз, когда она написала ему письмо и как бы между прочим заметила, что Муся в Москве, он никак не прокомментировал и бодро писал о том, как хорошо складывается его жизнь. В ней явно не было места для Муси.

Глава 14

Вместо ожидаемого раздражения, все эти несколько дней Глеб ловил себя на мысли, что ему приятно находится с Кирой. Слышать ее радостный голос, видеть ласковые глаза и чувствовать, как она отзывается на каждое его слово. По тому, как у нее зажигался взгляд или менялся голос, он понимал, что все что он делает, необыкновенно хорошо. Все, что он говорит, не пропадает зря. Он отражался в ней как в чудесном зеркале, в котором неизменно восхищаешься собой.

Тем вечером, когда он вернулся от Марины, он опасался выдать свою недоброжелательность. Даже при небольшой способности чувствовать, это может быть заметным. А Кира, несомненно, очень чувствительная девушка. Он со смутными чувствами открывал дверь в квартиру, но ничего не изменилось. Квартира была идеально чистой, не выносившая безделья Кира выдраила ее. Все вещи были на местах, краны в ванной сверкали, полотенца висели в ряд. Это было приятно, потому что с Мариной Глеб привык к совершенно другому. К быту Марина была не приспособлена как дикий зверь. Бардак, который она способна была воспроизвести в течении получаса, ужасающе восхищал его. У Киры кухня была в идеальной чистоте и на плите было что-то давно не виданное Глебом — суп. Он почему-то смутился и когда она предложила ему поесть, неожиданно для себя повез ее на суши. Время в тот вечер пролетело незаметно, Кира не кривлялась, у нее был честный, открытый взгляд и очень трезвое суждение по всем вещам. Она не играла, не старалась быть лучше и эффектнее чем была, и эта естественность шла ей необычайно. Она рассказывала много смешного про театр, и Глебу было приятно слушать ее. Кира вела себя

так непринужденно, что он засомневался в своих подозрениях насчет ее влюбленности. Уж слишком просто она вела себя. Когда ему показалось что она не влюблена, он против своей воли испытал досаду. Ему было жаль потерять эту случайную, чужую преданность, чувство слепого обожания, просто за то что ты есть в этом мире. Это были смешанные чувства. Глеб был и рад, что Кира не влюблена в него, но в тоже самое время у него возникло смутное неудовольствие за потерю ее любви, которая льстила и раздражала одновременно.

В один из вечеров он вернулся домой рано, около шести, чтобы переодеться для ужина с заказчиками. Под музыку Мурчибы Кира растягивалась в гостиной. На ней было облегающее трико с открытой спиной, которое обнажало кошачьи, подвижные лопатки. Глеб не мог не признать что сложена она прелестно. Он не был поклонником балетных силуэтов, но Кира была на редкость пропорциональна. Тонкая, но физически сильная и гибкая. Высокая шея, выразительное, одухотворенное лицо. Он подумал что ему очень нравится то, что она не маникюрит руки и даже на ногах у нее не накрашенные, а просто аккуратно подстриженные ногти. Это почему-то его умиляло. Она складывалась пополам и в разные стороны, садилась на шпагат, а он как замороженный стоял в дверях и не мог двинуться с места. Тусклый свет двухрожковой люстры тепло ложился на ее тело и делал кожу розово-золотистой. Загар еще не сошел с плеч. Персиковое золото ее тела контрастировало с синим окном, в которое бился крупный снег. К таким вещам Глеб был чувствителен. К мимолетной редкости момента, который возможен только здесь и сейчас. Спугни его, и красота может исчезнуть. Увлекаясь фотографией он знал как редки моменты ощущения совершенства света, пространства и предметов в кадре. Кира подарила ему такой момент, и он почувствовал себя благодарным. Хотя она и не возбуждала его как женщина, он понимал в чем ее прелесть. В ней все, от мизинцев на ногах до кончиков волос было изумительного качества. Здесь не нужны были никакие фальшивые накладки, потому что все было тщательно продумано кем-то другим. Ее создавали из самого безупречного материала. Она вдруг увидела его и улыбнулась:

— Ой, извини... Я сейчас уберусь отсюда.

Он с сожалением зашел в свою комнату и сел на кровать, хотя ему нужно было торопиться. Хорошо бы ее пофотографировать, — подумал он. — Вот так без прикрас, на голом полу, только выставить немного свет. Марина обычно все портила, ее профессия запрещала упрощенные образы и она делала роковые лица, пучила губы и щурила глаза.

Это очарование Кирой напугало его. Впредь он решил больше не поддаваться такому наваждению. Кира — провинциальная, добрая девушка, может быть со своими перспективами. Но ее перспективы мало интересны Глебу. Поздним вечером в ванной она забыла убрать постиранный бюстгальтер, и он не думая провел пальцем по выпуклой, срединной линии до маленькой розетки на косточке. И тут же одернул руку, с Кирой нельзя переступить черту, перерезать ленточку, шагнуть, а потом вернуться назад. Она была как мягкий, только что уложенный асфальт, если наступишь, следы останутся на всю жизнь. И потом, слишком дорогая расплата за минутную слабость. Ему не нужны слезы, объяснения, разговоры с матерью. Это все не для Глеба. Он уже давно не любитель таких драм.

Он был в курсе, что Кира наотрез отказала Петракову. Андрюшу это только

подстегнуло, он не сдавался и продолжал доставать ее звонками и предложениями. Глеб удивился ее равнодушию к Андрюше. Она явно не оппортунистка, ведь Петраков — москвич с квартирой. У него хорошая работа и перспективы. Любая другая приезжая девушка вцепилась бы в него мертвой хваткой, но Кира была другой. И хотя Глеб в шутку уговаривал ее пожалеть поклонника, он знал, что ему было бы неприятно, если бы она согласилась на свидание. Она была слишком хороша для Петракова. В компании готовилось мероприятие для заказчиков и теряющий надежду Андрюша попросил Глеба пригласить Киру на этот вечер. Прием планировался грандиозный, она изнывала дома. Что же, так тому и быть. Тисненное золотом приглашение было передано Кире в тот же день.

Глава 15

Муся позвонила всего один раз. Питекантроп был взрывной, как активный вулкан. Его часто прорывало и в эти моменты он выжигал все вокруг. Подруга часто ходила поколоченной. Она несколько раз отказывалась встретиться, а однажды в слезах призналась, что ждет когда немного сойдут синяки. Кира переживала за нее, но сделать было ничего нельзя. Никакие уговоры не помогали. Бросить своего тирана Мусю не хотела. Кира бесилась и подозревала, что подруга запугана. Несколько раз Кире звонил Андрюша Петраков — сослуживец Глеба. Он вызывался показать ей город, приглашал в театры и рестораны. Кире очень хотелось вылезти из дома, но она боялась подать напрасную надежду. Звонила Вера Петровна, с которой Кира неизменно делала бодрый голос и старалась разговаривать как будто все отлично. Из театра не звонили, а Заболоцкий все еще был в Таиланде. Она ежедневно растягивалась дома, но этого было мало. Привыкшая полностью выкладываться в зале и на сцене, она изнемогала от избытка энергии, безделье выводило ее из себя. К тому же она боялась потерять форму. Одно было утешением, вернувшийся после трехдневного отсутствия Глеб был в приподнятом настроении и хорошо относился к ней. В тот вечер, когда он вернулся, она съезжилась, услышав повороты ключа. Ей захотелось немедленно убежать, как вести себя с ним? О чем говорить? Но он вошел с обезоруживающей улыбкой. На кухне заглянул под крышку кастрюли и сел на табурет. Она предложила ему суп, а он почему-то смутился. А потом позвал ужинать в ресторане. И она как дура сразу согласилась. Кивнула головой, медленно, с достоинством зашла в свою спальню и там начала метаться, выбрасывая одежду из шкафа. Надела платье, потом спохватилась, что это он может расценить как желание очаровать его. Стянула его и влезла в привычные свитер и джинсы. Она опасалась, что Глебу может быть противно ее стремление понравиться. У него есть девушка, которую он любит. Разве она не видела расставленные по квартире фотографии? Даже на прикроватной тумбочке ее портрет в серебряной рамке. Бледное лицо, мечущиеся змеями льняные волосы, крупные белые зубы за влажными губами. Проснувшись утром, он встречается с ней глазами, вот как он любит ее. Поэтому Кира старалась изо всех сил изображать равнодушие. Было тяжело находиться в постоянном напряжении и контролировать свои влюбленные взгляды, улыбки и ужимки. За внешним спокойствием у нее громко билось сердце и эхом отзывалось в висках. Весь вечер в ресторане она тушила свет в глазах, подавляла свою обычную оживленность, старалась не кокетничать и не лить шоколад из глаз, как говорила Вера Петровна. Запрещала себе пялиться на него, даже когда он не видел. Никаких обожающих взглядов. И когда ей показалось, что все под контролем, он вдруг протянул салфетку и руки их соприкоснулись. Нечаянное скольжение его пальцев

по ее ладони снова повергло ее в смятение. Она с таким испугом бросила салфетку на стол, что Глеб с удивленно уставился на нее. После, еще пару дней она ощущала тепло его пальцев на своей руке и жила этим прикосновением.

Находиться с ним рядом было пыткой. Кира так уставала притворяться что почти радовалась, когда желала ему спокойной ночи и уходила к себе в комнату. По ночам ей приходили в голову нелепые мысли. Вот что, если пойти к нему в спальню и признаться во всем. Потом она представляла его растерянные глаза или насмешливую улыбку, и тут же гнала от себя этот вздор. Он был всегда приветлив, но взгляд его часто отстранен и холоден. Иногда правда ей казалось что он смотрит на нее по— другому, с научным интересом, как она про себя назвала мелькнувшее в его глазах внимание. Наверняка она морозила какие-то глупости. Однажды она забыла в ванной бюстгальтер. Кинувшись назад, наткнулась в двери на Глеба, было неудобно. Жить с ним под одной крышей невыносимо, просто невыносимо. Если бы она могла быть в театре, у нее было бы гораздо меньше времени так много думать о нем. Работа была бы ее спасением. Когда же приедет Заболоцкий?

Глава 16

Возле гардеробной Кира торопливо снимает оранжевый пуховик. Он жутко смотрится на вечернем, зеленом платье. Скинув подмокшие сапоги в пакет, она втыкает ступни в лодочки на высокой шпильке. Пусть туфли из дермантина, но они подчеркивают красоту высокого подъема. Ноги у нее, слава богу, не подкачали. Тесные, сильные и чудесной формы, без профессиональных узлов на икрах. Она поправляет скользкое Мусино платье и еще раз смотрится в зеркало. Переливающийся изумрудный шелк делает ее похожей на нежную ящерицу. Глаза счастливо сверкают в отражении, лицо светится нежно-золотым светом. Сердце бешено прыгает и висает где-то под левой ключицей, отдает четким стуком в запястья. Кира набирает побольше воздуха и решительно поднимается по лестнице.

Зал приемов один из лучших в столице. Лепные потолки оплетены золотыми гирляндами. Они струятся по розовым мраморным колоннам вниз к лоснящемуся паркету. Из огромных хрустальных ваз свешиваются бутоны экзотических цветов. По двум сторонам холла накрыты фуршетные столы. На ярусных серебряных подносах лежат горы закусок, фруктов и десерта. Отдельный рыбный стол заставлен устрицами на колотом льду, тигровыми креветками и светящегося янтарного, жемчужного и кораллового цвета рыбой. Около стола с пирожными, между двумя ледяными драконами, бьет шоколадный фонтан, в который полагается макать клубнику и нежнейшее суфле на палочках. Между приглашенными, всюду снуют официанты с подносами, заставленными шампанским, белым и красным вином. На балконе, под куполом, играет струнный квинтет. Все это обилие цвета, пространства и торжественности оглушает Киру. То легкое нервное состояние, охватившее ее в фойе, здесь, в зале перерастает в настоящий, бьющий ознобом припадок. Ей хочется немедленно сбежать.

На входе ей предлагают шампанское. Пригубив из бокала, она не знает, что с ним делать дальше. Она замечает, что все остальные деловито перемещаясь от группы к группе не выпускают из рук своих бокалов. Стоять одной становится неловко. К счастью, к ней

спешит Андрюша.

— Кира! — кричит он через шоколадный фонтан и машет рукой. Подбежав энергично жмет ей руку. Он встрепан и сильно возбужден, Кира думает что он похож на только что подравшегося воробья. Он говорит ей, что официальная часть вечера подошла к концу, уже прошли презентации, а теперь фуршет, потом будет небольшой концерт и дискотека. Ее как раз и позвали на неофициальную часть, а то бы она померла со скуки. Андрюше очень хочется повертеться около нее, но нужно бежать к ВикВику. Чтобы она не чувствовала себя брошенной, он сводит ее с офисными дамами, стоящими неподалеку. Это девушки из секретарского и административного состава. Парочку из них она видела мельком в офисе. Они не успевают перезнакомиться, как к ним подлетает Лидия.

— Всех уволить, всех! — шипит она. — Только семечек не хватает. Что выстроились, как невесты на сельской ярмарке? Быстро рассоситесь, сведите клиентов с нужными людьми из отделов. Пиар-менеджер носится как сумасшедшая, а вы тут языки проветриваете.

Кира хочет поздороваться, но Лидия сразу же уносится прочь. Немного досадно, что она так игнорирует Киру. Она опять осталась одна. В группе мужчин неподалеку она видит Глеба. Заметив ее, он кивает головой и тут же отворачивается. К ней снова подбегает Андрюша, ведет ее к фуршетному столу и заставляет набрать еды. Он всего лишь на минуту, очень много работы. Наскоро запихивая в рот канапе, он предлагает ей сходить на Баядерку. В этот момент ее спасает вовремя подошедший Глеб. Он очень официально улыбается Кире, и наклонившись к Андрюше, сообщает: сейчас приедет Туровцын. Петраков перестает жевать и опускает тарелку на пол, у колонны. Они оба поспешно удаляются в сторону большой группы, в центре которой Лидия что-то энергично объясняет и попеременно тыкает пальцем в разных людей.

Лидия выскочила на парадное, надеясь успеть выкурить сигарету до приезда Туровцына. Первую за вечер. Конечно, это не ее дело эскортировать заказчиков. Можно было послать Нину — секретаря ВикВика, да мало ли кого, но Лидия перестраховалась. С самого крыльца нужно сразу же всадить гарпун в железное тело Туровцына и, как опытный норвежский китобой, мягко подтаскивать к судну. Он не должен соскочить. Двадцать миллионов — это не шутки. За столько лет в отделе у нее не было заказчиков на такую сумму. На пять с половиной лимонов были, а на двадцать нет. Они должны выиграть этот конкурс. Утром ВикВик опять предостерег ее, положение плачевное и им нужно заполучить этот заказ любой ценой. Вообще-то Туровцына здесь не ждали. В ближайшие дни Штрюкмайер и ВикВик должны были сами поехать к нему на поклон. И только десять минут назад его помощник позвонил ВикВику и сказал, что олигарх почтит их вечер своим присутствием. Весь менеджмент компании сразу встал на уши. Лидия видела, как после звонка покраснели уши у ВикВика. Хозяева мега-бизнесов как Туровцын, никогда не приходят на мероприятия для заказчиков. В лучшем случае они засылают начальников IT отделов. Неожиданная честь, неожиданная. Это несомненно хороший знак, только бы не спугнуть удачу. К крыльцу подъезжает Роллс-Ройс. Сигарета яркой искрой летит в пепельницу. Лицо Лидии мгновенно принимает обожающее выражение. Это у нее всегда получается здорово. К машине Туровцына она уже поворачивается с новым лицом. Амбал-телохранитель, выскакивает из машины и открывает дверцу. Через секунды из нее выходит высокий, крепкий мужчина в отлично сидящем костюме. Она кидается ему навстречу.

— Игорь Алексеевич, как хорошо, что вы нашли время...

Ну Туровцын тут же ее перебивает:

— Штрюкмайер здесь?

И не дождавшись ответа широко шагает к двери походкой человека, который знает, что ему можно наступать везде. Оставляя Лидию позади, он неожиданно энергично взбегает по лестнице. Она вдруг понимает, что с Туровцыным может быть все очень трудно.

После разговора под коньячок с иностранным партнером, у Туровцына хорошее настроение. Бегущая за ним подобострастная тетка его смешит. Почему они не держат приятных глаз девиц? У него в офисе все приятные. Стоят денег, конечно, Ифириусу вряд ли такие по карману. Тем более в условиях надвинувшегося кризиса. Все сейчас в кризисе, но не Туровцын. То, что продает он, будет всегда в цене. Вчера приезжали китайцы, сегодня шведы, а завтра кто-нибудь еще. Сейчас хочется немного допить в хорошей компании, посмеяться с Штрюкмайером, которого он немного знает, и решить дело. А Светлана подождет, он поедет к ней позже. Его ГКМ нуждаются в новом оснащении, дело стоит миллионы и на днях он объявит конкурс на поставку юникс систем. Предложения поступят от разных компаний, в том числе и от Инфириуса. Они надежные, проверенные временем ребята. Наверняка дадут хорошее предложение. Они дадут, а он посмотрит. В кризисе все будут грызть друг другу глотки и в разы снизят цены. Очень кстати, что Штрюкмайер в Москве, он поговорит с ним лично, чем раньше они начнут паниковать, тем дешевле Туровцын купит у них оборудование. А если не у них, то у другой компании, которая снизит цены еще больше. Пришло время столкнуть их лбами.

Кира уже освоилась, и как все ходит с бокалом в руке. С ней уже познакомились два молодых человека, а один солидный дядя, заглядывая в вырез платья, предложил сбежать и принять вместе душ в его гостинице. Она так сердечно расхоталась, что он не стал обижаться и принес ей суфле в шоколаде. Кира специально проходит мимо высоких зеркал чтобы понять, хуже она других или нет. Ей кажется что не хуже. Платье очень удачное, китайский булжник Веры Петровны удивительно сюда подошел. Андрюша носится по залу и все время подмигивает ей. Все понятно, он на работе. Подхватив еще одно канапе с подноса, она замечает Глеба, Лидусю и еще несколько других вокруг высокого, крепкого мужчины. Наверняка какой-нибудь начальник. Он что-то говорит и все смеются. Кира чувствует, что они притворяются. На самом деле им не так уж и смешно, у всех у них испуганные лица. Глеб, например, сильно сжимает свой бокал, а Лидия бледная как смерть и все время трет руки. Андрюша, на которого никто не обращает внимания, потихоньку покидает их и устремляется к Кире.

— Пойдем, я познакомлю тебя с Фимой из маркетинга.

Он берет ее под локоть, пальцы у него немного влажные. Он весь вечер к ней прикасается и Кира не знает как это прекратить. Петраков подводит ее к длинной, худой девушке с выразительными глазами.

— Фима, это Кира. Она балерина и скоро будет танцевать в Большом.

Кире неудобно, ну зачем он так? Ведь это же неправда. Фима ездит глазами по Кире, но глаза ее ни за что не могут зацепиться. Кира ей неинтересна.

— Что это у тебя на шее? Полевой шпат? — спрашивает она наконец упершись взглядом в булжник Веры Петровны.

У Фимы во впадинке между ключицами горит маленькая, сверкающая слезка

бриллианта.

— Откровенно говоря...

Кира хочет сказать что не знает, но Фима сразу же отворачивается к Андрюше и кивает в сторону группы с Глебом и Лидией, которые все еще стоят около высокого мужчины:

— Что это за гусь, которого все охаживают?

— Это не гусь, Фима, — горячо шепчет Андрюша. — Это эпиорнис — максимум российского бизнеса — Игорь Алексеевич Туровцын. У него пять ГМК на Урале, и на следующей неделе он объявит тендер на двадцать миллионов.

— Туровцын! Да ну! То-то я смотрю вокруг него все топчутся.

Фима с любопытством рассматривает высокого мужчину. В ее прекрасных глазах восхищение.

— Он останется на концерт?

— Вряд ли, что ему наши концерты!

Она разочарованно вздыхает. Андрюша обнимает Киру за талию и увлекает в камерный зал с низкой сценой. Там уже полно людей. Он провожает ее в середину первого ряда и умоляет держать для него место. Уронив свой клатч на соседнее кресло, Кира начинает глазеть по сторонам. На маленькой сцене небольшой оркестр. Музыканты уже потихоньку разыгрываются и настраивают инструменты. Очень интересно, что же они будут давать. Как она любит человеческий шум исходящий от зрительного зала. Шуршание платьев, негромкий разговор, покашливание, все это сливается в сплошное, неразборчивое гудение, которое время от времени разрезает струна или клавиша настраиваемых инструментов. Оркестр готовится, робко вкрадывается, потом все смелее и смелее отвоевывает звуковое пространство. И когда в зале наступает полная тишина, начинается играть музыка. Около сцены мило улыбаясь стоит нарядная полная женщина, наверное певица. Хрустальная люстра вспыхивает множеством огней на блесках ее платья. Кира так сильно увлеклась, что не заметила, как перед ней оказались Глеб, Лидия и еще несколько мужчин. Среди них тот высокий, которого все внимательно слушали в зале — Туровцын. Лидия склоняется прямо к лицу Киры, у нее глаза потревоженной гадюки.

— Брысь отсюда, — повелительно бросает Лидия. — Эти места для ВИГ приглашенных.

Она хватает Киру клатч с кресла, которое Кира стережет для Петракова и бросает его ей на колени.

— Игорь Алексеевич, садитесь сюда, — показывает Лидия пальцем на Киру.

Кира тут же поднимается и хочет уйти, но вдруг чувствует сильную руку, схватившую ее выше локтя. Обернувшись она видит что это Туровцын — тот высокий мужчина, которого все внимательно слушали.

— Никуда не пойдешь, — заявляет он низким басом.

— Но Игорь Алексеевич..., — тараторит Лидия, — эти места зарезервированы для нас, чтобы мы могли сесть все вместе.

— Нет-нет, я пересяду, — смущенно лепечет Кира.

Она пытается высвободить руку, но его пальцы стальным обручем впились ей в руку.

— Нет ты останешься, — распоряжается он. — Я сяду рядом, а Штрюкмайер справа от меня.

Кира вынуждена сесть обратно в кресло. В декольте Лидии расцветают тюльпанами

красные пятна, лицо ее дышит яростью. Все они торопливо рассаживаются, ведь женщина в блесках уже на сцене. Ждут только их. Андрюшино кресло занял улыбчивый мужчина. Кира с удивлением отмечает что у него подщипаны брови. Справа от нее Туровцын. Она до сих пор чувствует его жесткие пальцы у себя на руке. Лидия озлобилась, Глеб несомненно взбешен. Ему пришлось уйти в задние ряды, потому, что она кажется заняла его место. Андрюша, конечно подложил ей свинью, но знал ли он сам, что эти кресла предназначены для кого-то другого? В ее голове все смешивается от ужаса: Туровцыны, Штрюкмайеры, эпиорнисы, гуси... В зале воцаряется тишина. Только Игорь Алексеевич Туровцын продолжает говорить в полный голос. Видимо эпиорнисам позволено многое. Женщина в блесках улыбается со сцены и не сводит с него глаз. Она дает ему понять, что пора замолкнуть. Он, скользнув по ней глазами, продолжает громко говорить о своем новом, только что приобретенном офисе. Все в зале слушают и терпеливо ждут. Европейец Штрюкмайер смущенно посмеивается, но не решается прервать его. Кире очень хочется шикнуть на Туровцына, чтобы он уже заткнулся. Наконец наговорившись, эпиорнис откидывается на спинку кресла. Певица подходит ближе к краю сцены, одергивает шлейф и оркестр начинает вступление к арии Джильды. Кира очень любит Риголетто, на время она решает забыть все неприятности и наслаждаться концертом. Ей все равно что думает Лидия, а Глебу она все объяснит. Он поймет, это же просто недоразумение. Все нужно забыть, забыть... Музыка овладевает ею, Кира подается всем телом вперед, сжимает клатч обоими руками и голос Джильды уносит Киру в другой мир. Любовь — это страх и удивление. Что же все-таки с ней происходит? Все в ее жизни так или иначе имеет отношение к Глебу. Хочет она быть счастливой? Значит только с ним. Мечтает прославиться? Для него. Все во имя его и ради него. Время от времени она закрывает глаза и в самые чудесные моменты кивает и улыбается певице. Барабанная дробь, отбиваемая Туровцыным по подлокотнику выводит ее из этого полугипнотического состояния. Кира с возмущением смотрит ему в лицо. Он несколько не смущается и как будто бы ждал возможности заговорить с ней.

— О чем это?

— О любви, — холодно шепчет Кира.

— Не поздновато в ее возрасте?

Кира смеривает его возмущенным взглядом. Неотесанный болван, — думает она. — Сам далеко не розан свежий. Какое пренебрежение! — Такого зрителя она ненавидит. Ну если ты ничего не понимаешь, не нужно портить удовольствие другим. Знаешь же где двери находятся, ну и топай!

Певица еще спела арии из Аиды и Кармен. На Соловье Алябьева Туровцын опять шепчется со Штрюкмайером. Потом встает и неторопливо идет к выходу. Отвратительный тип, даже не пригнулся, — думает Кира.

Выйдя из дома приемов, Игорь Алексеевич Туровцын резко вдыхает морозный воздух. Его телохранитель Лосев кидается вперед, чтобы открыть перед ним дверь Роллс-Ройса. Но он останавливает его.

— Постою немного.

— Пальто подать? — спрашивает Лосев.

Ледяной воздух одуряюще свеж. Смешливое настроение сменяется каким — то чудесным беспокойством. Почему-то хочется заорать в ухо Лосеву что-нибудь задорное, или самому сесть за руль и выжать сразу сто с места, или поехать куда-нибудь в

хорошую компанию, чтобы проговорить всю ночь. Все, что он планировал на сегодня, он сделал. Завтра с утра Инфириус начнет готовить предложение. Официально тендер еще не объявлен, это произойдет на днях. Но чем раньше они узнают о тендере, тем лучше. По тому, как у них забегали глаза, он понял, что они сделают так как ему нужно. Опрокинув второй бокал шампанского, он хотел было ретироваться, но помешанный на опере Штрюкмаейр, увлек его в зал, пообещав нечто выдающееся. К Светлане было ехать рановато, ее еще не было дома. Можно было убить еще минут двадцать. Все его здесь смешило. И подобострастные сотрудники отдела и растерявшийся Штрюкмайер. Все ползали перед ним в предвкушении большой сделки. С другой компанией было тоже самое. Сегодня утром конкуренты Инфириуса были у него в офисе, и когда пришло время уходить пятились чуть не задом, чтобы не повернуться к нему спиной. Люди всегда пресмыкаются перед деньгами. Из-за него с первого ряда хотели согнать миленькую девушку, но он не дал. Нужно было видеть, какое лицо было у толстой Лидии из отдела. Как если бы стегнули по морде собаку. На нем одновременно отразились испуг и злоба. Он сел рядом с девушкой, от нее пахло абрикосовым джемом. Сначала было скучно, говорить было невозможно, певица драла горло и он уже намеревался уйти, но девушка наклонилась, чтобы поправить ремешок на туфле. Открылась обнаженная прелестная, очень сильная спина. Заинтересовавшись, он беззастенчиво стал рассматривать ее всю. Она была очень свежей, но Туровцын был избалован свежестью. Что-то другое притягивало взгляд. Временами ее лицо мерцало тихой грустью, потом вдруг освещалось живой, влажной улыбкой. Музыка входила в девушку, соединялась с ней и снова выливалась через лицо, невиданным им дотоле светом. Девушка определенно была необычной. Все необычное ему очень нравилось. Она не обращала на него внимания, а он с большим одобрением продолжал разглядывать изящные руки, нежную впадинку на шее, тонкие лодыжки на чудесных ногах. Но больше всего ему нравилось лицо. Струи внутреннего света озаряли его, так солнечный луч играя с волной, меняет ее цвет от светлого маримара до глубокого черного сапфира, оставляя все цвета совершенными и прекрасными. Все в ней было одинаково хорошо. Тело ее было прекрасным флаконом, в котором плескалась непонятная, чарующая его жизнь. Когда она взмахнув рукой в такт взволновавшему ее аккорду, счастливо улыбнулась сквозь слезы в глазах, Туровцын ощутил комок в горле и громко затарабанил пальцами. У них случился короткий, неловкий разговор. Разговаривать с ним она не хотела. Что же, она просто не знает кто я, — подумал он.

Надышавшись, Туровцын кивает Лосеву.

— Останешься здесь. В зале, в первом ряду в зеленом платье... Узнай кто. Адрес, телефон... Потом свободен. А завтра как всегда.

Лосев захлопывает дверь автомобиля.

— На Тверскую? — трогаясь спрашивает шофер. Квартира Светланы именно там.

— Да... А впрочем нет, домой, — вдруг меняет свое решение Туровцын. Предупреди Свешко, пусть едет за город.

Глава 17

ВикВик тонет в кожаном кресле цвета петунии. Он очень гордится им, таких всего два мире. Одно у меня, второе у дизайнера, — говорил он, розовея от удовольствия. Второго такого идиота не нашлось, — пояснял в курилке Глеб. Несмотря на свои сорок лет и видное

положение, шеф официально одинок, до отвращения элегантен и один раз Фима видела его в казино с подкрашенным молодым человеком. Щурясь от яркого кресла уже минут десять, Глеб сидит в кабинете у шефа. Уставившись в монитор и кренясь всем телом вбок, Вик-Вик левой рукой неловко двигает мышку компьютера. Глебу всегда мучительно видеть как этот леворукий человек пытается приспособиться к предметам, созданными для правой. Глеб прочищает горло, чтобы привлечь к себе внимание. ВикВик в последний раз щелкает мышкой, берет карандаш и кренясь вправо, делает пометку на документе. Бедняга, — думает Глеб. Шеф выпрямляется, нахмурившись долго смотрит на Глеба и вдруг, как бы вспоминая зачем он его позвал, ласково улыбается. Он вообще очень часто улыбается Глебу, и, как говорит Лидия, испытывает к нему преступную слабость.

— Слушай, тут такое дело... Ну так вот... — шеф почему-то запинается и подбирает слова. На него это совсем не похоже. — Ты знаешь, Туровцын объявляет тендер на оснащение своих ГМК. Ты представляешь какой это масштаб?

— Конечно.

Глеб представляет. Он не понимает почему ВикВик позвал его одного, без Лидии. Шеф поднимает вверх указательный палец левой руки.

— Мы эти двадцать миллионов должны вырвать. Нам эти деньги во как нужны! — ВикВика проводит ребром левой ладони по горлу. — В тендере, кроме Инфириуса, участвуют еще четыре компании. Шансы невелики, один к пяти...

ВикВик перечисляет конкурентов. Компьютерным птичьим языком, который понимают только люди, работающие в этой сфере, объясняет Глебу специфику и требования по оснащению софтом и железом.

— В прошлом году мы прощелкали МинФин, и ты не представляешь, как мне буквально надрали задницу в Европе.

Глеб сдерживается, чтобы не ухмыльнуться. Если бы здесь была Лидия они бы переглянулись и наверняка засмеялись. Если верить слухам, шеф любит когда ему буквально надирают задницу. Буквально — лишнее, он оговорился.

— Давайте позовем Лидию и сразу пройдемся по всем пунктам, — предлагает Глеб. Лидия — начальник отдела, и странно что ВикВик не вызвал ее.

— Подожди, не торопись..., — сникает шеф. — Тут такое дело... В общем, я хотел бы сначала поговорить с тобой. Этот Туровцын, за ногу его... Чудак понимаешь?

ВикВик подается вперед и проникновенно шепчет:

— Как специалист ты знаешь, стоимость предложения будет примерно одинаковой у всех пяти компаний. В условиях кризиса все дадут по минимуму, разница будет в ерунде. Он хочет отдать этот тендер нам, — Шеф мечтательно закатывает глаза. — Неплохо бы это смотрелось в европейском офисе, Глеб. Это твое повышение, бонус, новая машина... Все теперь зависит от Киры Миловановой.

Глеб оторопевает от такого неожиданного поворота.

— А при чем здесь она?

ВикВик щурится.

— Ответь мне на один вопрос, без обид. Ну знаешь, твоя репутация здесь всем известна... Между вами что-нибудь есть?

— Зачем вам? — возмущается Глеб.

— Это очень важно.

— Кому важно?

— Просто скажи.

— Между нами ничего нет и не может быть...

— Ну тогда все проще, все гораздо проще. Видишь-ли, наше предложение понравится Туровцыну гораздо больше, если завтра на встрече будет присутствовать Кира.

— Да она-то тут при чем?

— Внешность обманчива, — вздыхает шеф. — Друг мой, ты выглядишь гораздо сообразительнее, чем есть на самом деле.

Глеб хватается рукой за шею.

— Ааааа, дошло? — смеется шеф. — Эпиорнис приглашает отдел в ресторан. И там же желает лицезреть Киру.

— Это возмутительно!

— Большому человеку прощаются маленькие слабости. Там он сможет познакомиться с ней поближе. Нужно же ему прилично все обставить.

— Какой непосредственный... — Глеб подбирает слова, но все таки не выдерживает и произносит что думает, — Раскрепощенный мудака. Он что, сам не может познакомиться? Мы то там все зачем? Это же смешно!

— А ему плевать что тебе смешно. Он делает то, что хочет. Кира уже два раза отказала ему по телефону. Дежурить у подъезда он не будет. Такому человеку как он, если что-то взбредет в голову... — ВикВик понижает голос, — Глеб, сделай так, чтобы она пришла.

Глебу вдруг становится противна кособокая фигура шефа. Он с ненавистью смотрит ему в глаза.:

— Она не придет.

— Я знал, что ты будешь из себя идальго корчить. Приди в себя, друг мой. Так будет лучше для всех.

— Это мерзкое сводничество! Я понимаю, Туровцын оригинал, а нам нужен тендер, но я не буду участвовать в этом водевиле.

Он задыхается от злобы.

— Сам виноват! Какого черта ты притащил ее на рабочее мероприятие? Ну заклинило мужика. Он звонил, его отбрили наотмашь, не хочет она его видеть и все! Ну чего уставился, думаешь мне стыдно? Нам эти двадцать миллионов нужны. На кону мое кресло, — ВикВик любовно гладит розовую, кожаную обивку. — Ты тоже вылетишь, — продолжает он ласково. — За невыполнение квоты оба получим по хорошему пенделю.

Глеб молчит, ВикВик обдумывает чтобы еще сказать, чтобы Глеб согласился.

— Ты знаешь что такое Туровцын? Ему нельзя отказать. Особенно теперь, когда он крепко вбил в голову эту девочку. Встреча назначена, и если ее там не будет, то все мой друг, пойдем с котомками по миру...

— Могу я посоветоваться с головным офисом? Обсудить ваши методы работы с заказчиками?

Лицо Глеба полыхает.

— Конечно можешь! — вдруг взвизгивает ВикВик. — Вылетишь еще быстрее! Многие компании делают для клиента все. Ты что не помнишь, как мы в Дубаи снимали яхту с дорогими проститутками для чиновников? Головной офис все закрыл. По какой статье это прошло в бухгалтерии? Я оплатил своей картой и мне все возместили. Закрыли бонусом, никто и слова не сказал. Ты думаешь, в Вене дураки сидят, да? — он нервно приглаживает левой рукой брови. — Туровцына яхтами не удивишь, проститутками и подавно. Он хочет

Киру и не забудет, что мы поднесли ему ее как сувенир за большой заказ.

— Вы ее спросили? Хочет-ли она быть goody bag для нашего заказчика?

Глеб с трудом сдерживается, чтобы не нахамить и сказать что-то вроде: Жалко что Туровцыну не захотелось вашей жопы, тогда двадцать миллионов были бы уже у нас в кармане.

— Он напористый мужик, и так или иначе заполучит ее. Так пусть лучше это сделаем мы, и заработаем бонусные очки. Ну что тебе стоит? Она же сама потом благодарить будет. — Шеф многозначительно вперивается в Глеба. — А у тебя ипотека. Ты кредит от компании получил?

Он испуганно замолкает, увидев злобно сощуренные глаза Глеба. Шеф не выдерживает этого тяжелого взгляда, и трусливо переводит глаза на свои ногти.

— Ты что, меня пугаешь? — спрашивает Глеб.

От ярости он начинает тыкать ВикВикю.

— Да что ты, перестань, я полностью на твоей стороне. Если что, мы же вместе взойдем на эшафот. Пойми, с ее стороны вообще никаких обязательств. Поужинает с нами и все, наша дело сторона. А вдруг это судьба? Ведь он все для нее сделает. И не руби, вот так сразу. Пожалуйста, сто раз подумай, на кону все!

В отделе к Глебу подсаживается Лидия и включает его ноутбук.

— Ты так уже полчаса сидишь. Неудобно работать с выключенным компьютером. Мучаешься совестью? Я же вижу.

— Ты про что?

— Я все знаю, — она хлопает по столу рукой. — Вместо того, чтобы заниматься тендером, мы должны сводить заказчиков с девками. Не нужно было ее приглашать на этот вечер.

Глеб молчит. Она вкрадчиво шепчет:

— Хотя, почему бы и нет? Все способы хороши...

— Почему нет? Потому что к этой девке я имею некоторое отношение, она не чужой человек. И этот не стесняющийся, раззвонивший по всей Москве о своей похоти стареющий бабуин...

— Он не старый, ему всего сорок пять, для бабуинов это расцвет.

— Ты считаешь эту ситуацию нормальной?

— Да что мне считать? Я только деньги считаю... Глеб, пусть сами разбираются. Ты же доброе дело творишь! Туровцын из нее человека сделает. От него даже пахнет свеженапечатанными купюрами. Какой бы бездарью она не была, он купит ей главные партии. Пусть не любовь, но она только выиграет. Здесь отщипнет кусочек, там откусит — ему незаметно, а у нее жизнь сложилась. Они все одинаковые, вспомни свою Марину. Какая была любовь? А все равно бросила тебя ради плешивого недомерка на Бентли. Ну что ты морщишься? О чем ты думаешь?

— Я думаю, что вы все с ума посходили, — огрызается он.

— Кира только спасибо скажет, не всем так везет. Свистни, в очередь выстроятся. И не такой колхоз, как твоя Милованова. И что нашел альфа-самец Туровцын в такой зиготной дамочке из провинции? В Москве какие девицы! Табунами ходят, гривами трясут. Нет, — горестно вздыхает она, — Не понимаю я мужчин.

Глеб всматривается в экран и ничего не видит. Хоть бы Лидия поскорее отсела от него.

От ее крепкой Шанели он задыхается. Откатившись на кресле, он встает.

— Курить? Я с тобой, — заявляет она.

— В туалет... В мужской, — отрезает он.

Ему просто необходимо побыть одному. В отдел входит Фима, на ее лице зависть и недоумение. Она все знает, — догадывается Глеб. Андрюша с самого утра сам не свой, в расстроенных чувствах. Кира ему нравится, но воробушку не соперничать с эпиорнисом. От отчаяния он, наверное, поделился с Фимой, а она конечно, разнесла по всему офису.

— Фима, зачем пришла? — спрашивает ее Лидия.

— По работе.

Лидия роется в сумке и вытаскивает сигареты.

— Смотри не надорвись. Карьера Фимы прервалась, потому что она умерла... Сгорела на работе. Это мы повесим на доску объявлений, перед тем как собрать деньги на венки, — издевается Лидия.

Фима, как ни в чем не бывало, садится рядом с Андрюшей. Ее мучает, что она не запомнила эту Киру Милованову. Какой сыр-бор из-за незаметной девицы! Как такое могло произойти? Пока она-Фима мечтает, другие тихо и споро устраивают свою жизнь.

— Серая совсем, ну никакая... — возмущается она. — Даже пары слов связать не могла, и такая маленькая, а на шее булыжник. И что Игорь Алексеевич в ней нашел?

— Она бедрами орехи колоть может, — замечает Лидия. — Была примой в Ташкенте, теперь будет примой в Большом. А ты что можешь предложить ему, кроме педикюра?

Глава 18

Много лет назад, оказавшись в нужном месте в нужный час, Туровцын не растерялся, хватанул и присвоил. Половина жизни прошла в угаре страха, бессонных ночей и решительных действий. Тогда все мерились остротой локтей. Кто быстрее пробьет себе дорогу к большим деньгам. Кровь разливалась на тротуарах, в машинах, подъездах. Жрали друг друга как арахиды в банке. Много места на кладбище заняли его враги и друзья, такие же корнивора как он. С черных, в три метра мраморных надгробий, надменно смотрели его побратимы, накручивая на преступных перстах ключи от мерседеса — символа богатства и власти девяностых. Тогда в его жизни все было в полном соответствии с ужасной эпохой. Первое десятилетие просвистело пулями, и кануло в прошлое. Потом пыль улеглась, и все встало на рельсы. К концу девяностых все было налажено на Урале, отработана логистика и схемы, открыты банковские счета в оффшорах. Туровцын наконец вздохнул. Еще нужно было быть начеку, нельзя было поворачиваться спиной. Но все-таки было уже не так страшно. Появилось больше свободного времени. Пару лет прошли в относительной тишине и безумных тратах накопленного и бешено растущего капитала. Много роскоши и много сочных женщин прошли через его руки, но он неожиданно заскучал. Все было, но чего-то не хватало. Он стал беспорядочно заполнять свою жизнь. Зачем-то разводил йоркширских свиней в Подмосковье. На собаках ездил со шведами по Арктике. Пускался в плавание на военной подводной лодке. И однажды, тайно от всех, съездил в центр духовного рождения мира. По Гималаям к горе Кайласа, поговаривали что на ослах. Оттуда он вернулся еще более разочарованным. Партнер по бизнесу, его школьный друг объяснял своей жене: теперь у него все есть, а ему нужно хотеть. Он не человек цели, он человек процесса. Через пот,

кровь, по трупам идти к ней, и тогда все опять обрстет смыслом.

Однажды во время переговоров Туровцын выставил за дверь бестолкового переводчика. Сам он учил язык давно, но все как-то неудачно. Не помогли и частные уроки с американцем, преподававшим в одной из престижных, московских школ. В этот раз он решил заняться английским основательно и ранней осенью, неожиданно для всех, уехал в Кембридж.

Жесткий, несгибаемый Туровцын. Но была, была и у него, как выяснилось, струнка за которую можно было дернуть для неожиданно нежного звука. Кембридж показался ему провинциальным и скучным. Языковой Белл колледж, в который он записался на целый месяц, удручал спартанской бедностью. Короткие обеды между уроками были несносны. Группа состояла из молодых японцев, и они как и положено настоящим островитянам, общались только между собой. Туровцын уже подумывал бросить все и дернуть в Ниццу, где у него была вилла на береговой линии, но вдруг через неделю все изменилось. Ее звали Ишбел... Куратор пригласила его группу (видимо для ознакомления с культурными ценностями, в общем это было в программе...) в грязную, студенческую пивнушку. От скуки Туровцын, обычно очень осторожный с алкоголем, решил в этот вечер надраться. Ишбел... Знакомая куратора. Галло-кельтский кровавый коктейль первой группы под прозрачной северной кожей. Водопад ярко-рыжих, густых кудрей, сыровато-розовый с дождя нос, аквамариновые глаза, нежные бледные губы. Она порывисто протянула ему маленькую, крепкую руку. Прямой, решительный, без тени кокетства взгляд. По-мужски, деловито спросила Туровцына что он пьет. Развинченной, мальчишеской походкой вернулась от стойки с двумя огромными пинтами пива. Он все посматривал на ее маленькие ступни, обутые в кеды с принтами булавок, вдоль шнуровки. Она по-простецки хлопала его по плечу, улыбалась полной ярких белых зубов улыбкой, и задавала очень много вопросов. — Да, он служащий, из Министерства... скажем, статистики. Да, ему нравится Кембридж... Что? Английские женщины тоже. Из Шотландии? Шотландки еще больше чем англичанки... — Он удивлялся этой особенной легкости скользящего разговора. Тогда он еще не знал, что способность британцев говорить много и ни о чем является частью национальной культуры. Это умение огибать острые углы в беседе, этот талант — прыгать по пустячным темам «small talks» ни к чему не обязывающих тем, присущ даже детям. Туровцын был очарован. Она весело попрощалась, хлопнув его по плечу, как старинного приятеля. И то, с какой легкостью она была готова оставить его после такого теплого разговора, покорило Туровцына. Он вышел проводить. Ишбел деловито отстегнула замок на велосипеде, сказала дежурную, ничего не значащую фразу: «Ну, до встречи!» и, хищно осматриваясь по сторонам, съехала с тротуара на проезжую дорогу.

На следующий день, стесняясь, он попросил ее телефон у куратора. Вечером долго не мог дозвониться, и когда она наконец подняла трубку, пригласил ее на свидание фразой из пособия по грамматике. Ей было двадцать четыре года. Второй год она работала в Кембридже над докторской степенью. Ее маленькая комната была завалена книгами и другим обильным студенческим хламом. С ней, Кембридж странным образом изменился. Теперь Туровцын полной грудью вдыхал этот студенческий воздух, перестал замечать серое небо и проливные дожди. Колледжи университета, как будто слепленные из песочного теста,

снова очаровывали его. Бородачи — профессора на велосипедах вызывали благоговение. Многочисленные приятели Ишбел, многие из которых были просто сумасшедшими, умиляли. Вместе с ней он шатался по музеям и пивным, плавал на лодке по реке Кэм. В дождь они перемещались с одной убогой студенческой квартиры на другую. У ее друга он купил себе велосипед с плетеной корзиной у руля и выбираясь на выходные за город, они наматывали километры по проселочным дорогам. Туровцын, у которого с непривычки ломило все тело, отставал, но не спускал глаз с ее упругого зада и мускулистых ног в лайкре. Она по студенчески была очень бедна. Два вечера в неделю подрабатывала официанткой в Сингапурских садах. Туровцын увязал все больше и больше. Не было в ней этого противного заглядывания в глаза. Она была совершенно независима. Ему нравился ее вещевой пофигизм. Глядя на ее холщовую сумку, Туровцын купил ей пару крокодиловых, только для того, чтобы узнать что она не носит кожу и меха из любви к животным. Драгоценные камни — чтобы не поощрять детский труд в шахтах Востока и Африки. Но когда он принес ей коллекцию старинных карт Эссекса, пришла в полный восторг и смотрела счастливыми глазами. Туровцын лез из кожи, но отношения не складывались. Когда вечерами он топтался у двери, стараясь проникнуть в ее комнатку, она командовала: Туровцын, домой! Она была дружелюбна, но не более. Ее равнодушие только подстегивало его и он как терпеливый хищник осторожно подбирался все ближе и ближе. В Шотландии маячил какой-то неопределенный бойфренд, которого Туровцыну хотелось раздавить как муравья. Но дело было не в России и он был бессилён. Он продолжал терроризировать ее подарками. Жертвовал огромные суммы в благотворительные фонды, которые она поддерживала. Спасал амурских тигров и голубых китов, помогал ученым в борьбе с раком и атеросклерозом, давал деньги на реставрацию кафедральных соборов. Сколачивал ей кухонную мебель, стриг газон в крошечном два на два садике ее дома. И к декабрю ее сердце дрогнуло. Посильную помощь оказал бойфренд, который не приехал на день ее рождения и Туровцын увез Ишбел в Монако. Эта женщина далась ему так трудно, что когда пришло время насладиться триумфом, он делал это не торопясь, со вкусом. Друзья говорили, что никогда не видели его таким счастливым. На Рождество он преклонил колени и надел ей на палец безупречный солитер. Но в Москве безделье задавило ее, она не была создана для праздности, ее кипучая натура требовала действий. После того как были изучены все туристические маршруты, она загрустила. Как молодое дерево, вырванное с корнями из родной почвы, она плохо приживалась на новом месте. Со временем прибилась к каким-то фондам для сирот и Туровцын, равнодушный ко всему, что не касалось его лично, с удовольствием наблюдал возвращение прежней, деятельной и неумолкающей Ишбел. Он все больше и больше привязывался к ней. Она же, узнавая его ближе, наоборот отстранялась. Временами он ловил на себе испытующие взгляды, со многим в его жизни она была не согласна. Однажды, когда на глазах у нее он в кровь избил охранника, Ишбел замолчала на неделю. И он обещал ей, что больше никогда этого не сделает. Ему было так хорошо с ней в тот вечер, что захотелось срастись с ней душами, дать ей проникнуть в себя, не оставив ни одной тайны, до самого дна. Рассказать ей все, пропустить через нее свое прошлое и насовсем очиститься от этого мрачного груза. Чтобы она простила и приняла его. Тогда можно было бы начать новую, безупречную жизнь. Но он просчитался. После его откровений она долго и испуганно вглядывалась в него. Проснувшись среди ночи, он видел что она лежит как мертвая, уставившись открытыми глазами в потолок. Утром, когда он был уже в офисе, она наняла такси и уехала в Аэропорт. Туровцын бросился вслед, нужно было

догнать, остановить и заставить быть рядом. Он так хотел. С тремя своими людьми он пробился до самого летного поля. Но самолет уже взлетел, и Туровцын долго стоял на морозном воздухе, чувствуя как жизнь сереет, а люди становятся заискивающими паразитами. Управляющий аэропортом все извинялся, что не смог остановить самолет, ему позвонили слишком поздно. Туровцын угрюмо смотрел в сторону и жалел что он действительно не виноват, в тот момент ему хотелось давить все вокруг. Он звонил Ишбел по всем телефонам и однажды дозвонился.

— Почему? Я же люблю тебя! — кричал он.

— Я не могу жить с человеком, который убивал людей, — ответила она и положила трубку.

Глава 19

Глеб открывает дверь и осторожно кладет ключи на полочку от зеркала. В квартире пахнет жареным мясом, на кухне льется вода. Не отрывая взгляда от зеркала, он снимает туфли. Лицо пока еще несостоявшегося негодяя. Но ничего, еще немного, и можно будет самодовольно улыбаться подлому отражению в зеркале. Ты сделаешь это Суслик, чтобы у тебя было все в порядке, правда? У тебя ипотека, Суслик, и нужно думать о завтрашнем дне. Как Глеб клянет себя за то, что послушался Андрюшу и позвал Киру на эту злополучный вечер. И как теперь ему разговаривать с ней? О, привет Милованова, не хочешь-ли задорого продаться одному похотливому дяде? Годится тебе в папаши, ну и что? Зато будешь прыгать в Большом в самой пышной пачке и в самых дорогих, шелковых колготах! Туровцын твоя хлебная карточка и залог успешной жизни в Москве!

— Глеб, будешь котлеты? — выглядывает Кира в зал.

Ему это претит и нравится одновременно. Претит, потому что он слишком молод для этого пошловатого, домашнего уюта и нравится, потому что это на самом деле уютно. Дома чисто, вкусно пахнет, его ждет красивая, доброжелательная девушка. Скорее всего немного в него влюбленная.

— Нет, — отвечает он.

В углу зала он замечает огромный букет орхидей.

— Ты какой-то усталый, — замечает она.

Явно расстроена, что Глеб не голоден. Она видимо старалась.

От кухонного жара щеки у нее розовые. Глаза горят любовью то-ли к Глебу, то ли просто к жизни. Он уже устал разбираться.

— Никто не звонил?

Она присаживается на краешек кресла.

— Звонил какой — то псих. Несколько раз.

Глеб медленно начинает снимать галстук. Почему-то он теперь давит на горло.

— Что хотел?

— Любви до гроба.

— Это интересно.

— Просто противно.

— Да что сказал-то?

Кира вздыхает, садится поудобнее, руки ее перебирают кухонное полотенце.

— Сначала позвонила его секретарь и сказала, что какой-то Туровцын хочет со мной

встретиться. Я перепугалась, думала что звонят из театра. У меня руки затряслись, а она назначает мне встречу в ресторане. Я конечно же, не понимаю...

— Ты думала, что тебя зовут в театр на просмотр?

— Ну да! Я спрашиваю: А кто он, этот Туровцын, балетмейстер? Она: Вы Кира Милованова? Извините, я вам позже перезвоню. И бросает трубку.

Я на кухню, мне лук нужно было на терке натереть.

— И что потом?

— Опять звонок. Я от лука в слезах, ничего не вижу...Даже руки не успела ополоснуть...

— Ну, — теряет терпение Глеб.

— Помнишь на вашем вечере того огромного мужика, который не позволил мне уйти с первого ряда?

— Очень смутно, — усмехается он.

— Это оказывается он, я его и не помню толком!

— Зато он тебя, кажется, хорошо запомнил...

— Это трагедия, Глеб! Говорит: Кира, мы с вами рядом сидели...Зовут меня Игорь ... Забыла отчество...

— Алексеевич, — подсказывает Глеб.

— Игорь Алексеевич. Давайте с вами увидимся. Вы не пожалеете, я сделаю все, чтобы вы не пожалели...Таким высокомерным, пренебрежительным басом...Зовите меня Игорь... Я вам скажу куда подъехать...Ла-ла-ла...Слова мне не дал вставить. Вопрос где он взял номер телефона? Откуда он знает как меня зовут?

— Ты что, не согласилась?

— Да я вообще его не знаю! Я ему сказала: Знаете, что дядя...

Глеб начинает смеяться.

— Прямо так и сказала?

— Ну конечно, не совсем так... Я ему сказала: Вы знаете, Игорек...

— Игорек! — стонет Глеб.

Он валится на диван. Глаза у Киры озорные, искрящиеся.

— Ну нет, конечно. Я сказала: Вы знаете, Туровцын...Игорь Алексеевич...И отшила его по Мусиной методе.

— И он отшелся?

— Нет-нет, он сначала замолчал. Потом начал опять: Я понимаю. Вы не знаете кто я...

— Я ему: Да уже знаю, вы Туровцын. Мне так стало противно. Знаешь, он прямо был уверен, что я сейчас рысью помчусь к нему на встречу.

— Бросишь котлеты..., — подсказывает Глеб.

— Да! Я стою с телефоном, плачу от лука, ничего не вижу. Ну я и сказала что у меня трое детей и я тру на терке лук.

— Он не предложил тебе купить мясорубку?

Глеб смеется вспомнив страшилки об олигархе, гуляющие по офисам Москвы. Якобы за кражу оффшорных денег Туровцын грозился размолотить руки своего заместителя в мясорубке. Даже были какие-то статьи в газетах, но на следующий день сразу же вышли и опровержения. Впрочем, Кире об этом знать не нужно, все это просто сплетни.

— Нет, но кажется он сильно удивился. Я положила трубку. Он еще раз позвонил! Как только я услышала его голос сразу нажала отбой. Потом было еще несколько звонков, но я

уже не подходила, у меня все руки в фарше были. Будешь котлеты? В последний раз спрашиваю. Знаешь, как я старалась?

— Цветы от него?

— Ну да... Скажи, красивые.

Орхидеи — растения паразитирующие на деревьях. Пошловатый, чувственный намек от стареющего бабуина. Цветы кажутся Глебу порнографическими.

— Он огромный просто, наверное скосили целую плантацию. Я хотела его отослать обратно, но посыльный сразу же ушел, а адреса я не знаю.

— Милованова, ты жестокая женщина. Месишь поклонников в котлеты. А он, между прочим, завидный парень.

— Да что ты! Он старый. Моему папе, например...

— У вас на пенсию в тридцать восемь выходят? Поэтому он тебе старым кажется. А у него, между прочим, много достоинств.

Кира вздыхает и становится серьезной.

— Фу, Глеб... Ну как ты можешь? Он такой неприятный человек.

Откуда же ей знать Туровцына? — думает Глеб. Вот знала бы и возраст не помеха. Вот сейчас он скажет ей и что она сделает? Распахнет глаза или потупит, а за гладким лобиком сразу начнут шевелиться честолюбивые мысли.

— Он миллиардер.

— Ну и что?

Плюс один, Милованова. Быстро отвечаешь, не теряешься. Попробуем еще разок, — злорадно думает он.

— Он входит в список Форбса.

— Рада за него, но я-то тут при чем?

Хорошо, Милованова, а вот это? Ну ка попробуй съешь и не подавись.

— Он крупный спонсор Большого театра. Мог бы тебя закинуть туда по одному звонку и сразу в примы.

— Ха! Нужны мне его рекомендации! У меня уже есть две. Я на них стою.

Кира поднимается на пальцы и легко демонстрирует элегантнейший пируэт. Глеба ее физические возможности завораживают. Когда она проделывает эти трюки, его просто парализует, от нее невозможно оторваться. У нее несомненно есть какой-то бешеный, сценический эпил. Как будто она втыкает себя в какую-то секретную розетку и загорается изнутри магическим светом. Туровцын втрескался в нее еще не обнаружив эти фокусы. Сейчас у нее вызывающий, победный взгляд. Она знает, что неотразима, и гордится этим. Неужели не врет про Туровцына? Ведь не так глупа, чтобы не понимать выгод от дружбы с таким покровителем. Даже на секунду не задумалась, не дрогнул ни один мускул на лице, как будто она каждый день общается с миллиардерами. Его это обезоруживает и восхищает. Черте знает что понамешано в этой Миловановой!

— Котлеты? — она умоляюще на него смотрит.

— Давай, — покоряется он.

У нее счастливые, полные обожания глаза, такие же как в детстве. Вот точно так же она смотрела на него раньше. Ловила глазами каждое его движение. Не нужно так смотреть, детка, все это ни к чему. Влюблена или нет? Кто знает этих балерин? А если да, что он

может дать ей в ответ? Чем он может ответить на этот блеск в глазах? Он ищет в себе равнозначный ответ на ее чувство, которое может быть она испытывает к нему. Андрюша, да что там Андрюша... Туровцын понимает какие достоинства кроются в этой чудесной, искренней девушке. Она несомненно подарит себя всю человеку, которого будет любить. А он? То что она готова отдать, будет слишком много для нее и слишком мало для Глеба. Она отдаст себя всю, и этого ему будет недостаточно? А Туровцын? Имеет ли Глеб право, лишать Киру шансов в ее жизни? Глеб никогда не сможет предложить ей больше чем он. Котлеты пересолены, Глеб кладет вилку на стол. Игорь Алексеевич все испортил своими звонками, неуклюжий дядя, разве так знакомятся, Игорек?

— Кира, пойдешь с нами завтра ужинать? Мы всем отделом идем в ресторан.

Он поразился, как легко ему было задать этот вопрос.

— Пойду! А Лидия будет?

— Да.

Он хочет сказать что будет еще и Туровцын, но потом решает что пока ей не нужно знать об этом. Еще воспротивится из гордости и только что сказанного. Пусть это будет сюрпризом, Глеб ей даст второй шанс. Лидуся права, Туровцыны не валяются на дорогах.

— Лидия меня ненавидит...

— Что за ерунда? Она тебя обожает!

— Я так не думаю.

— Понравится Лидии очень легко! Нужно просто родиться в Москве и быть уродиной. Я шучу, шучу. Она к тебе очень тепло относится.

— Видел бы ты ее глаза, когда она меня прогоняла в зале. Змея, просто змея.

— Это все твое воображение. Сейчас я позвоню ей, и она пригласит тебя лично. Хочешь?

А что, неплохо бы теперь позвонить Лидии и заставить ее поунижаться немного. Он мучается угрызениями совести, так пусть и Лидуся наступит на горло своим дурацким принципам, — думает Глеб, — За двадцать миллионов можно полюбить и двадцать гастарбайтеров.

— Нет, что ты! — пугается Кира. — Я тебе верю.

Глеба корчит от презрения к самому себе, суслик, конечно, молодец. Да нет, какая же он сволочь? Он благодетель, дает ей шанс устроить свою жизнь в этом городе.

Глава 20

Черное, шерстяное платье. Гладко причесанная голова, на затылке хвост. Кира любит, чтобы все просто, без лишних загогулин. Вера Петровна в некоторых вещах права. Но чтобы она сказала, если бы видела как сверкают и лучатся радостью глаза дочери? Как она носится по квартире, собираясь в ресторан с Глебом? Опять за старое, дурочка? Ну да, за старое. Запрыгала? Запрыгала!

Вчера она радовалась совершенно ужасной новости. Глеб сидел за компьютером и в месиво крошил зомби. Кира спросила его, почему Марина не идет с ними в ресторан. От ее вопроса оне успел раскрыть череп мертвецу, который был ближе всего. Ему нужно было скользнуть в боковую дверь, но на него уже навалилась целая толпа мертвяков и с чавканьем сожрала его. Глеб повернулся к Кире и сказал :

— Спасибо, из-за тебя меня только что убили.

— Извини... Марина...

— Ах, Марина? Да при чем здесь она? Это же деловая встреча.

— Но я то иду, — возразила Кира.

— Ах, да..., — он задумался. — Понимаешь, Марина немного вышла замуж, ей сейчас некогда.

— Как замуж? — опешила Кира. — Вы же вчера с ней встречались.

— Именно вчера она мне об этом и сказала.

— Мне очень жаль... — пробормотала Кира и почувствовала, как у нее горит лицо. Она сочувствующе кивала головой, но на самом деле ей хотелось подскочить и повиснуть на люстре. Она с грустным лицом встала около него. Лицемерка. Он рассмеялся и сказал:

— Ну что ты! Не о чем жалеть, мы большие друзья, так иногда бывает.

Они расстались! Но как можно было бросить Глеба? Как? Это не укладывалось в голове. Она чувствовала, что в последние дни они становились ближе друг другу. Он не играл саркастичного, не пожимал плечами, когда она говорила глупости. Из его глаз в ее пробегали какие-то искры. Губы обоих растягивались в беспричинные улыбки. А вчера за ужином он схватил ее за руку, чтобы посмотреть остался ли шрам на ее безымянном пальце. Она была тогда совсем крошечная. На даче он посадил ее, чтобы она сорвала сливу, но оступись и они оба грохнулись. Кира содрала с пальца приличный кусок мяса. Его приклеили обратно пластырем и он неожиданно сросся. Алина Евгеньевна говорила, что ничего страшного, шрам потом прикроется обручальным кольцом. Этот маленький рубчик и хотел посмотреть Глеб. Он взял ее за руку и пальцы его задрожали. Сильно смутившись, он вышел из кухни. Она уже не боится его, не отводит глаз. Марины нет в его жизни, и Кира теперь может... А вчера, прежде чем пожелать ей спокойной ночи, он заглянул ей в глаза, и зрачки его были расширены, как два черных солнца. Душа Киры наполнилась ожиданием чего-то необычайного. В комнате она долго смотрела в зеркало и тихо сказала себе: Милованова, то, о чем ты мечтала, может быть...

Запахивая новое пальто, Кира выбегает во двор. Пальто простое, но элегантное. Муся долго ее отговаривала, подруге хотелось радужных цветов, но Кира настояла на своем. Она грохнула на это пальто большую часть оставшихся денег. Денег было жалко, они так легко улетали в этом городе. Москва высасывала деньги как мощный, промышленный пылесос. Кира понимала что это безумие, тратить такую сумму. Она не могла себе позволить, так швыряться. Но в прошлый раз, когда после корпоратива она забрала из гардероба пуховик и надела его на коктейльное платье, Лидия вытаращила глаза. А сегодня Лидии будет не к чему придраться, Кира выглядит отлично. Со всеми коллегами Глеба она будет такой милой и обворожительной, что он будет гордиться ею. Его машина уже во дворе. Кира улыбкой приземляется на переднем сиденье рядом с Глебом. Но он встречает ее холодно, явно сегодня не в духе. Со злостью вытаскивает из под нее портфель и кидает назад. Когда она начинает извиняться, он прибавляет громкость на радиоприемнике. Что-то не так. Он на что-то дуется и молчит всю дорогу. То резко разгоняется, то тормозит. Потом они застревают в пробке и Глеб так бесится, что Кира уже никуда не хочет ехать.

Они опоздали на сорок минут. Кира первая выскакивает из машины, она очень пунктуальна и никогда не позволяет себе опаздывать. Ее этому учили всю жизнь, сначала

мать, потом училище и театр. Попробуй, опоздай к своему выходу! В нетерпении она смотрит на Глеба, надо бежать, люди же ждут. Странно, что Глеб теперь не торопится. Медленно выходит, открывает бардачок и достает перчатки, надевает их. Зачем они ему? До крыльца ресторана всего несколько метров. Обходит машину и вытаскивает портфель с заднего сиденья. Открывает его, потом снимает перчатки и проверяет какие-то бумаги. Кира топчется рядом и понимает — он тянет время. Наконец портфель закрыт и брошен в багажник. Глеб кладет ключи от машины в карман. У него смущенный, озадаченный вид.

— Уже опоздали. Минутой позже, минутой раньше... Иди сюда, мне нужно тебе кое-что сказать.

Кира послушно подходит. Он смотрит ей прямо в глаза.

— Там будет один человек...

— Марина?

— Да причем здесь Марина? Туровцын, помнишь? Который тебя на свидание приглашал.

Лицо Киры расплывается в улыбке, это не Марина. Но у Глеба нахмуренные брови и сжатые губы. До нее наконец доходит. Ах, Туровцын... Да плевать ей на всех Туровцыных, вместе взятых, лишь бы у Глеба было хорошее настроение.

— Ну что ты молчишь? Хочешь, не пойдём? — спрашивает он. — Понимаешь, поидиотски получилось... В общем... Я могу позвонить и сказать что мы до сих пор в пробке.

Глеб глубоко вдыхает холодный воздух и вглядывается ей в лицо. Кира понимает откуда это отвратительное настроение. Он только сегодня узнал, что будет Туровцын, и не знал как сказать ей об этом. Приятно, что он так за нее переживает. Что готов отказаться от встречи, лишь бы не ставить Киру в неловкое положение. Но ведь их ждут в ресторане, как же можно подвести других людей? Это его друзья и сослуживцы. Нельзя не прийти, когда тебя ждут.

— Хочешь, не пойдём? — повторяет Глеб.

— Нет, пойдём. Ну подумай, Туровцын! Я переживу, и он переживет. Там же твой шеф, Лидия и Андрюша.

Она хочет только одного, чтобы Глебу было хорошо.

— Ты уверена?

— Пожалуйста, не переживай. Я буду с ним очень нежной.

У Глеба кажется отлегло от сердца. Бедненький. Да, нечего сказать, в хорошее положение он попал.

— Извини, что так получилось, окей?

— Ну что ты... Окей. Кто же знал, что так получится?

Ради Глеба она готова на все. Конечно, не очень-то хочется увидеть этого Игоря Алексеевича. Хорошо бы он подумал, что у нее роман с Глебом, это бы все разрешило.

В баре темновато. В приглушенном свете абажуров Туровцын вальяжно полулежит на диване. С прямой, напряженной спиной рядом сидит ВикВик, Лидия и Андрюшк примостились на маленьких, неудобных пуфах. На низеньком столике блестит ведерко с шампанским. Андрюша и Лидия вскакивают, чтобы поздороваться с Кирой и Глебом, ВикВик протягивает руку, но не встает, Туровцын же едва кивает головой. Ну что же, — думает Кира, — имеет право. Слегка обижен, ведь им пренебрегли. Глеб хмуро извиняется и все сразу встают, чтобы пройти в обеденный зал. Лидия подхватывает под руку опешившую от такой нежности Киру. По дороге она тихо объясняет, как из-за их опоздания разозлился

ВикВик. Туровцын, оказывается, отказался идти к столу, пока не подъедут все приглашенные. К их приезду они уже успели прикончить вторую бутылку шампанского.

За столом Кира хотела сесть подальше от Туровцына, но все быстро заняли другие стулья и ей пришлось приземлиться рядом с Игорем Алексеевичем. Неприятная ситуация, неприятная. Каким чудесным мог бы быть этот ужин без Туровцына. Впрочем, кажется, она напрасно нервничает. У них серьезные бизнес разговоры. Сейчас он и Вик-Вик увлечены системами юникс. Андрюша им внемлет не пропуская ни слова, время от времени он открывает рот, чтобы вставить что-нибудь, но не решается, ему боязно подать голос. Киру он полностью игнорирует. У Глеба злое, сосредоточенное лицо. Бедняжка, переживает за нее, ведь все так глупо получилось. Нужно было отправить Глеба на этот ужин одного, а самой поехать домой. Теперь уже поздно, Кира изо всех сил улыбается и хотя ничего не понимает, делает вид что внимательно слушает.

Ресторан совершенно роскошный. Весь в желтых абажурах, на столах сверкают бокалы и рюмки, тускло блестят серебром приборы. Хорошо, что Кира уже не дикая. С Тайкой, а потом Глебом она уже побывала в нескольких ресторанах. И хотя ее до сих пор пугают официанты во фраках, она может совершенно по светски вести себя в дорогих местах. Запивать рыбу белым вином, а мясо красным, непонятно, правда, что делать с курицей. Нужно будет при встрече спросить у Тайки. Она соскучилась по Зигги, хорошо бы им завтра позвонить. После бокала шампанского голова становится легкой, все переживания улетучиваются. Киру наполняет чувство любви ко всему вокруг. Вот Лидия — она непонятная. Сегодня она так учтива и ведет себя как будто они две подружки. Кире немного жаль ее. Вещи у нее несомненно дорогие, но все сидят безобразно, и Кире хочется чтобы Лидия похудела в талии и похорошела лицом. Чтобы у нее пропал этот беспокойный блеск в глазах. Чтобы кто-нибудь в нее влюбился и она чаще улыбалась, а не поджимала губы. Кире жалко и Андрюшу, она хотела бы, чтобы ему тоже стало хорошо. От волнения на лбу у него выступили капли пота. Ему жарко, снял бы пиджак, но он почему-то не делает этого. Глаза его не сходят с лица Туровцына, теперь, кажется, он влюблен в него. От этой мысли Кире становится смешно, ей хочется поделиться этим открытием с Глебом и она поворачивается к нему. Он не понимает почему ей так весело, но на ее улыбку прикрывает веки. Как будто говорит: Кира не бойся, я с тобой, потом посмеемся. В нем столько спокойного достоинства. Глеб пожалуй единственный, кто не ползает на коленях перед Туровцыным. Как она его любит! Ради него одного она живет, дышит, принимает душ, расчесывает волосы, покупает пальто. Ради него она будет танцевать и станет примой в театре. Из счастливого оцепенения ее выводит басистый голос Туровцына, он все время говорит. Иногда вкрадчиво вставляется Вик-Вик, а Лидия и Андрюша усердно слушают. Глеб же рассредоточен, он играет рюмкой и время от времени поглядывает на Туровцына, в эти моменты взгляд его становится напряженным и неприязненным.

Всю первую половину вечера Кира боялась, что Туровцын начнет ухаживать и ей было бы неудобно перед всеми. К счастью, эпиорнис ничего такого не делал. Он не гусарствовал, не пожирал ее взглядами, а даже наоборот, как будто не замечал. Но он так же как будто не замечал и остальных и ни с кем не говорил кроме ВикВика. Когда ВикВик осторожно отвечал на его вопросы, Туровцын сосредотачивался на еде. На рукаве его

сверкала запонка — литая голова пантеры, усыпанная разноцветными камнями. Когда он жестикулировал, камни переливались и вспыхивали огнями на лице у Вик-Вика. Это был занятный фокус.

Перед десертом Лидия ущипнула Киру за локоть и они пошли в туалет, как две подружки. Кира весь вечер удивлялась ее благосклонности. В общем, произошло чудесное превращение, в которое Кира все отказывалась поверить и каждую минуту ждала подлости. В туалете Лидия достала сигареты, пожаловалась что теперь нигде нельзя курить открыто и она надеется что дымовой детектор здесь не очень чувствителен. И какая это пытка человеку с зависимостью терпеть несколько часов до следующей сигареты. Черт бы побрал всех этих заикленных на здоровье фриков, здоровье нужно тратить на удовольствия. Кира присаживается на банкетку и с ужасом понимает, что им совершенно не о чем говорить.

— Что тебе сказали в театре? — спрашивает наконец Лидия.

— Взяли документы.

— Надо же! — Лидия выглядит озадаченной. — А ты молодец.

В ее голосе слышится уважение. Люди — странные создания, ведь Кира осталась прежней, ничего особенного не сделала, просто у нее взяли документы.

— Это ничего не значит, — тут же признается она, совершенно не умеет врать.

— Это уже много, поверь... Попасть туда без связей невозможно.

Лидия на высоченных каблуках. Она все время перетаптывается, балансирует, от чего раздается гулкий звук по кафелю.

— Как тебе наш заказчик?

— Кто? — не понимает Кира.

— Туровцын.

— Ах он... Красивые запонки.

Лидия усмехается, кажется она что-то знает.

— Еще бы! Просто набит деньгами. Ты слышала про Синицу?

Конечно Кира знает, кто такая Синица. Это поп-звезда, живущая в невозможной роскоши. Фотографии дорогуших интерьеров ее домов во всех журналах.

— Его бывшая... Приехала в Москву два года назад. Из Тюмени в плацкартном вагоне. Теперь у нее есть все: виллы, машины, признание, поклонники... Москва интересный город, метаморфозы здесь происходят в мгновение. Гусеницы окукливаются и бабочки какое-то время порхают. Кто-то танцует, кто-то поет...

Кира понимает, куда ведут эти рассуждения. Может Лидии и хочется поговорить об этом, но пусть знает, что Кире эта тема не особенно приятна. Но Лидия прет танком.

— Приехала в Москву на поезде. Хотела петь и поет! А ты хочешь танцевать... Похожие истории, не находишь?

— Что же тут похожего? Она приехала в плацкарте, а я в купе, — холодно замечает Кира.

По глазам Лидии видно, что она знает про звонок Туровцына.

— Да, я знаю, — торжественно подтверждает ее догадку Лидия.

Она щелкает пальцами, и бычок летит в унитаз, открывает воду и моет руки. От жидкого мыла воздух становится яблочным.

— Тебе не жалко, что ты так сглупила?

Она выдергивает свернутую салфетку из пирамидки и высушивает ладони.

— Нет.

Лидия с удивлением смотрит на нее, как будто в первый раз видит.

— Это твой лотерейный билет, протяни руку и ты выиграла. На твоём месте другие бы уже выбирали шустрого риэлтора в дорогом районе. Игорь Алексеевич — человек масштабный.

Кира раздраженно вздыхает, разговор этот неприятен и его нужно поскорее прекратить.

— По-моему, он масштабный кретин. Разговаривает как приказы отдаёт: За вами заедет мой шофер. Постарайтесь не опаздывать..., — Кира кашляет басом как бы кашлял Туровцын. — Я не люблю когда опаздывают... Ужас что такое! Я ему говорю — нет, а он не слушает, как глухой!

Лидия разводит руки, не зная что сказать. Случайно попадает локтем под сушилку, мощный мотор включается и работает какое-то время. Когда он стихает, Лидия начинает ковыряться в сумке.

— Подожди, я намажу губы... Знаешь, человек с такими деньгами может позволить себе быть причудливым, — она тщательно водит помадой по губам. Разводит их и складывает дудочкой. — А зачем ты пришла? Дразнить его? Он серьёзный мальчик, с ним играть нельзя.

Кира начинает злиться.

— Если бы я знала, что он здесь, я бы не пришла.

Лидия прищуривается.

— А ты не знала, что он будет здесь?

— Мы узнали об этом на стоянке у ресторана.

Лидия смеется.

— Может ты и узнала на стоянке, но Глеб знал об этом ещё два дня назад! Если бы не Игорь Алексеевич, сидела бы ты здесь! Тебя привезли по просьбе Туровцына.

Это точно, два дня назад вечером Глеб и пригласил Киру. Но Лидия что-то путает.

— Не может быть!

— Конечно, это несколько экстравагантный способ знакомиться с девушкой...

— Глеб знал об этом с самого начала? — останавливает её Кира.

— Мошна туга — всяк ей слуга! Нас душит кризис. Если Туровцын не купит оборудование, мы все потеряем работу. Он попросил позвать тебя, мы позвали. Нам большой плюс, да и ты не проигрыше. Теперь у тебя есть ещё один шанс, не упусти его. Глеб за тебя переживает, а с Туровцыным ты сможешь выбиться в люди.

Кира вскакивает с банкетки. Глеб не мог так поступить с ней! Неужели он думает что она такая продажная? Как они все смеют, насадить её как мотыля на крючок для Туровцына?

— Мне не нужно выбиваться в люди, я уже человек, — зло отвечает она.

— Поверь мне, до человека тебе ещё далеко. Но у тебя есть возможность, почему бы ей не воспользоваться? Потому что все равно...

— Туровцыну я уже все сказала.

Лидия машет рукой.

— Так или иначе он заставит тебя, для него не существует слова нет.

— Я не соглашусь никогда!

Гадина, какая же гадина, эта Лидия! А Вик-Вик, Андрюша? Неужели Глеб тоже замешан во всем этом? Кира выходит из туалета, она уже не ждёт еле ковыляющую за ней

Лидию.

Весь оставшийся вечер Кира отчаянно кокетничала с Туровцыным. Вернувшись к столу она сразу же ему ласково улыбнулась, Игорь Алексеевич как будто только и ждал этого и немедленно всем корпусом развернулся к ней. Вик-Вик остался сидеть с открытым ртом и незаконченной фразой. Глаза олигарха впились Кире в лицо и до конца вечера он уже не отводил от нее взгляда. Она старалась вовсю, призывно смеялась, закидывала голову и встряхивала волосами. Ведь они этого хотели!? Поднести ее на блюде Туровцыну и разделать, как до этого официант филетировал для него дораду. Игорь Алексеевич неуклюже ухаживал, ВикВик, Лидия и Андрюша смущенно переглядывались, Глеб тревожно всматривался в нее. С каждой минутой он все больше мрачнел. Когда прощаясь Туровцын предложил подвезти Киру до дому, Глеб не дожидаясь ее ответа резко развернулся и пошел в вестибюль. Всю дорогу домой она не проронила ни слова. Да и у Глеба кажется, не было желания разговаривать. Вернувшись, она тихо зашла в свою комнату и за весь вечер так больше и не вышла.

Глава 21

Поджав под себя ноги, Кира сидит в кресле. Она едва кивнула Глебу, когда он пришел с работы. Он швыряет в угол портфель и опускается в кресло напротив. У нее красные, в опухших веках глаза, ночью через стену он слышал как она бесконечно долго плакала.

— Что-то случилось? — спрашивает он.

— Нет, я наоборот, очень веселая!

Она вдруг встряхивается и улыбается ртом. Глаза остаются печальными и укоризненными.

— Есть что-нибудь поесть?

— Нет.

— Закажу пиццу, будешь?

Она молчит. Часы на стене громко тикают.

— Игорь Алексеевич звонил.

Глеб вздыхает.

— Ты знаешь, он уже и мне надоел.

— Он пожилой и противный, но у него большие возможности. Театр распахнет двери для молодой, периферийной балерины с амбициями, — выпренно говорит она. — Достаточно одного звонка... Как умолял о встрече! Может пойти, как думаешь?

Она внимательно следит за его лицом. Он закрывает глаза.

— Кира не мучай меня. Я не знаю...

— Масштабный человек! Сдвигает горы и поворачивает реки вспять для своих любовниц, роет каналы ведущие прямо к театрам и продюсерам. Ты знаешь Синицу?

Глебу хочется выбежать из комнаты.

— Ты вправду думаешь что он мне поможет? — донимает его она.

— Да.

— Ты советуешь мне пойти?

— Я ничего не могу тебе советовать, Милованова. Ты прекрасно понимаешь, что с Туровцыным тебе не нужно будет много лет стоять в очереди. Все мечтают об этом.

— Да откуда ты знаешь, о чем мечтаю я? Значит ты мне советуешь? Да или нет?

— Большие девочки решают сами.

Кира вглядывается в него, но не находит того, что ищет.

— Вот и отлично!

Она вскакивает и выбегает в коридор. Возвращается со своей сумкой и вытряхивает все ее содержимое на журнальный столик. Находит визитку Туровцына и набирает номер на телефоне. Равнодушно насвистывая Глеб проходит на кухню, достает масло и сыр из холодильника. Он слышит как она говорит по телефону: Это Кира Милованова. Вы знаете, я передумала. Где? Во сколько? Заедет шофер? Ах, он знает куда...? Отлично!

Она в нервном, лихорадочном оживлении, голос ее неровен и постоянно срывается. Закончив говорить, она кричит из зала Глебу:

— Какой хваткий дяденька, его шофер даже знает куда подъехать!

В этот момент, отрезая пластину сыра Глеб прихватывает ножом большой палец на левой руке. Кровь сначала заливает желтый, масляный кусок сыра и потом капает на хлеб. Рубашку придется выкинуть, ее тоже забрызгало. Он слышит, как Кира хлопывает дверь своей спальни. Из ее комнаты не доносится ни звука. В квартире тишина. Перехватив палец салфеткой он садится в кресло и все время прислушивается. Есть уже не хочется, палец все кровит, пятно на салфетке медленно расплывается. Через некоторое время дверь распахивается, и выйдя в коридор она надевает туфли. Глеб тянется за пультом, включает телевизор и прибавляет громкость, ему очень мутно на сердце. Хотя с чего бы это? Он слышит как она отпирает входную дверь, потом вдруг возвращается и встает в проеме.

— У тебя кровь на рубашке, что это?

— Так, ничего страшного.

У нее розовый нос, влажные глаза. Она опять плакала, что-ли?

— Пожелай мне удачи.

Шарф криво намотан на плечах, пальто распахнуто, под ним тонкое черное платье. Волосы растрепаны, в глазах горькое признание в любви. Или ему так кажется? Может просто взволнована перед встречей с Туровцыным.

— Там холодно, оденься теплее, — говорит он глядя на ее лодочки.

— Спасибо, Глеб, ты такой заботливый, — горько произносит она. — Пойду, растолкаю очередь к этому мудаку, пусть все подвинутся. Нужно отвоевать свое место под солнцем, ведь вы все этого хотите?! — вдруг пронзительно кричит она.

Глебу невыносимо смотреть на нее, его корчит от ее горящего, гневного взгляда.

— Желаю тебе хорошо провести время, — выдавливает он.

— Я проведу его продуктивно. Ведь так говорят у вас на семинарах для заказчиков? Нельзя терять ни минуты. Покажу ему список, чтобы он сразу знал ... Уж продаваться, так дорого. Но я не эгоистка... Знаешь что я попрошу у него в первую очередь? Когда он будет лезть ко мне со своими вонючими поцелуями и дышать мне в ухо? Я попрошу чтобы вы наконец выиграли этот гребаный тендер и успокоились, — она глубоко дышит, кажется ей не хватает воздуха. — Ведь для вас это очень и очень важно, — заканчивает она тихим, дрожащим голосом.

Громко хлопнув дверью она выбегает из квартиры. Глеб съжившись сидит в оцепенении. Как он ненавидит драмы. Что это? Моральный шантаж, чтобы почувствовать себя лучше? Выставить себя жертвой, когда сама прекрасно понимает, что для нее лучше. К чему это кривляние и слезы? Все равно же побежала. Все они одинаковые. Зачем-то он идет

к окну. Черный Роллс-Ройс только что припарковался у подъезда. Не осознавая что делает, Глеб вдруг бросается к двери. На бегу хватается ключи и выскакивает из квартиры. Занятый кем-то лифт проезжает мимо, и тогда Глеб устремляется вниз, одновременно перепрыгивая через несколько ступеней. Внезапная мысль пронизывает его: Зачем он бежит? Остановить? Но что можно сказать ей? Он пинком распахивает дверь. Улица пуста, машина только что уехала. В конусе фонаря тихо сыплет снег. Странная пустота в душе вдруг ошеломляет его.

Водитель почтительно открывает дверцу машины перед Кирой. Она садится и сразу же выхватывает салфетку из коробки. Слезы струятся по лицу и она не может остановить их. С удивлением шофер наблюдает за ней в зеркало заднего вида. Она сдвигается в сторону, чтобы он не мог так свободно попадать ей глазами в лицо. Кире до сих пор трудно поверить, что люди которых она считала своими друзьями, могли так цинично поступить с ней. Все из-за этого тендера. Знать бы что это такое! Все как с ума посходили. Этот ужасный тендер засасывает ее как воронка в сточной, вонючей канаве. Как Глеб мог так поступить с ней? Если Марина бросила его из-за денег, может быть он думает что все девушки одинаковые? И все хотят одного и того же? Марина... Муся... Тайка говорила что больше всего на свете любит деньги. Виноват — ли Глеб если думает что она тоже такая? Если мир, который его окружает, именно такой? Киру теперь мучает раскаяние, она жалеет, что сказала ему такие ужасные вещи. У него был такой потерянный, несчастный вид, рука вся в крови. Сама виновата. Как она кокетничала с Туровцыным в ресторане, чтобы позлить Глеба! Сегодня нужно было сесть и обо всем поговорить, а она из-за своего самодурства едет на свидание к человеку который ей противен. Что она хотела доказать этим? Как теперь оправдывает свою глупую выходку? Нужно немедленно ехать домой. Что теперь можно сказать Туровцыну в свое оправдание? Она беспокойно смотрит на спину шофера и ничего не может придумать.

У нее ее злое, неприветливое лицо, Туровцын озадачен. Он думал что поход в Большой доставит ей удовольствие. Ольга — его секретарь, стерла губы о телефонную трубку, чтобы достать места. Баядерка была аншлаговой. В конце концов Ольге пришлось звонить самому генеральному, который отдыхал в это время на Бали. В театре срочно пересадили людей и организовали им директорскую ложу. Столько усилий ради хмурого лица и потухших глаз. Туровцын все приглядывается к Кире. Стоит она или не стоит? Хотя он еще в прошлый раз решил что да, стоит, желания его были переменчивы. Он берет ее под локоть, чтобы пройти в фойе, но она освобождается и холодно чеканит:

— Когда мне нужна будет поддержка, я попрошу вас об этом.

— У нас ложа, — отвечает невпопад Туровцын. Он не ожидал такого ледяного тона.

— Я люблю партер.

В душе у него начинает петь. Стоит, стоит. Все это будет очень даже забавно.

Заслуженный танцует добросовестно, сгибая вверх под восторженные аплодисменты. У главной напряжены руки, нет скольжения в танце. Кира знает, что сама она может гораздо лучше. Иногда она забывает о Туровцыне. А когда вспоминает, краем глаза видит, что он тщательно осматривает ее. Это раздражает. К концу первого акта он откровенно зеваает, она слышит его громкое дыхание и ей хочется чтобы это прекратилось. Зачем он здесь? Зачем здесь она, рядом с ним? Какая-то нелепейшая ситуация. Ее не радует ложа, пугает телохранитель за спиной, выбешивает Туровцын, который стачивает глаза о ее шею и грудь.

В перерыве им приносят шампанского. Но Кира говорит, что хочет пройтись, и оставляет его одного. Было бы здорово сбежать, но номерок от пальто у телохранителя. Она во все глаза рассматривает театр изнутри, здесь все другое, роскошнее и масштабнее чем дома. Кира проходит по главному фойе, смотрит вниз с лестницы в вестибюль, и снова остро осознает что ее место здесь, в этом здании. Все ее тело тоскует по работе, как бы она хотела очутиться по другую сторону оркестровой ямы! Здесь работает Ники, какой же он счастливец! Он по прежнему не берет телефон, сегодня она оставила ему очередное сообщение. Какое по счету? Она благоговейно бредет через хоровой и круглый залы. Когда звенит третий звонок, она понимает, что не сможет высидеть до конца спектакля. Это не тот человек, с которым бы ей хотелось быть здесь, он все отравляет. Войдя в ложу, она решает:

— Извините меня пожалуйста, но у меня жуткая мигрень. Вы оставайтесь, а я сама доберусь до дому.

Его взгляд — взгляд хозяина на кошку, которая вместо лотка помочилась в его туфлю. Он, кажется, оскорблен.

— Сначала заедем в аптеку, а потом поужинаем, — заявляет он тоном, не терпящим возражений.

Она понимает, что выхода нет. Как только они садятся в машину, Туровцын берет ее руку, но она с отвращением выдергивает свою ладонь. Странная волна удовольствия пробегает по его лицу. Время от времени он пытается ее разговорить, но она отвечает неохотно и разговор все время угасает.

— Ты хорошая балерина? — спрашивает он.

— Так себе...

Он хищно улыбается.

— Я все про тебя знаю, не нужно скромничать.

— Если знаете, зачем спрашиваете?

Шофер сворачивает под запрещающий знак, чтобы сократить путь и проехать на стоянку не делая круг. Их тут же останавливает гаишник.

— Здесь одностороннее движение, Игорь Алексеевич, — журит их долговязый мужчина в форме.

— Мы и едем в одну сторону, — отвечает шофер.

Они оба смеются. Лицо Туровцына непроницаемо, кажется этот человек воображает что ему можно все.

Ресторан очень дорогой. Какого-то француза с двумя мишленовскими звездами. В меню совершенно диковинные вещи: капучино из фуагра, икра морского ежа, мороженое из зеленого чая... Кира не чувствует вкуса еды, кусок не лезет ей в горло. Туровцын только что предложил ей перейти на ты и называть его Игорем. Он то надменен, то пугает ее назойливыми ухаживаниями, время от времени надолго зависает на телефоне, совершенно игнорируя Киру, а после разговора пытается кормить из своей тарелки. Чем же он мог так очаровать Синицу? Она — красавица. Правда, Муся считает что в ней всего чересчур, или мало или много. Крошечный нос, огромные губы и грудь, такие длинные ноги, что кажется она в них путается, когда танцует в клипах на МТВ. Конечно, Туровцына богат и это, наверное, как-то привлекает других... Он не уродлив, нет. Женщины любят выражение суровой мужественности на лице. Но в его лице так много геометрии, что хочется подретушировать углы слишком уж хищных линий. В молодости он, видимо, был художав,

но теперь похож на перекормленного добермана. Кира не может представить, как можно позволить этому человеку прикасаться к себе, даже за огромные деньги. Обнять его — все равно что прижаться к холодильнику, он какой-то весь жесткий и хладнодушный. Мощная энергия уверенности в себе и пренебрежения к другим исходит от него, и Кире она неприятна.

Туровцын с удовольствием поедает морепродукты и рыбу. И вообще ест все самое полезное. Кира думает, что жить он собирается очень долго, а ей хотелось бы, чтобы он умер прямо сейчас. Ну не совсем умер, а впал в беспамятство, а когда очнулся, забыл о ней напрочь и спросил: Вы кто, голубушка, простите? Она бы молча поднялась и пошла в фойе за пальто. Как бы она бежала домой! Не чувствуя под собой ног. Летела бы.

— Еще устриц? — спрашивает он.

Он похож на тигра, который пожирает ее глазами из-за решетки зверинца. Эх была бы возможность, разорвал бы твою нежную мякоть, вылизал бы всю кровь, — читается в этом взгляде. Кира не хочет ни устриц, ни рыбы, а только одного — чтобы он уже поскорее доел все в своей тарелке.

Кира явно скучает, и Туровцыну досадно. Он воображал себе совсем другое. Множественные влажные улыбки, кокетливые стрелы из глаз в глаза. На том вечере Инфириуса он видел как она умеет переливаться. Да и потом, в ресторане, она ожила под вечер и лучилась. А теперь потухшая, и как будто отбывает с ним срок. Взгляд ее куда теплее, когда она смотрит на сомелье или официанта. Туровцыну же достаются короткие, неприязненные вскидывания глазами, скорее необходимые, чем по желанию. У нее чудесный рот, свежий и румяный, Игорь Алексеевич мучается желанием засунуть туда указательный палец, чтобы ощутить теплый, шелковый язык меж скользких зубов. Хочется ее встряхнуть, как сувенирный стеклянный шар с падающим снегом, чтобы снег снова стал падать, и было ощущение надвигающегося праздника. А она сидит как будто у нее кто-то умер. Настроение его стремительно падает, неужели она как все? Оживает только если речь заходит о сумках, шубах или драгоценностях. Туровцын давно привык, что женщинам всегда нужно что-то осязаемое, что можно получить сразу в пожизненное пользование. Они существа тактильные, у них патологически развиты рецепторы осязания. Больше всего им нравится заворачиваться в легчайший мех, шлифовать пальцами драгоценные камни, гладить выпуклые бляшки крокодиловой кожи и других редких гадов. Они любят недвижимость и дорогие машины. Самый легкий способ обладать этими женщинами — дать им взамен то, что они любят трогать, носить, владеть. Этот бартер он знает до мелочей. Груды драгоценных камней и шкуры ни в чем неповинных рептилий прошли через его руки в обмен на иллюзию, спектакль о любви. Он привык к этой игре, и она навела на него хандру и скуку. С Кирой ему не хочется игр, она сильно напоминает ему Ишбел и эти последние несколько дней он думал, что может быть удастся прыгнуть назад в прошлое. У него в кармане бриллиантовый браслет, он захватил его на всякий случай, если Кира окажется неравной Ишбел, а будет как все остальные готова к бартеру. Глядя на ее мрачный вид, он с сожалением думает, что время браслета пришло, но все-таки тянет время, потому что ему хочется еще верить, что она не такая как все. Что все может быть еще по другому, волнительно и интересно. Он старается, распускает перья, но все время чувствует себя неловко. Когда он слишком увлекается, лицо ее становится недоверчивым и насмешливым.

И в этом она тоже похожа на Ишбел, но та была всегда дружелюбна, здесь же он чувствует враждебность.

— Я хочу подарить тебе кое что...

Замшевый каскет выуживается из кармана пиджака. Она не берет его, а только испуганно отодвигается. Он открывает коробочку и пальцем толкает ее по столу к Кире. Четыре ряда белых бриллиантов горят радужным огнем. Сейчас огни браслета отразятся в глазах этой провинциалки и он опять выиграет, все будет как всегда. Они будут видаться пару месяцев, он купит ей квартиру в Москве, и потом потихоньку сольет, когда почувствует что она ему в тягость. Он смотрит в ее глаза, чтобы уловить момент, когда бриллианты зажгут алчный огонек, который будет вечным, если своевременно подкидывать в него деньги и роскошные вещи. Но она решительно и даже брезгливо отодвигает подарок :

— Я не могу взять.

Туровцын недоверчиво улыбается.

— Я вас совсем не знаю..., — объясняет она.

Он наклоняется вперед и кладет свою большую ладонь ей на запястье.

— Ты права, поедем ко мне и как следует познакомимся.

И тут же понимает, что поторопился и взял неверный тон, который придется искупать долгим, нудным ухаживанием. Сейчас она войдет в образ и будет корчить из себя недотрогу, а все одно и тоже. Она будет играть, но как раз таких игр ему не хочется.

Она отшатывается, как от удара в лицо, вырывает руку, глубокое отвращение на ее лице неподдельно. Не фальшивое, как у других, готовое вылинять в страстный, полный обожания взгляд. Правда обожания не к нему, а к его богатству. Что, в принципе, он уже много лет не разделяет. И только Ишбел любила его отдельно от многочисленных циферек на банковских бумагах. На лице у балерины такое упорство, что Туровцын теряется. Но разве не этого он вожделел? Он чувствует как нарастает азарт, давление поднимается, и жить становится интересно. Если она равнодушна к его деньгам, значит у него есть шанс и Кира оправдала его ожидания. Официант осторожно отодвигает браслет в сторону, чтобы переставить тарелку. Взгляд его то и дело возвращается к открытому бархатному гробику, где тысячами граней сверкает бриллиантовый наручник.

— Исчезни, — бросает ему Туровцын. Когда тот поспешно удаляется, он обращается к Кире:

— Я хочу, чтобы ты была со мной.

Как и всегда с женщинами, Туровцын говорит избитые пошлости. Он ставит заезженную пластинку, используемую им много-много раз. Но что-то совсем другое, в этот раз он остро чувствует, что говорит пошлости.

— Игорь Алексеевич... Бросьте, какие чувства? Вы меня совсем не знаете.

— Ты — совершенство.

Неуклюжий комплимент заставляет ее поморщиться.

— И что вы нашли во мне? До девушки с обложки мне далеко.

— Позволь мне решить самому...

— Я совсем не подхожу вам. У меня всегда мало времени. Когда я работаю, я так устаю, что у меня не остается сил на кого-нибудь еще. Со мной вам будет скучно и плохо. Иногда на меня находит безумие, маленькой я падала с балкона. Видимо ударилась головой. У меня на животе родимое пятно. Большое и отвратительное, врачи говорят что...

Туровцын понимает, что она говорит первое, что приходит ей в голову, поэтому не слушает.

— Завтра же будешь танцевать в Большом, — уверяет он. — Сразу главные партии. Я крупный спонсор и вхожу в Попечительский совет. Только скажи: да!

— У вас внушительный опыт по пристраиванию бедных девушек, — замечает Кира. — Они приезжают на поездах, кто в плацкарте, кто в купе. И вы им помогаете петь и танцевать.

— Уже донесли, — улыбается он.

— Игорь Алексеевич...

— Кира, я предлагаю весь мир.

— Я не могу...

Неужели этого мало? Или девчонка просто не понимает его возможностей?

— Весь мир. Я правда, не смогу жениться...буду честен. Я женат, поэтому не обещаю...

— И за это спасибо, — усмехается она. — Что же, я тоже буду говорить с вами начистоту. Игорь Алексеевич, я люблю другого, понимаете?

Сияние браслета вдруг начинает раздражать Туровцына. Он ожидал чего угодно, только не этого. В ее ответе не было отступа, на котором она могла бы позже сманеврировать и остаться с ним. Однозначное НЕТ было брошено ему в лицо. Это его отрезвило и заставило посмотреть на все другими глазами. Он вдруг увидел ее лицо без малейшей симпатии к нему. Оно отражало скуку, досаду и желание побыстрее от него избавиться, самонадеянность помешала ему увидеть это раньше.

— Зачем же ты пришла?

— Я хотела объясниться.

— Моя дорогая, я очень занятый человек.

— Простите меня, пожалуйста.

Озлобление захлестывает его, он уверен — она именно то, что ему нужно. У нее как и у Ишбел совсем нет хватательного рефлекса. Глаза шотландки никогда не горели алчным огнем, для нее его богатство было меньше чем он. И эта балерина могла бы как Ишбел... Теперь, когда он понимает, что Кира недоступна, ему невыносимо хочется ее. Кто!? Кто посмел у него вырвать эту девочку, которая ему так нужна? Ну конечно тот смазливый менеджер, у которого она живет. Туровцын вспоминает, как Кира и Глеб переглядывались в ресторане, чувствовалась между ними крепкая, туго натянутая веревка, и если бы его не уверяли, что между ними ничего нет, он никогда бы не поверил.

— Тогда в ресторане, вы с ним опоздали, да? Это он?

Кира опускает голову. Он отодвигает бокал и зовет официанта.

— Думаю нам не о чем будет говорить за десертом. Счет!

Около гардеробной Туровцын обеими руками притягивает ее к себе за воротник пальто.

— Скажи: да.

— Я не могу, Игорь Алексеевич...

— Вот моя визитка, на случай если передумаешь. Позвони, но только если захочешь быть со мной, я не люблю пустых разговоров и встреч.

В машине он долго смотрит как она бежит к метро. Редкое чувство беспомощности душит его. Ему нельзя иметь эту маленькую, веселую девочку. А она может быть очень веселой, он видел ее ласковые, счастливые глаза, когда она переглядывалась со своим менеджером. Во второй раз в жизни Игорь Алексеевич понял, что не может чего-то

приобрести, пользоваться тем, что ему отрадно. Ощутить жизнь по новому, через чистые, без порочного огня глаза. Женщины, которых он по— настоящему хочет, не понимают его величия. Они не понимают, что нужно иметь в себе, что сделать и через что пройти, чтобы стать Туровцыном. Предпочесть ему этого обаяшку-менеджера! Ведь это он привел ее в ресторан, гнида! И рыбки съесть и на березу залезть. Нужно узнать его фамилию. Она еще нахлебается по самые уши с менеджером, пожалеет, что разменялась на такую мелочь. Туровцын поднимает дверное стекло. К Светлане, — приказывает он невозмутимому, привыкшему ко всему шоферу.

Глава 22

В квартире темно. Чтобы не разбудить Глеба, она осторожно отодвигает собачку замка и тихо закрывает дверь. Уже поздно, она час добиралась на метро и еще двадцать минут шла пешком. Волосы ее намокли и разбились на пряди, туфли полны снега, лицо онемело. Она стоит в коридоре и дышит на ладони, чтобы отогреть их. Темно, и только из зала падает желтоватый свет от фонаря за окном. В проеме она видит силуэт Глеба.

— Темно, — говорит она, чтобы что-нибудь сказать.

— Включи свет.

— Не хочу.

— Я думал, ты не придешь.

— От меня так просто не избавишься.

Он помогает ей снять мокрое пальто и включает свет. В комнате все раскидано, его офисная одежда свалена на кресле, галстук валяется на полу. Столик закапан кровью, в тарелке лежит сухой хлеб и промасленный, старый кусок сыра, рядом стоит бутылка бурбона и керамическая пивная кружка с видами Праги.

— Празднуешь мое завоевание Москвы? — спрашивает она.

Глеб плюхается в кресло и щедро наливает из бутылки в кружку.

Кира опускается на пол, облакачивается спиной о стену, поднимает галстук и обматывает его вокруг шеи. Глеб кидает ей диванную подушку, которую она закладывает себе за спину. Глаза ее грустны и прекрасны.

— Больно? — спрашивает она про его руку.

— Я выживу. Видишь, даже не отказываюсь от еды.

Он откусывает от засохшего ломтика сыра и сосредоточенно жует. Кира с сочувствием смотрит на него.

— Ну что там, с твоим списком? — наконец не выдерживает он.

— С тендером, боюсь все очень хреново.

— А как насчет всего остального?

— С этим как раз не было проблем. Он предложил мне весь мир...Взял и бросил в ноги, как теннисный мячик.

— Должен же он как-то тратить деньги. Что за удовольствие быть самым богатым дядькой на кладбище?

— О, это очень соблазнительно, — продолжает она. — Немного противно, но можно закрыть глаза. А потом открыть и та-да! У тебя в ногах весь мир.

Глеб не узнает Киру, она теперь другая. Так свободно и легко разговаривает. Раскованность во взгляде, голосе, движениях. Но во всем какая-то грустная бравада. Она

трет конец галстука о свою щеку.

— Налей мне тоже. Давай выпьем за весь мир! — предлагает она.

— Кира, перестань..., — зло одергивает ее Глеб

— Нет, я не перестану. Мне нужно знать правильно ли я сделала? Я молодец, да?

Он протягивает ей свою кружку, рука его немного дрожит. Шумно выдохнув, она выпивает ее залпом. Тепло мгновенно разливается по телу, голова становится легкой и слегка кружится.

— Знаешь в чем трагедия? — горько спрашивает она. — Он хочет мне подарить весь мир, но там нет самого главного. Мячик полый...

— Чего же тебе еще не хватает?

— Тебя.

Она не отрывает взгляда от его лица. Ей становится очень легко. Все эти годы ее как будто носило в бесконечном море и она устала плыть. Теперь ее вынесло на сушу, неизвестно чего еще ждать от этих берегов, но пока можно перевести дух. Полежать на теплом песке хотя бы несколько минут, а там будь что будет. Она не может так больше жить. Чтобы сейчас не случилось, это лучше, чем непереносимо страдать. Завтра она соберет вещи и уйдет к Мусе.

— Хорошо бы иметь весь мир и меня в придачу, да? — спрашивает он.

— Нет, только тебя.

— Кира, не играй со мной, я все это уже проходил.

— Я отказала ему, потому что...

— Ты ненормальная...

— Потому что я люблю тебя.

Вскочив, он собирает с пола свою одежду и уходит в ванную. Потом возвращается. В руках все также болтаются пиджак и рубашка, носки поочередно падают на пол. Он бросает все на то же кресло и уходит к себе в спальню.

— Я ненормальная, и мне нравится быть такой, — тихо говорит себе Кира.

Все, что копилось столько лет, вырвалось наружу. Она освободилась, потому что жить с этим больше нельзя. Пусть он знает и не мучает ее. Пусть он не любит, но хотя бы не отсылает ее к Туровцыну. Она встает и идет к двери ведущей на маленький, открытый балкончик. Душно, хочется свежего воздуха. Ручка двери поддается не сразу, но наконец она открыта. Морозный воздух обдаёт лицо. Закрыв глаза, она переступает порожек двери. Вытянув руки, на ощупь, Кира хватается за ограждение. Она знает, если откроет глаза, потеряет сознание, и тем не менее сейчас она должна это сделать, ей так надо. Тело быстро охлаждается и вот она уже чувствует как морозятся руки, лицо и грудь. Холодно, только почему-то тепло плечам. Она не сразу понимает — это руки Глеба обнимают ее. Он вышел вслед за ней. Его горячие губы скользят по ее шее. Там где он целует и прикасается к ней, кожа теплеет и оживает. За руку он заводит ее назад в комнату. Кира открывает глаза, последние снежинки мягко оседают на пол и на паркете превращаются в капельки воды. Она теперь как снежинка, занесенная ветром в теплую комнату. Нужно покориться и таять. Глеб снова рядом, он не отпускает ее, его прикосновения расходятся по телу горячими, шелковыми волнами. Гаснет свет, исчезло все вокруг, кроме ее возлюбленного. Вот он — весь ее мир, она обнимает его, и больше ей ничего не нужно. Планета кружится вокруг солнца, рождаются и умирают люди, взлетают и садятся самолеты, несутся в ночи поезда, ветер играет со снегом за стеклами, в соседних домах загорается и гаснет свет, соседи в

пижамах смотрят телевизор, — все это не имеет никакого отношения к Кире. Она слышит только дыхание Глеба и секундную стрелку в часах на стене. Задохнувшись от поцелуя, она открывает глаза. В темно-синем небе на крыше соседнего дома стоит человек. Его черный силуэт четко очерчен. Он машет ей рукой и хотя она не видит лица, ей кажется что он улыбается. Трудно понять где реальность.

— Глеб, — прерывающимся голосом говорит она. — Смотри, кто-то на крыше.

Он поворачивает ее лицо к себе.

— Глупости, Милованова. Ну кто может быть на крыше, ночью в такую метель?

Он берет ее за руку и уводит в спальню.

Глава 23

До начала видеоконференции еще сорок минут. Тайка нервничает, за ее восьмилетний стаж было не так много видеочатов с Регцентром. Ну может быть парочка, и всегда только в экстренных случаях. Все четыре объекта, которые они сейчас ведут, имеют низкие категории ценности. Сопrotивляемость их низка, никаких хлопот. Только Милованова — под вопросом, ее результаты из лаборатории так и не пришли. Может, ей поставили девятую? Но никто бы не стал затевать эту бодягу для перевода Киры из седьмой категории в девятую. Достаточно было бы электронного письма или СМС. Тайка теряетcя в догадках, зачем нужна эта видеоконференция? Директор, заведующий лабы, начальник отдела по идеологии! Три главных кресла в Европейском офисе! Может они хотят реструктурировать отдел? Хотя при чем здесь заведующий лаборатории? Тогда бы был начальник отдела кадров. Все это сулит неприятности. Тайка не знает что и думать.

Пару часов назад по ее звонку пришел Зигги и сразу же завалился спать. Ну как можно дрыхнуть в такой ситуации? Плед накрывает его с головой, можно видеть только грязные, стоптанные ботинки на белой софе. Она отвалила бешеные деньги за замшевую обивку. Зигги с каждым днем все больше опускается, ей все труднее скрывать его зависимость. Таракан не дурак и наверняка догадывается. Если он проговорится, им обоим конец. У них обоих уже есть по одному предупреждению. Никому нельзя доверять, Таракан даже не моргнет, если у него появится шанс занять Тайкино место. А она его добывала через пот, кровь и слезы. Свой пот и чужие кровь и слезы. Увольте, Тайка своего места никому не отдаст. Где же Таракан? Обещал быть с минуты на минуту, хоть бы не застрял в пробке.

Наконец-то звонок в дверь! Тайка недолюбливает Таракана, но сейчас она ему рада. Есть с кем поговорить и немного растратить свою нервную энергию. Это важно, когда тебе тревожно и волосы шевелятся на затылке от страха. Таракан глубоко провинциален и за это она его не любит. Хотя сама она из затерянной сибирской деревни, ей хочется думать, что она более утонченная и развитая. За год работы Таракан порядочно пообтесался, но ей кажется что от него до сих пор немного пахнет навозом. Его раскопал доктор Еникеев, вытащил его по анализу крови, который взял у него в военкомате. Если бы этого не случилось, Таракан бы вернулся из армии, пахал, сеял, женился бы и копил деньги на узик или очередного породистого бычка. Ручищи у него как лопаты и весь он крепкий, коренастый с квадратной головой и простым, глуповатым лицом. Но это скорее всего маска. Кто знает о чем на самом деле думает, этот немногословный, исполнительный чурбан? Они

с Зигги жестоко над ним подшучивают, но кожа у него как у слона, его не прошибешь. Спускает кучу денег на шмотки, но по-деревенски прижимист, и Тайка никогда не видела его портмоне. Когда они вместе обедают или ужинают, Зигги, который почти ничего не ест, расплачивается за всех. Есть еще в Таракане слепая, опасная преданность Братству. Чтобы выполнить свой долг, этот пойдет по трупам. Религиозно соблюдает все инструкции, не пьет и не курит, бережет здоровье для организации. Не задает вопросов и делает все, что от него ждут. Идеальный сотрудник. Тайка опасается его, ей хотелось бы открыть его черепную коробку, залезть туда и хорошо поковыряться. Чем живете-дышите, дядя? Бойся собаки, которая никогда не лает. То ли он себе на уме, то ли непроходимо глуп, то ли хитрый дурак. Каких фокусов от него ждать?

— Таракан, милый! — ласково встречает она его.

Он шарахается, милости от Тайки ему еще никогда не перепадали. Осознав, что переборщила, она берет более нейтральный тон.

— Чума на наши головы, на конференции не будет только СЕО, — жалуется она и швыряет его новое пальто в угол огромной прихожей. — А так все трио в сборе. Ума не приложу, по какой нужде?

Таракан невозмутимо поднимает пальто с пола и аккуратно устраивает на вешалке в шкафу. Он как всегда немногословен и собран, идеальный винтик в механизме Братства. Смазывай его маслом, и он будет работать безотказно. Как и на всех, масла на него не жалели. Одет как всегда, с иголочки, сегодня Каналли или Бриони? Ну что же, не он первый. Сама она тоже когда-то гонялась за крокодиловыми баулами. Да и до сих пор не может наестся красивыми вещами. За галстук — бабочку ей хочется подколоть Таракашку, но сегодня они должны быть друзьями. Жаль, на его мощной шее бабочка выглядит комично. Ну что же, в следующий раз, сегодня Тайке как никогда нужны преданные сотрудники.

Она ведет его в холл, до назначенного времени остается десять минут.

— Проверь настройки, — просит она.

Сама будит Зигги. Тот мычит, отмахивается и поворачивается на другой бок, но Тайка сдергивает плед и стаскивает с дивана его тощее тело на пол.

— Зигги, связь через десять минут.

— Идите в задницу, — отмахивается он.

— Проснись, скотина!

Но он закрывает глаза. Если она не сможет привести его в чувство, будут большие неприятности. Таракан невозмутимо наблюдает за ними, со сложенными впереди руками он уже сидит за столом. Полностью взвинченная Тайка поднимает Зигги на ноги и волочет в ванную. Таракан не двигается с места, он собран, сосредоточен и готов к встрече.

Усадив его на край ванны, она засовывает его голову в раковину, под струю холодной воды. Дернув с сушилки полотенце, грубо вытирает ему голову.

— Эй, нежнее, пожалуйста.

Зигги тихо смеется. Вода струится по его лицу.

— Вот так гораздо лучше, — тяжело дыша говорит Тайка. — Не запори в этот раз, я тебя умоляю. Сдам тебя, несмотря ни на что. Я на многое закрывала глаза, нарушала устав, выгораживала тебя. Но всему есть пределы, ты знаешь, Таракан ненадежен...

— Он тупой, как валенок.

— Не настолько тупой, чтобы не видеть что с тобой происходит. Но сейчас не об этом, Зигги. Прошу тебя не подставь...

Он отводит ее руку и всматривается ей в лицо. Улыбка наглая, нехорошая, сейчас что-нибудь отколет.

— А тебе идет, когда ты такая. Когда ты испугана, то становишься нежной. Кажется что не все еще сохлось, за этими ребрами. Я бы поверил, если бы не знал что у тебя там пусто, как в кастрюле со сгоревшим супом. Ты вся трясешься, возьми себя в руки и прекрати кривляться, актриса хренова. А то еще немного, я втрескаюсь по уши и пожалею, что не трахнул тебя тогда, когда ты хотела этого.

— Те времена когда я хотела, чтобы ты меня трахнул, давно прошли, Зигги. К счастью для нас обоих, — зло усмехается она, — Я знаю, ты хочешь меня разозлить, чтобы я оставила тебя в покое. Дружок, у тебя не получится. Перед встречей с Директором нюхать я тебе не дам. Ну пожалуйста, я прошу... Ради тебя самого... Ты должен быть там.

Она лебезит перед ним как перед избалованным ребенком.

— Боишься? За меня? — спрашивает он насмешливо.

— И за тебя тоже.

— Вот это честнее, железнобокая ты моя. Не разочаровывай меня детка, не выходи из своего привычного амплуа.

Она продолжает остервенело вытирать его полотенцем.

— Ты мне уши оторвешь, оставь. Иди, я сейчас приду... через пять минут, — сдается он.

— Нет, ты пойдешь со мной, сию минуту. Сядешь и не будешь шевелиться, пока будет идти встреча.

Зигги встает, берет щетку и причесывает мокрые волосы.

Ее настороженные глаза следят за ним. Неужели получилось?

— Уйди. Могу я отлить без тебя? — просит он.

— Нет, эфир через минуту. Мы прямо сейчас выходим отсюда.

— А поссать? — спрашивает он. Явно хочет заправиться коксом. Этого допустить нельзя.

— Одна я отсюда не выйду. Или при мне или... Ссы под стол переговоров, я разрешаю. А после видеолинка тебе можно будет все! Можешь даже трахнуть меня...если захочешь. Или Таракана, он сегодня в бабочке. Или нас обоих, у меня тоже есть бабочка. Я ее пришила и мы устроим бюджетный корпоративчик. Дешево и сердито. Побрякаем крылышками вместе. Только пожалуйста, запасись терпением и не снимай штаны перед руководством, — говорит она.

Если оставить его одного, он выйдет отсюда уже невменяемым. Поэтому ей нужно усадить его в переговорной, пока он еще не успел заправиться.

Зигги слабо улыбается.

— Представляю рожу Таракана. Хотя если это нужно для пользы Братства он постарается сделать все на пятерку. Заскрипит зубами, но выставит попку. — Зигги кладет щетку на туалетный столик. — Ну что же, пойдём, я готов к этому цирку.

У Тайки отлегает от сердца, она подскакивает к двери и пропускает Зигги вперед.

Соединение подтверждено и через пару секунд на огромном экране появляется группа людей сидящих вдоль длинного стола. Директор Регцентра — Хальстрем и Заведующий лаборатории — Иванов находятся ближе всех к камере. На ежегодных сборах компании

Тайка видела их обоих, но никогда не разговаривала с ними лично. Хальстром приветствует их. Для такой высокой должности он пожалуй молод, но по праву занимает свое место, его репутация лидера безупречна. На шее два растекшихся родимых пятна — знак большой концентрации гена. Вот что значит порода. На загорелом лице светятся умом льдистые глаза северянина. Втайне Тайка мечтала завести с ним интрижку, но он был женат на избранной. К тому же адюльтер в Братстве жестко карается.

По обе стороны камер люди поднимаются и складывают руки крестом на груди. Время гимна. Хальстром затягивает первым, у него низкий, сильный голос. Все остальные торопливо присоединяются. Гимн поется на английском, и смешиваясь, разные акценты, придают ему странное звучание.

Путь наш лежит через терновник
Который вырос на могилах наших предков
Память наша отравлена мириадами лишений и утрат
Но мы бесстрашно идем вперед
Бок о бок с нашими братьями
Лунный свет благословляет наш путь в ночи
Это дорога к свободе и солнцу

Будто бы в фанатичном исступлении Хальстром выкрикивает слова песни, но Тайка замечает, что он внимательно следит за всеми. У Таракана грудь выпячена колесом, огромные руки закрывают плечи, глаза закрыты. Для него все серьезно. Иванов сутулится и у него вместо лица унылая маска. Он — из скваев, наемный сотрудник. Кажется, что ему хочется поскорее сесть на место, его задача не распевать песенки, а заниматься исследованиями в молекулярной генетике. Идеология его мало трогает, сейчас ему явно неловко. Сама Тайка яростно открывает рот, демонстрируя свою преданность. Ее беспокоит Зигги, у него смешливые глаза и дергается угол рта, он может расхохотаться в любую минуту. Гимн — это нововведение. СЕО Братства решил, что все встречи должны начинаться с песни верности. Слова ее были разосланы всем по почте. Таракан выучил гимн в тот же вечер. Зигги стебался все три недели и говорил что отказывается участвовать в этом балагане и не будет учить десять куплетов тошнотворного бреда.

— Подожди, скоро маршировать начнем, — сказал он ей с усмешкой при Таракане. Она готова была ударить его. Таракан — новенький и выгрызет горло за идеалы. Вполне способен донести. Зигги конечно прав, организация меняется, от членов ждут все большей преданности. Вопросы не поощряются, критика не озвучивается, все боятся, потому что за это можно сильно поплатиться. Тайке становится нехорошо, Зигги так и не выучил гимна, а только открывает рот и невпопад подтягивает гласные. Когда пение прекращается, он демонстративно закатывает глаза. Это наверняка заметили и другие. Надежда одна — несмотря на его выходки, он очень популярен, его многие любят. Одно время они с Хальстромом даже приятельствовали. Правда это было до того, как директор начал свое стремительное восхождение по карьерной лестнице. Да и Зигги был чист как стекло, в его деле еще не было голубого вкладыша.

Наконец Хальстром приглашает всех сесть. Он отпивает из стакана и энергично

подавшись вперед, начинает говорить. Время от времени он подтверждает свои слова убеждающими жестами. До того, как ему доверили Европейский Регцентр, он работал в Штатах. Там и научился этим трюкам по проведению эффективных презентаций. От него трудно оторвать взгляд. Тайка сосредоточенно слушает. У Таракана подобострастное лицо, он покраснелся и лоб его в каплях пота. У него еще хромой английский и ему трудно улавливать все, о чем говорит директор. Но это вопрос времени, он упертый, выучит язык и станет поперек Тайкиной задницы. С ним нужно держать ухо востро. Хальстром хвалит ее отдел, но сетует на малое количество объектов. Тайка пока спокойна, выявлением объектов занимается департамент Еникеева. Глаза Хальстрема холодно посверкивают, он способен говорить часами. Тайку все мучает вопрос: Зачем все это? Все руководство Центра собралось на совещание с их маленьким отделом. На дальнем конце стола, у стены она замечает главного психолога — испанку Марию. И эта здесь! Она постоянно что-то записывает. И тут Тайку осеняет: отдел проверяют на вшивость! Способны ли они выполнить ответственное задание? Достаточно ли они профпригодны... Но что это за задание? Зигги развалился в кресле, это нехорошо. Но хотя бы не порет и за это спасибо. Тайка старается не выдавать свое волнение. Сложенные на столе статичные руки должны дать им такое впечатление. Она медленно берет стакан с водой, отхлебывает и твердо ставит обратно на стол. Никаких эмоций на лице, но под столом у нее ходуном ходят ноги.

Хальстром просит Тайку рассказать о прошедшем полугодии. Она радостно улыбается, как будто ничто другое не может доставить ей такого удовольствия, и уверенно тараторит на английском. Главное выдать им то, что они хотят — неуемный оптимизм и желание действовать. Кажется она неплохо справляется, директор одобрительно кивает через каждое ее предложение. Тайка как и Хальстром мастерица надувать разговоры, как воздушные шары. Наконец, подустав от ее красноречивого напора, он останавливает ее вопросом:

— А что вы можете сказать про объект 861?

Неужели это оно? То самое! Ради чего все это? — проносится у нее в голове.

— Кира Милованова находится в Москве, под нашим наблюдением. У нее седьмая категория с детства, но в последний раз Далаки — регврач из азиатского филиала заявил ее как девятую. Насколько она ценна для организации, мы не знаем, ждем результатов из лаборатории. Как только получим их, начнем действовать. Выяснено все: местонахождение, пристрастия, мотивы, жизненные установки, психотип... Задерживает только лаба. Я не понимаю, почему...

Тайка хочет наехать на лабораторию, но Хальстром ее перебивает:

— Результаты готовы, господин Иванов введет нас в курс дела.

Директор лабы — Иванов, пожилой сутулый мужчина вдруг распрямляется. Однако это не придает ему бодрости, выглядит он все равно усталым. Говорит медленно и неохотно, как человек который хотел бы знать меньше, чем ему открыто и говорить меньше чем он знает.

— Развернутый анализ ДНК занял много времени. Мы делали его дважды, потому что трудно было поверить в то, что мы получили. Объект нельзя отнести ни к седьмой, ни к девятой категории.

— По каким же инструкциям действовать? — спрашивает Тайка.

— Дайте мне закончить, — просит ее Иванов.

Пока он бубнит про аллели, сцепленные гены, пептиды и особенности сплайсинга

белков Киры, Хальстрем часто переглядывается с Марией — главным психологом. Время от времени та кивает ему и директор многозначительно прикрывает глаза. Тайка понимает, что решается что-то очень важное для отдела. Всем скучно, Иванов увлекся и давно забыл, что перед ним не коллеги-генетики, а сотрудники других служб, которые не понимают и четверти его доклада. Он подробно застрекает на секвенировании белков и нуклеиновых кислот, которое они провели, чтобы получить символьное описание ДНК объекта. Хальстрем наконец теряет терпение и вытягивает руку в его сторону. Ученый недовольно пожимает плечами, но смирившись умолкает.

— Господин Иванов — светлый ум, человек науки, — выпренно говорит Хальстрем. — Нобелевский лауреат. Он может бесконечно жонглировать терминами, которые нам, простым людям ни о чем не говорят. Это все равно что рассказывать муравьям о ракетостроении. — На экране все вежливо заулыбались. Даже Иванов криво растягивает рот.

— Я возьму на себя смелость перевести все на язык, который понятен нам всем. Объект 861EU — очень ценный генетический материал. Вне всякой категории. Такой концентрации генов мы еще не встречали.

Вот этого Тайка никак не ожидала. Она даже привскакивает на стуле. Быстро оборачивается к Зигги и видит, что он тоже по-настоящему взволнован. Хальстрем продолжает:

— Ценность ее для организации неопишима. Требуется приложить все возможные и невозможные усилия для вербовки этого объекта. Она должна сотрудничать с нами добровольно. Таисья, вы можете справиться с этой задачей?

Тайку оскорбляет этот вопрос.

— Мы никогда не подводили.

— Да, но это исключительный случай. Я не могу позволить провала. Любой ценой, нужно добиться добровольной вербовки объекта.

Хальстрем поднимает три папки. Это их личные дела. О, Тайка хорошо знает как выглядят ее файлы. Особенно голубой вкладыш на глянцевой бумаге. На карту теперь поставлено все. От ужаса на затылке у нее поднимаются волосы. Взгляд у Хальстрема строгий и просвечивает насквозь.

— Я просмотрел ваши личные дела, — он многозначительно выдерживает паузу. — Вы достойная команда и наверняка справитесь. Нужно приложить все силы. В случае успешной вербовки я пойду навстречу вашим пожеланиям. Может быть Братство забудет прошлые промахи некоторых из вас. Это прекрасная возможность показать себя в деле, искупить грехи и получить награду.

Они могут изъять голубой вкладыш из ее дела! Вот о чем говорит Хальстрем. Тайка замечает как рука Зигги дрожит на подлокотнике.

Директор поднимается. Все остальные тоже встают. Левую руку прикладывают к груди, а правую поднимают вверх с растопыренными пальцами. Знак идентификации и преданности идеалам Братства.

Экран погас. Некоторое время они сидят в тишине.

— Что делать? — наконец спрашивает Таракан.

Тайка не знает сама. Ей нужно все обдумать.

— Кира встала на учет к Еникееву?

— Нет, хотя Далаки запугал ее как следует, — докладывает Таракан.

— Упрямая коза! Как бы покрепче ее схватить за задницу? Где у нее самое больное место?

— Прошлой ночью ее повалил в койке Зимин! — задумчиво произносит Зигги.

— Как?! — взвивается Тайка. — Почему я ничего не знаю?

Откровенно говоря, до этого момента ей было все равно с кем спит Кира, она думала что ценность ее невелика. И Далаки, который всегда заявлял Киру по низкой категории, просто ошибся заявив ее девятой. Но теперь, после анализа ДНК, выяснилось что ее категория выше, чем у всех у них вместе взятых.

— Вчера, я не думал, что это так важно, пусть порезвится напоследок, — хмыкает Зигги.

— Ты вообще никогда не думаешь! До нее и пальцем не должны дотрагиваться!

— Там было далеко не пальцем, — усмехается Зигги. — Вообще-то я хотел сообщить сразу. Но ты была занята, у тебя был тренер, он тебе показывал странный жим лежа, все это было так удивительно...

Тайка стискивает зубы, опять она неплотно зашторила окна.

У Зигги вдруг меняется настроение. Глаза его бегают, в волнении он вскакивает и сшибает локтем стакан с водой, но как-будто даже не замечает этого. Вода растекается во все стороны, Таракан отпрыгивает, чтобы не испортить костюм.

— Хальстром сказал, что можно попросить все! — хрипло выкрикивает Зигги.

— Все можно попросить только в публичном доме, — огрызается Тайка.

— Они должны вернуть Лилю!

До Тайки доходит — вот оно что. Вернуть Лилю! Поэтому этот кретин так запрыгал. Лилю никогда не вернут, он должен это понять своим полуразрушенным мозгом.

— Забудь об этом, у Лили девятка, она — ценный объект.

— Можно попросить все, — упрямо повторяет Зигги и вскидывает указательный палец Тайке в лицо. — Они вернут мне мою девочку!

— Все, но только не это, — говорит ему Тайка тоном, которым что-то запрещают детям. — Мечтай о реальном, хорошо будет если закроют глаза на твои прошлые подвиги.

— Я хочу только Лилю.

Они оба замечают с каким любопытством смотрит на них Таракан. Он здесь лишний. Тайка примирительно улыбается.

— Первые желания часто бывают ошибочными, у тебя еще много времени подумать чего же ты хочешь на самом деле. Сейчас нам лучше сосредоточиться на задании. Как именно у Киры все было... с Зиминным?

— Что именно ты хочешь узнать?

Зигги еще злится.

— Все!

— Было гораздо скучнее, чем у тебя с тренером...

Какой же все таки он гад! И опять при Таракане. Тупой наркоман, совершенно не фильтрует.

— Если чувство сильное, можно устранить объект привязанности. Убрать Зимина и все тут, — неожиданно вставляется Таракан. Зигги выглядит удивленным, обычно Таракан мало говорит и плохо формулирует мысли. А тут, гляди ка, поднатаскался.

— И все тут, — передразнивает его Зигги.

— Может быть, — задумывается Тайка. — Но нужно помнить инструкции. Крайние

меры только в крайних случаях.

Глава 24

Кира уже полчаса лежит с открытыми глазами. Комната заполнена утренним, беловатым светом. Она слышит как шумит вода в батареях, соседи пылесосят квартиру, тикает будильник. Все ее чувства обострены. В голове она тысячи раз прокручивает каждую минуту прошедшей ночи. Ее разласканое тело ощущает теперь все по-другому. Постель приятно холодит. Хотя шелковые простыни довольно гадкая штука, ночью она все время уезжала от Глеба. Но он ее догонял. Этой ночью все подтвердилось. Год назад симпатичный студент из консерватории мокро и гадко целовал ее в подъезде. Он жал ей плечи, руки у него были липкие и холодные. Она прогнала его, поняв что ей хочется этого только с Глебом. У всех остальных будут слюнявые губы и влажные, стылые руки. Она всегда принадлежала только Глебу и ночью отдала себя всю, без остатка. Так и должно было случиться, ведь для этого она и жила.

В офисе гул как в большом, пчелином улье. Лидия что-то говорит ему, но все проходит мимо. Кажется нужно ехать в МинФин, на встречу. Нужно только что-то сделать с головой. Болит затылок, это от бурбона. Лидия протягивает ему конвалюту нурофена. Когда он выдавливает четвертую, она выхватывает у него упаковку: Ты что, с ума сошел? — Потом присматривается к нему внимательнее: Ладно, выпей две таблетки, если так сильно.

Трудно понять отчего ему так плохо, все валится из рук. Уставившись в экран, он ничего не видит. Открывает письмо от регионального менеджера и не понимает что там написано. Что же происходит? Вчера Кира отдала ему все что у нее было, но разве этого достаточно для Глеба? Влюблен ли он сам? Он ничего не чувствует. А если нет? Можно ли исправить? Хочет-ли он исправлять?

— Глеб, проснись же наконец, они переносят встречу на вечер.

Он встает, подходит к вешалке и берет пальто. Потом до него доходит смысл того, что сказала Лидия и он вешает пальто на место. И вдруг осознает какая ответственность легла на него после этой ночи. Он не хотел этого, остерегался и все таки это произошло. Киру нельзя скинуть, как другую девушку. Ночью ему было хорошо с ней, но настолько ли хорошо, чтобы навсегда? Зачем он сделал это, расписался добровольно? Из-за того, что ему хотелось быть с ней? Или потому, что в нем было полбутылки Бурбона? Или это было что-то вроде: А я лучше того, на Роллс— Ройсе? — Что же теперь будет?

Тихо вздрагивает телефон, СМС от Марины. И что теперь делать с ней? Мысли разбегаются, нужно принять какое-то решение, но он не может. Андрюша опять заигрывает с Фимой, он смирился, Кира для него недоступна. И правильно, нельзя плевать против ветра. А он — Глеб — идиот. Снова СМС от Марины. Павлик уехал, она скучает по Глебу и хочет его видеть. Нужно объясниться с ней, так не может продолжаться вечно. Хватит с него этих историй, он сам себе противен. Марина, Кира...И везде какой-то отравляющий дым, а ему хочется чтобы в жизни все было ясно и просто. Осторожно подбирая слова, Глеб пишет Марине что им нужно поговорить. Судя по радостным, восклицательным знакам она ничего не подозревает. Да, он он заедет к ней после работы. С ее играми должно быть покончено, ему вдруг становится отчетливо ясно, какую жалкую роль он играет в этом навязанном ему

треугольнике. С Кирой все чище, но надолго ли? По существу, он впутан в две похожие истории. Они как зубодробильные ириски завязли у него во рту. Сладко, но сильно ломит зубы. У него они крепкие, но сразу две даже ему не по зубам.

В конце дня он возвращается в офис со встречи. МинФин хочет купить оборудование на внушительную сумму, но Глеба это не радует. Нужно сообщить Кире, что он задержится. Ведь он решил разорвать с Мариной. Будут слезы, истерики, ее попытки завоевать его снова. Марина тяжело признает поражения, нужно будет уговаривать, убеждать что он, Глеб, сволочь, и не достоин ее, он не хочет осложнять ей жизнь, ему трудно смотреть как она разрывается. Павлик — хороший мужик и Глеб поступает подло, урывая ласки в его отсутствие. Конечно, меньше всего его заботит Павлик, но это хороший аргумент и он может сработать. Главное — чтобы она не подумала что ею пренебрегают. Звонить Кире сейчас Глеб опасается. Как с ней говорить? Какой взять тон? Все будет звучать фальшиво. У него такой сумбур в голове. Он отправляет ей СМС: Много дел, я задерживаюсь, прости.

Нужно написать в головной офис о результатах встречи. Глеб тщетно пытается настроиться. Марины, Павлики, Киры, Туровцыны... Всего слишком много в его жизни. Он слышит топот Лидуси за спиной. Она только что от ВикВика. Тихо подходит к Глебу и начинает жать ему плечи, потом обнимает за шею и целует несколько раз. Все сошли с ума. У нее опухшее, заплаканное лицо. Какие еще сюрпризы ожидают его? Вскочив с места, он хватая пальто и выбегает из офиса. В первую очередь из его жизни должна уйти Марина. Потом он будет разбираться со всеми остальными.

Глава 25

Сквозь пелену сна к Глебу пробивается шум электрического прибора, который через некоторое время смолкает. Потом уши улавливают целый ряд звуков. Шаги по паркету, шуршание материи, звон стеклянных флаконов. Ноздри улавливают запах духов. Знакомый. Он с трудом разлепляет веки. В трусах и лифчике Марина вертится около огромного, во всю стену зеркала. Он опять закрывает глаза, голова тяжелая, ее трудно поднять. Марина фальшивит неразбираемую мелодию. Странно, в комнате она одна, но кажется что несколько Марин растягивают звуки в разные стороны. Как бы прекратить эту какофонию? Он поворачивается на другой бок, тепло сменяется прохладой ненагретого телом шелка и он осознает, что под одеялом он совершенно голый. Бьют часы. Марина их когда-то привозила из Швейцарии, на редкость противный звук. Сквозь гул в голове он считает: Один, два, три...десять. Что, уже десять часов? Ведь ему уже давно пора быть на работе. Странно кружится голова и тошнота подкатывает к горлу. Почему он здесь, в ее постели? Вчера они поговорили, потом кажется он выпил бокал вина и все. Больше память ничего не возвращает. Пустота. Марина неотрывно наблюдает за ним в зеркало.

— Марина, почему я голый? — потерянно спрашивает он.

— Потому что вчера мы трахались как собаки. Что тебя удивляет? Не в первый же раз.

— Ничего не понимаю...

— А что тут понимать? Ты сказал что хочешь расстаться. Я была не против. Мы решили отметить этот переход на новый уровень отношений. Ну и как всегда, по традиции...

Она пожимает плечами. Равнодушный поначалу голос против ее воли начинает

вibriровать от злости. Спокойная улыбка не обманывает Глеба, он знает что при таких глазах внутри нее все клокочет от бешенства. Он молча встает и оглядывает комнату. Нужно немедленно позвонить Кире и успокоить ее. Она наверняка не спала всю ночь.

— Ты не видела мою рубашку? — спрашивает он.

Марина заходит за оттоманку и ногами вышвыривает его одежду. Рубашка с винным пятном на груди, несвежая, совершенно измятая. Точно так же на душе у Глеба. Он молча одевается. Марина стоит напротив, упершись руками в костистые бока, наверняка опять не ест или сидит на каких-нибудь таблетках.

— И что, вот так молча соберешься и уйдешь? — спрашивает она.

Глеб выворачивает носки. Судя по ее настроению, все что хотел, он сообщил ей еще вчера. Она нервно начинает переступать с ноги на ногу, трясет волосами и серьгами, но вдруг замирает, и только глаза ее горят испепеляющим огнем. Вот этого не нужно, пожалуйста, — внутренне взмаливается Глеб. Он отворачивается от ее бледного, длинного тела, которое сейчас ему противно. Тело готовящегося к атаке богомола. Сейчас начнется...

— Все таки я была права... Права, что ушла от тебя к Павлу! Сейчас хотя бы у меня есть квартира!

Глеб заторопился, она переходит на крик. Ей хочется чтобы до него дошло, как сильно он ошибся. С ней так расставаться нельзя. Она верещит, что не позволит играть собой. В определенных кругах она известная персона и он еще пожалеет, что променял ее на эту маленькую, провинциальную, никому не известную шлюшку. Теперь, когда он шпокнул эту Лолиту, он потеряет к ней интерес. Но Марина его назад не примет, она не дерьмо под ногами, которое можно топтать и размазывать, когда захочется.

Глеб не может найти ремень. Брюки вроде бы держатся, черт с ним, с ремнем. Звон от Марининоного голоса отзывается болью в его голове.

— Марина, ты можешь заткнуться? Хотя бы на одну минуту? — просит он.

Зря он это сказал, потому что у нее тотчас же сносит крышу. Глеб боится что оглохнет. Он выбегает в коридор, и схватив свои туфли выскакивает за дверь. Спускается на один марш, садится на ступеньку и начинает их зашнуровывать.

— Не забудь пригласить на свадьбу! — кричит она ему вдогонку. Голос ее срывается, она неожиданно начинает плакать и тут же захлопывает дверь.

Глеб крепко затягивает шнурки на туфлях и ложится спиной на ступени. Закрывает глаза. Какой же он идиот! Какой же он все таки идиот. Затем достает телефон чтобы позвонить Кире. Он полностью разряжен, ну что же, придется звонить из офиса.

В офисе у Андрюши какой-то торжественный вид, он еле здоровается. Не снимая пальто Глеб включает свой компьютер. По вчерашней встрече нужно срочно написать отчет. Но когда он набирает пароль, система его скидывает. В последние дни все идет не так, как надо. После трех раз он понимает, что нужно вызвать системщика. Андрюша с интересом наблюдает за ним. В офисе жарко, скинув пальто, Глеб набирает короткий номер службы компьютерной поддержки. Сисадмин долго молчит, потом начинает мычать что-то невнятное.

— Я не могу ждать! — кричит на него Глеб. — Иди немедленно сюда и заставь этот говенный компьютер заработать как надо!

Кто-то осторожно трогает его за плечо. Это Лидия.

— Глеб, оставь. Пойдем в переговорную.

В застекленной комнате она садится напротив него. Вырез на ее блузке провоцирующий, внушительные шары выпирают из топа. Нужно сказать ей, что так оголяться неприлично, — думает Глеб. — Ему она простит все. Она не такая как те другие, которые понапридумают о нем черте что и ждут что он будет соответствовать. Начитались сказок, а принц все таки иногда должен слезать с коня, чтобы отлить за кустами. Теплое чувство расположения к Лидии охватывает его. Лидка — настоящий друг, несмотря ни на что, она всегда хочет для него только хорошего, все простит и поймет. Ему жалко что она одинока, что так глупо, от отчаяния выставляется из одежды наружу. В дверь стучит Фима с девушками из рекламного агентства.

— Вы надолго? — спрашивает она, — мне нужна комната, все остальные заняты.

Лидия делает такое лицо, что Фима пугается и немедленно захлопывает дверь. У Глеба сильно ссохлось горло, он набирает себе сразу два стакана воды из кулера.

— Лид, по встрече в МинФине..., — начинает он.

— Глеб, подожди...

— Ну да, я опоздал, извини. Все блять, идет не так как надо, я как будто выиграл лотерейный билет на все несчастья одновременно...

— Ну что же... Тогда ты более или менее подготовлен, у меня тоже плохие новости... Глеб, ты уволен.

Он не понимает.

— Как уволен?

Глаза Лидии становятся влажными. У нее такое же лицо, как и год назад, когда она неделю ходила в трауре после смерти своей таксы.

— Вчера вечером ВикВик попросил меня сообщить тебе. Я была очень расстроена, вернувшись от него.

Ах да, это объясняет поцелуи, — думает он.

— И по какой причине меня увольняют?

— Ты уже уволен, попал под сокращение штатов...

— Ерунда! В первую очередь должны сократить Петракова. Он здесь без году неделя, и до сих пор не совсем в курсе, а получает столько же, сколько и я.

— Европа приняла решение сократить твою единицу.

— Я хочу поговорить с ВикВиком.

— Он не может с тобой разговаривать, поэтому попросил меня.

— Он что, стесняется? Лидия, что происходит?

В волнении, забыв что кофе в стаканчике все еще горячий, она набирает полный рот и зажмуривается. Слезы наконец выкатываются из ее глаз.

— ВикВик расстроен, пойми, он ни при чем.

— Так сильно расстроен? — с фальшивым сочувствием спрашивает Глеб.

— Туровцын потребовал тебя уволить. Не знаю по какой причине, тебе должно быть видней. Европа приняла решение, мы не можем ссориться с заказчиком накануне большого тендера.

— Это все потому, что Кира отказалась с ним трахаться?

— Видимо да... Но она не прочь это делать с тобой, а Туровцын не любит конкурентов. Если мы тебя уволим, у нас будет шанс выиграть тендер, — выпаливает Лидия. — Все не так уж и сложно.

Глеб откидывается на кресле и закидывает ногу на ногу. Все идет так плохо, что он

даже находит в себе силы смотреть на это с сарказмом. Он обращает глаза в потолок, разводит руки, как бы спрашивая провидение: И это тоже? А можно еще хуже? Ну давай-давай!

— Туровцын поставил Вик-Вика в невозможную ситуацию...

— Маккиавелли хренов, — усмехается Глеб. — Нет, это какой-то абсурд! Лидия это все сейчас серьезно, да? Ущипни меня дорогая, чтобы я проснулся.

— Со временем тебе подберут должность в Европе. Может быть...

— Может быть, — уточняет он.

— Скажи спасибо, у тебя теперь волчий билет, ты Туровцыну поперек горла. Пока не пройдет тендер, тебя в Москве никто не возьмет на работу. Мы тебе выплатим за три месяца вперед, у тебя же ипотека на квартиру... Глеб, ты не знаешь, как нам всем тяжело... Я хотела уйти вместе с тобой, — уверяет она его.

Слезы опять выкатываются из ее глаз. Она обожает Глеба, но он стоит меньше двадцати миллионов, поплакать и отпустить его на все четыре стороны гораздо дешевле.

— Ну что ты, такой жертвы я бы не принял, — успокаивает он ее.

— Послушай, если бы Туровцын захотел, они бы не задумываясь слили меня или ВикВика. Но попал ты, со своей Кирой Миловановой. Дерьмо случается, и если бы ты вовремя разбирался со своими бабами...

Опять она добралась до баб, Глебу не хочется говорить об этом.

— Я пойду соберу вещи.

Она кивает головой. Глеб понимает, у нее инструкции. Уже сегодня его не должно быть в офисе, поэтому компьютер заблокирован с самого утра. А может они сделали это еще вчера, после его ухода, не зря же Лидия так расчувствовалась.

— Постой, — вдруг останавливает она его. — Вот возьми, — протягивает ему стикер с телефоном. — Ее зовут Светлана Владимировна. Телефон моей тети в Большом. Пусть Кира позвонит, они что-нибудь придумают.

Этот щедрый подарок Кире — ложка меда в бочке дегтя, Лидия вдруг оказалась способной на жесты.

— Глеб, ты знаешь как я тебя...

Он испуганно ее останавливает:

— Это всего лишь бизнес, Лида. Ничего личного. Я понимаю...

— Мы останемся друзьями? Я этого очень хочу.

Она накрывает его руку своей ладонью.

— Конечно, — соглашается Глеб, чтобы быстрее от нее избавиться. — Передай ВикВиду пламенный привет. — Он встает. — Молитесь Лидка! У Туровцына в голове возникают оригинальные идеи. А если он захочет чтобы вы отсосали у бригады гастарбайтеров?

— Придется это сделать, — вздыхает она.

— Да, плохой пример... Вик-Виду это может даже понравиться.

— Глеб, ты несправедлив. Ты не знаешь как тяжело...

— Лид, честно? Я не знаю.

— Я позвоню тебе, когда все пройдет с тендером.

— Да-да...

Он опускает стикер в карман брюк. Кира не должна терять такую возможность. Хоть что-то путное может выйти из всего этого дерьма. Несмотря на все обрушившиеся на него

несчастья, Глеб вдруг начинает чувствовать себя хорошо. Как будто с него сняли тяжелую, непосильную ношу. Как будто сегодня он искупил все плохое, совершенное им и очистился от скверны, загадившей его жизнь в последнее время.

Глава 26

Утром Кира записала этот день как самый счастливый в ее жизни. Вечером он превратится в непереносимый кошмар. Около шести вечера она получила СМС от Глеба: Много дел, я задерживаюсь. Прости. Домой он этим вечером так и не вернулся. Около десяти она включила телевизор, прибавила громкость и смотрела в экран, не понимая происходящего там. Дергаясь от каждого звука в подъезде, она надеялась в следующую минуту услышать в замке звук поворачиваемого ключа. Телефон его не отвечал. Когда же около полуночи она позвонила еще раз, трубку сняла Марина. Кира сразу же узнала ее голос, пару раз когда Марина разыскивала Глеба, она звонила на городской номер. Кира нажала на отбой, села на краешек кресла в котором просидела всю ночь. Мысль о том, что Глеб опять у Марины медленно убивала ее. Около шести утра она провалилась в короткий сон и проснувшись в семь, выбежала в магазин. Потому что больше не могла находиться в квартире. Там она купила совершенно ненужные вещи. Надувной пляжный мяч, упаковку круассанов, которые терпеть не могла и банку каперсов, с которыми не знала что делать. Когда вернулась, на коврике перед входной дверью она нашла огромный, желтый конверт на свое имя. Она удивленно разорвала его и оттуда выпала маленькая фотография. В ворохе черного, шелкового белья, широко раскинувши руки Глеб лежал на кровати. Лицо его было опрокинуто назад, глаза плотно закрыты. Обнаженная девушка как наездница сидела верхом на его бедрах. Лица ее не видно, но это несомненно была Марина. Те же волосы, то же длинное тело. Напряженная ягодица выпирала комком над узкой ляжкой. Руки ее, унизанные кольцами упирались в голый торс Глеба. В правом нижнем углу фотографии большими цифрами проставлены время и дата. Это было снято вчера, в половине двенадцатого ночи. Прямо над Мариной головой накорябан номер. Видимо ручка отказывалась писать на глянцевого бумаге и он был выгравирован острым наконечником. Кира как во сне открыла дверь и не разуваясь прошла к телефону. После нескольких гудков трубку взяла Марина.

— Извините, я хотела бы поговорить с Глебом, — попросила Кира.

Зачем? Ведь ей совершенно нечего было ему сказать.

— Он еще спит, а кто это?

У Марины был неприязненный, высокомерный голос. Кира повесила трубку и согнулась пополам, как будто сломалась. Внезапно она выпрямилась. Лицо было сухим, искаженным страданием. Она вдруг бросилась в спальню. Собрав чемодан, она выволокла его в прихожую. Вспомнила, что чуть не забыла паспорт. Документы лежали в тумбочке. Она ринулась обратно в комнату. Потом назад к выходу и бросив ключи на полке прихожей захлопнула дверь. Слезы наконец прорвались и спускаясь вниз на лифте, она завывала от отчаяния.

Темнеет. В городе уже включили фонари. Мимо спешат люди, проезжают автомобили и автобусы, какая — то старуха сует ей в руки букет чахлых астр и Кира его покупает. Она не знает куда идет и зачем. Ноги несут ее сами по тротуарам и дорогам, через парки и жилые

массивы. Какое-то время она ехала на метро. Потом вышла. Название станции ничего не сказало ей, она здесь никогда не была. У нее нет адреса Муси и позвонить подруге она не может. Кира долго искала свой телефон, пока не поняла что забыла его у Глеба в квартире. Он стоял на зарядке и в тумане горя она совсем про него забыла. Нет, обратно она не вернется. Никогда! Почему Глеб сделал это? За что? Эта мысль не покидает ни на мгновение. Мимо идут люди. Парень приобнял девушку и они смеются. Им есть куда идти и чему радоваться. Для Киры все погребло. Она чувствует что у нее отняли часть ее, она стала наполовину полая. Из нее выкачали желание жить. Иногда она останавливается, чтобы отдохнуть. С витрин магазинов манекены укоризненно смотрят на нее пластиковыми глазами. Хочешь знать за что? За то, что ты не стоишь, как бы говорят их лица. Думала все у тебя получится? Глупая, доверчивая дура!

Кира так устала, что решает зайти в кафе. Она греет руки об огромную чашку чая. Все куда-то торопятся, заходят и уходят. Только она одна никуда не спешит. Ей некуда идти. Когда наконец кафе пустеет совсем и персонал поднимает на столы стулья, она решает попросить телефон. Муся как всегда не берет трубку. Кира платит за чай и выходит на улицу. В кошельке у нее сорок три евро, оставшихся от разорительных походов по магазинам с Мусей. Нет, на гостиницу не хватит. Когда театр был на гастролях, она хорошо запомнила что номер на двоих стоил около ста. Можно наверное переночевать одну ночь на вокзале. Она знает где находится Казанский. Срезая напрямую, она движется по самому короткому пути, пересекая незнакомые районы и улочки. Она уверена, что через пол-часа будет на месте. Если хотя бы однажды он была где-то, то без труда находила дорогу назад. Всех удивляла ее способность ориентироваться, а для Киры это было так же естественно как закрывать и открывать глаза.

Однажды осенью они с Верой Петровной были на даче у Зиминых. Дни становились короче и прохладнее. И вечером нужно было уже надевать теплые кофты и носки. Дозревая на подоконниках лежали последние, зеленые помидоры. На веранде завернувшись в шали Вера Петровна и мать Глеба обсуждали знакомую. За круглым столом Кира рисовала в старом, пожелтевшем альбоме. Его и еще кучу барахла отец Глеба нашел на чердаке. Начальник цеха вертел в руке маленький компас, обнаруженный там же, в ящике со стружкой. Он без надежды взглянул на дам. Мать и Алина Евгеньевна игнорировали его. Тогда от скуки он спросил Киру в какой стороне находится город. Она послушав синий карандаш и небрежно махнула в сторону. Ей некогда было заниматься такой ерундой, нужно было срочно пририсовать крылья маленькому человечку. Кира сделала его жизнь очень опасной. Сначала был только огромный дом с трубой. Потом она не успела опомниться как на крыше появился он, хрупкий, ломкий с огромной головой-тыквой на тонкой шейке. Почему на крыше, когда полно места внизу у забора? Опрометчиво. Теперь человечек с отчаянием бежал к опасному краю крыши и в любой момент мог шандарахнуть. У него были такие быстрые, легкие ножки. Кира испугалась, что он не успеет притормозить и непременно свалится головой на острый забор. Ей нужно было срочно спасти его. Отец Глеба посмотрел в сторону, куда она махнула карандашом. Взгляд его напоролся на фотографию Хэмингуэя на стене. Усмехнувшись как точно она смогла попасть из трехсот шестидесяти градусов, он спросил ее в какой стороне находятся горы, где они отдыхали летом в пансионате. Кира опять махнула и склонилась над листом. Брови его поползли вверх. А где находится город Чирчик, куда они две недели назад ездили навещать бабушку

Глеба? Кира оторвалась от человечка. Ну как можно быть таким приставучим? Она направила палец прямо в грудь начальнику. Он крикнул и откинулся на стуле. Свистнул Глеба и спросил Киру пойдет ли она с ними к реке. К реке, с Глебом? Кто же откажется от такого? Нарисованному человечку досталось всего одно крыло, ну ничего это уже что-то. Теперь он во всяком случае не разобьется, а опустится на землю. Отец Глеба никак не мог уняться. Он долго путал их по дачным дорожкам и покружив лишних минут двадцать, наконец вывел к реке. Там он спросил Киру где находится город. Она сразу же кивнула в правильную сторону. Горы слава богу были видны. И отец Глеба пропустил этот вопрос. Потом она показала где находится Чирчик, их дачный домик, в какой стороне встает солнце, где оно садится... Вопросы вскоре кончились. Глеб хмуро сидел на огромном валуне. Его оторвали от чтения и здесь ему было скучно. Вдохновленная озадаченным видом начальника Кира спросила:

— А почему вы не спрашиваете где находится Москва? Или Китай?

— Китай? — удивился начальник цеха. — А когда ты была в Китае?

— Во сне она была в Китае, — сказал Глеб и метнул гольш в реку.

— Помните, вы нам в горах показывали?

Кира вытянула руку точно на северо-запад и торжественно сказала: Москва. Потом повернувшись лицом к юго-востоку и объявила: Китай.

Отец Глеба внимательно сверился с компасом и охнул.

— А где Вашингтон, по твоему?

Кира пожала плечами.

— Это вы не показывали.

— Да какая разница? — спросил Глеб и швырнул горсть камней в реку.

Отец положил компас себе в карман. Вид у него был задумчивый. Он погладил Киру по голове.

— Ну ты даешь... Ну ты даешь... — восхищенно сказал он.

Глава 27

По дороге домой Глеб заехал к флористам и выбрал роскошный букет розовых лилий. Девушка, собиравшая его, пообещала что через пару дней он будет выглядеть еще роскошнее. Там было много нераскрытых стрелок-бутонов. За рулем он с удовольствием посматривал на дрожащие цветы и предвкушал как Кире будет приятно получить их, Милованова может придавать новый вкус жизни, она умеет радоваться как никто другой. Глеб уже немного отошел от шока. Да, его уволили, но он не боится, у него отличное образование и он говорит на трех языках. ВикВик даст ему хорошие рекомендации, иначе Глеб просто набьет ему морду. Шеф не посмеет отказать после нескольких лет, убитых Глебом на компанию, где он работал по десять-одиннадцать часов в сутки. К тому же, вопрос о должности в Европе еще не отпал. Это вполне возможно, если Глеб поведет себя умно и не будет грести против течения. Компания решила не мелочиться и ему оставляют машину, нужно будет просто выплатить небольшую сумму и только. Конечно возникнут проблемы с квартирой, заем у Глеба от компании. Но ее всегда можно продать, если наступят тяжелые времена или перенести заем в один из банков. Правда пока он не найдет работу, это будет сделать сложно. Кира наверняка дует за то, что он не явился вчера домой. Ей можно сказать что потеряв работу, он сильно расстроился и с горя напившись, остался ночевать у друзей. В

общем-то не такая уж это и ложь. Ему самому трудно поверить, что вчера у него было что-то с Мариной. Он конечно молодец, так наклюкаться, память стерло напрочь. Если он ничего не помнит, значит был невменяем, а если невменяем, значит не так уж и виноват. Настроение у Глеба отменное и он удивлялся насколько позитивно он смотрит на вещи в сложившейся ситуации. Он освободился от тяжелого груза вины, который давил его в последние две недели. У него было чувство легкости как у человека, который только что вылез из трясины и может свободно, с наслаждением двигаться. Туровцын, Марина, офисные аферы теперь позади, Глеб очистился от всей этой дряни.

Ему хотелось чтобы она была дома. Вихрем залететь в комнату, и обнять ее. Он вдруг почувствовал как сильно соскучился. Ключи на полочке в прихожей, значит дома, — с удовольствием думает он закрывая дверь. Букет приятно шелестит бумагой. Глеб обегает квартиру. В кухне и зале никого. Постучавшись в ее комнату, он осторожно нажимает на ручку. Пустой шкаф распахнут настежь, вешалки сбиты в один угол, кровать смята, на полу сиротливо валяется забытая перчатка. Он вдруг все понимает, проходит в зал и бросает лилии в угол. Горькая мысль крутится в голове: Кира ушла к Туровцыну. Как он мог быть таким самонадеянным? На полу возле ножки журнального столика лежит фотография. Подняв ее он поворачивает глянцевый фронт к себе. Все что угодно, только не это! Марина отомстила ему за то, что он вышел из ее игры. Глебу захотелось вскочить, сорваться и бежать. Бежать так, чтобы задохнуться, но найти Киру и вернуть ее. Нужно узнать где она! Он бросается в прихожую, где в кармане пальто у него остался мобильный. Лишь бы она взяла трубку. Лишь бы взяла. В этот момент звонит городской телефон он кидается назад в комнату, это может быть она.

— Да?

— Можно Киру к телефону?

Какой-то мужчина.

— Ее нет дома. Кто это?

— Николай Заболоцкий. Не могу к ней пробиться, мне пришлось звонить ее матери, чтобы узнать этот номер.

— Она будет позже, — зачем-то врет Глеб.

— Передайте ей пожалуйста, чтобы она срочно связалась со мной. Завтра в четверть пятого ее может посмотреть главный балетмейстер. Пусть позвонит мне в любое время дня или ночи. Это очень важно.

— Да-да, конечно, я обязательно передам, — бормочет Глеб.

— И вот еще... В отделе кадров не могут найти ее документы. Нужно будет снова принести все оригиналы и две фотографии. Впрочем, я сам ей скажу, только пусть обязательно мне позвонит.

Заболоцкий вешает трубку. Глеб тотчас набирает номер мобильного Киры и через мгновение слышит рингтон, доносящийся из спальни. Телефон ее валяется на полу, между кроватью и тумбочкой. Он был поставлен на зарядку и Кира забыла его. В отчаянии Глеб готов биться головой о стену. Кире радушно открываются двери театра, только нет ее самой, чтобы войти туда. Он начинает звонить каждому, по списку контактов в ее телефоне. Может кто-нибудь знает где она?

Через галерею Ленинградского вокзала Кира прошла в зал ожидания. Ей хотелось присесть, но свободных мест не было, и положив плащя чемодан у витрины с игрушками, она уселась на нем. Сидеть так предстояло много часов. Люди вокруг были хмурые и сонные, измученные дорогой. Номер Муси Кира помнила и несколько раз звонила по нему с чужих телефонов. Женщина с огромными баулами взяла деньги за звонок, а двое мужчин отмахнулись. Муся так и не ответила. Ну где же ты подруга, когда ты так нужна? Кира силилась вспомнить телефон Тайки но так и не смогла, ведь сама она так ни разу ей и не позвонила. Расстраивать мать Кире не хотелось. Чем ей могла помочь Вера Петровна? Только сходила бы с ума всю ночь, звонила бы Глебу и настаивала бы на возвращение дочери в его квартиру.

От легкого удара по ботинку, Кира открывает глаза. Темная фигура человека в форме заслоняет свет. Со сна она долго не может понять, чего от нее хотят.

— Паспорт и регистрация, — повторяет полицейский.

Он радушно улыбается, как будто Кира пришла к нему в гости. Увидев цвет ее паспорта он довольно мычит, сначала быстро листает его, потом застревает на одной из страниц. Закрывает и снова внимательно пролистывает, теперь уже с конца, тщательно изучая каждый разворот. За исключением нескольких страниц ее паспорт пуст и Кира недоумевает, что там можно так долго разглядывать. Он закладывает паспорт подмышку и отработанным жестом встряхивает регистрационный лист, чтобы развернуть его.

— По какому адресу проживаете в Москве?

Она называет адрес Глеба. Полицейский внимательно всматривается в бумагу и остается довольным.

— Куда едем? — спрашивает он радостно.

— Еще не знаю...

— Покажите билет.

— У меня нет... Я куплю утром.

— Утром?

После каждого ее ответа его рот растягивается все шире и шире, он очень положительно-настроенный молодой человек.

Когда он кладет ее документы в карман, Кира совсем теряется.

— Пройдемте для выяснения.

— Зачем? — удивляется она.

— Документы не в порядке.

— Почему не в порядке?

— Пройдемте— пройдемте, — говорит он тоном хозяина, приглашающего к столу гостей.

Под его радужным взглядом Кира выдвигает ручку чемодана. Каждый раз он оборачивается и одаривает ее теплой улыбкой. Сержант Позитивчик, — про себя называет его Кира. Свернув в узкую галерею они спускаются по лестнице в подвальное помещение. Позитивчик шагает быстро и ей приходится торопиться. Тяжелый чемодан с грохотом съезжает за ней по лестнице. Позитивчик все также улыбается, но не предлагает помочь. Последние ступеньки приводят их в темный, узкий коридоре. Здесь почти ничего не видно, в конце коридора лампа тускло освещает единственную дверь. Он открывает ее и придерживает, чтобы Кира могла вкатить чемодан в маленькую, душную комнату без окон.

Прямо напротив двери стоит компактный стол с бумагами. Позади него облупленный потолок подпирает набитый папками шкаф. Возле умывальника на кушетке сидит еще один полицейский, постарше. Его оголенные до колен ноги опущены в тазик с водой. Низкий потолок давит сверху, от таза поднимается густой пар, а у человека такие пустые глаза, что ей становится не по себе. Он угрюмо оглядывает ее, потом переводит взгляд на бодренького товарища и вопрошающе поднимает брови.

— Приставала к гражданам, — радостно оповещает Позитивчик.

— Мне телефон был нужен, — оправдывается Кира.

— В регистрации адрес фиктивный, проживала совсем в другом месте.

Испарина выступает у нее на лбу. Она совсем забыла, что зарегистрирована у Тайки. Позитивчик протягивает ее документы хмурому полицейскому. Тот внимательно их изучает и небрежно бросает на стол.

— Все в порядке? — робко спрашивает она.

Маленькое зеркало над умывальником запотело. Хмурый вынимает ногу и закинув ее на другую тщательно обтирает стареньким полотенцем.

— По какому адресу живешь? — спрашивает ее Позитивчик.

Кира опять называет адрес Глеба, но тут же поясняет, что ее зарегистрировали у других друзей. Она могла жить и у них, но потом решила что у Глеба удобнее.

— Друзья говоришь? Давай им позвоним, какой номер? — спрашивает он и поднимает трубку телефона.

— Номер был в моем мобильном, а я его потеряла.

— А так не помнишь?

Кира вздыхает.

— Значит так, регистрация фиктивная — это нарушение. Сядешь в изолятор, до выяснения.

Кира мертвеет.

— За что?

— За то, — посмеиваясь передразнивает ее Позитивчик. — Регистрироваться нужно по месту проживания, а эта бумажка — чистойшей липа. Я этот дом знаю, таких как ты там не прописывают.

— Я завтра уеду домой, отпустите меня пожалуйста...

Теперь они оба не обращают на нее внимания. Позитивчик включает электрочайник. Хмурый разглядывает свои разбухшие от горячей воды ноги.

— Ну что, лучше? — спрашивает его сержант.

Хмурый пожимает плечами. Его товарищ поднимает таз и выливает воду в грязный умывальник. Пристроивши таз внизу под ним, он весело спрашивает Киру:

— Деньги-то есть?

— Сорок три евро.

— Не густо. Как же ты уедешь?

— Я займу... У знакомых.

Хмурый молча натягивает носки и надевает ботинки. Шнурует их медленно и тщательно, перетягивая и бесконечно замеряя концы. Встает, проходит к двери и два раза поворачивает ключ в замке. Обернувшись он больно хватает Киру за плечо. Чемодан падает плашмя и выдвинутой ручкой ударяет по стоящему под умывальником тазу.

В ресторане Тайка заказала testing menu. Одно за другим ей приносят все, что готовится в этом заведении. Устрицы в темпуре, гребешки, омары. Зигги опаздывает, ну и черт с ним, все равно он ничего не ест. Как всегда притащится к кофе. Интересно, сколько можно протянуть при таком образе жизни? Он сам попросил ее об этой встрече. И вот пожалуйста, она здесь уже около часа, а он так и не появился. Никому другому она бы не позволила так себя вести, но Зигги прощается многое. В свое время он сделал для нее невозможное. Даже в Центре к нему особое отношение, правда они не в курсе, что с ним происходит в последнее время. Она прикрывает его перед Центром, но всему есть предел, он обнаглел окончательно. Ну хорошо, может быть ему плевать на себя, но подумал бы о ней или Еникееве! Их могут обвинить в сокрытии. А круг посвященных в тайну все ширится. Таракан конечно, догадывается, но пока молчит. Нельзя его недооценивать, он кажется глупым, но не настолько, чтобы не учуять явно смердящее. Сколько раз он видел Зигги невменяемым? Если он доложит кому надо, то всему реготделу придет конец. А Таракан может занять ее место. Он чист и заслуживает доверия. А вот Зигги и Тайка с гнильцой. У них обоих по одному предупреждению. Голубой вкладыш в личном деле — страшная бумага. Второго предупреждения не бывает. После голубого дают оранжевый, а это уже приговор. Вспомнив как добровольно повесился генетик Ярушев, она вздрагивает и вилка с шотландским лососем застывает в ее руке. Он написал статью для одного научного журнала, в которой затронул тему спящих аллелей. Разработки по этой теме были сделаны им в лаборатории Центра. Статья вызвала резонанс в научном мире и привлекла излишнее внимание к Центру. Тише едешь, дальше будешь, мир скваев ничего не должен знать. Ярушеву дали веревку и заперли в комнате, в той самой, где в свое время запирали и Тайку. Нарушил устав — получи! Среднеазиатский Далаки тоже ходит по тонкому льду. Почему он заявлял Киру по седьмой, когда ценность ее так очевидна? С ним уже наверняка разбираются. Далаки — жалкий наемный докторишка. Как он флиртовал с ней после семинара! Они славно напились и она даже чуть было.... Потом ей сказали, что у него роман с тупой медсестрой, которая при наличии амбиций могла бы сделать хорошую карьеру, а так баба без стержня и ума, сидит в регионе и всем довольна.

Она откладывает вилку и жадно пьет розе из бокала. Инструкции прописаны для идеального мира, а в жизни все по-другому. Тайке хочется жить по полной, но нельзя. Никогда не знаешь, на что закроют глаза, а на что посмотрят со смертельным укором. Ей нужно стать чистой, у нее только одно желание — избавиться от голубого вкладыша. Хальстром сказал, что за Киру можно попросить многое! Ей многого не надо, просто сожгите голубую карту. Чтобы она перестала вздрагивать от каждого телефонного звонка. С одним предупреждением можно жить, но малейший промах и получишь второе — цвета апельсина. Яркий и жизнеутверждающий цвет в мире скваев. Для аерахов оранжевый — символ смерти.

Она смотрит на часы. Неужели эта сволочь — Зигги не придет? Надо было позвонить Саше — ее тренеру. Не пришлось бы глотать устрицы в одиночестве. Конечно с ним скучно, но у него хороший аппетит и он был бы сейчас здесь. Саша — сквай, у него все без сюрпризов: отличные бицепсы, трицепсы, мощная спина, неплохо между ног, но он совершенно незатейливый. Хотя в этом есть и свои плюсы. Он не утомляет ее умными речами, и можно поддерживать разговор о глутамине, одновременно думая о своих делах.

Ей приносят грушу в вине на десерт. Ну наконец-то, Зигги! Неровная, томная походка,

то же пальто с рваным карманом, правда лицо тщательно выбрито. Но все равно видок откровенно нищенский, и как еще его пускают в приличные места? Трудно поверить, что это тот самый человек, в которого она была влюблена!

— Есть будешь?

К ее удивлению он кивает головой.

— Я уже за десертом, — укоризненно выговаривает она.

Ждать пока он поест ей не хочется. Но с него как с гуся вода, наверняка назло ей, он заказывает суп и вырезку с жареным картофелем. Будет ковыряться два часа, и действовать ей на нервы.

— Что с объектом? — спрашивает она.

— Все под контролем, там Таракан. Позвонит, когда будет нужно.

— Есть результаты по тульским близнецам?

Зигги приносят суп. Тайка следит за его хаотичными движениями. Он оживлен, вопреки ее ожиданиям, берет ложку и с удовольствием ест. Разламывает булочку и мажет маслом. Что с ним? Он улыбается, похоже, у него хорошее настроение.

— По близнецам тихо, результатов пока нет. Да по херу... Там и так понятно. Четвертая категория с натяжкой. Как тебе удалось выставить Киру из квартиры Зимина?

— А, это как два пальца... Позвонила его любовнице — Марине. Был приятный разговор по душам... Ревность — отрезвляющее, полезное чувство. Обновляет взгляд на жизнь. Нельзя недооценивать ярость красивой, уязвленной женщины. Она готова была помочь.

— Где тонко, там и рвется. Обошлось без затрат?

— Шутишь! Десять тысяч наличными сразу и по окончании дела сумка из кожи питона. Здоровая страсть к рептилиям. Я дала ей амфетамин, когда я пришла, засранец уже был без чувств. Без трусов он очень даже привлекателен.

— Ты у нас известная шлюшка...

Тайка плотоядно улыбается.

— Сделала несколько постановочных фотографий уязвленной женщины верхом на бесчувственном теле, подарила сумку и удалилась. Остальное ты знаешь, и не пришлось убирать с дороги этого говнюка. Твоя школа, я не люблю пачкаться понапрасну. Если можно без шума, нужно без шума.

— Ловко...

Зигги уверен, что дело обошлось одной сумкой и яростью уязвленной женщины. А десять тысяч евро Тайка спишет в месячном отчете и положит себе в карман. Это была отработанная практика. Но он делает вид, что всему безоговорочно верит.

— Чем хуже, тем лучше. Все идет как надо. Эта девочка — просто благословение. Какая удача, что она приехала в Москву! Иначе все бы досталось выездной команде заплечников. Хальстрем сказал, что я могу попросить все!

— Я хочу чтобы голубой вкладыш испарился из моего дела, — серьезно говорит Тайка.

— Мудрое решение.

— А ты?

— Мне должны будут вернуть Лилю.

Он утомляет ее своим упрямством, похоже от кокаина у него расплавились мозги.

— Друг мой, я советую тебе даже не упоминать ее имя. Все сразу поймут что ты нюхал. Попроси лучше о том же, что и я... Тяжело жить с петлей на шее, а учитывая твои слабости,

ты можешь проколоться в любой момент. Оранжевое солнце, оранжевый рассвет! — напевает она.

— Без нее пусть все будет оранжевое, мне нужна только она.

Тайка теряет терпение.

— Ну почему ты такой тупой ублюдок, Зигги?

Официант уносит пустую тарелку из под супа. Тайку вдруг осеняет. Вот откуда этот аппетит, эта выбритая физиономия. Он надеется что ему вернут его девуку.

— Мне ничего не нужно кроме Лили и ты мне поможешь.

— Ни за что!

— Только поговори с Хальстромом.

— Сам поговори, ты же знаешь его лично. Вы ведь были друзьями, до того как тебя спихнули с должности. Помнишь как в Париже вы трахали шлюх в одном номере! Это очень сближает... Я ни при чем, умываю руки, — она наклоняется к его уху. — Правила есть правила, исключений не делают никому. Ты попрешь против всех, если попросишь назад свою фройляйн.

Официант ставит на стол огромную тарелку с картофелем фри и стейком. Зигги тут же начинает резать еле обжаренное мясо. Красный сок вытекает из разреза.

— Тебя просто уберут, — продолжает шептать она, — Достаточно того, что я и Еникеев покрываем твои экстравагантные привычки. Я все время боюсь. Когда я думаю об этом, я чувствую как ломаются мои кости. Хожу по краю, вместе с тобой. Не смей даже заикаться о Лиле, я запрещаю тебе поднимать эту тему в Центре...

Она испуганно замолкает, потому что Зигги швыряет тарелку между столиками. Раздается грохот, спаржа и мясо оказываются на полу. Посетители испуганно оглядываются на них. Девушки, только что присевшие за соседним столиком, испуганно вскакивают и схватив сумки спешат к выходу. Официант бросается собирать осколки и испорченную еду. Зигги поднимает ломтик картофеля со скатерти и откусив, учтиво объясняет официанту:

— Мясо плохо прожарено, я конечно, люблю с кровью, но это прямо шевелилось у меня во рту. — Затем он с усмешкой обращается к Тайке, — А ты хочешь, чтобы я вместо Лили попросил новое пальто? — Он снова поворачивается к официанту, — Девушка заплатит, она вчера заработала десять тысяч евро на дураках-начальниках.

Еще одна публичная сцена. Довольно она терпела, Тайка ненавидяще смотрит ему в лицо.

— Попроси пальто, и останешься жив... А Лили обойдется очень дорого, никто не будет заморачиваться от чего ты сбрендил. Держать в психушке тебя никто не станет. Братство не любит безумцев, они слишком много болтают.

— Неблагодарная тварь!

— Пусть! Зато живая, неблагодарная тварь. Я за тебя горло вырву. Если бы мои просьбы могли помочь, я бы язык стерла за тебя...

— Просто заткнись, — устало говорит он.

Тайка пожимает плечами. В кармане у Зигги звонит телефон. Вытащив старенькую нокию, он нажимает на кнопку ответа. Лицо его сразу же становится решительным.

— Это Таракан. Пора, — говорит он Тайке и с грохотом отодвигает стул.

Глава 30

Плечо Киры как будто зажато тисками. Угрюмый держит ее крепко.

— Отсосешь у обоих, тогда отпустим.

У него приятный голос, мягкий и даже мелодичный. Когда смысл сказанного доходит до ее сознания, она резко отшатывается и кричит. Дергается как попавшее в капкан животное. Угрюмый сжимает плечо сильнее. Чтобы освободиться от его цепких рук она соскальзывает вниз на пол и катаясь по нему, пытается вырваться. Звериное, неосознаваемое поднимается в ней, от отчаяния и страха умножаются силы. Какое-то время оба мента неловко крутятся вокруг и не могут справиться с ней. Позитивчик захватывает ее ноги и стреножит. Ее усаживают на стул, заламывают руки за спинку. Она пытается их вырвать, но сил уже не остается. Хочет закричать, но кроме хрипов из горла ничего не выходит.

— Ух ты, — смеется позади ее Позитивчик. — А такая дохлая!

Он тяжело дышит.

— Я буду очень громко кричать, — предупреждает его Кира севшим, глухим голосом.

— Давай, мы под землей на два этажа, никто не услышит. Вздумаешь еще брыкаться, продержим несколько дней. Будут приходиться гости, друзей у нас много.

Кира закрывает глаза, как бы исчезнуть? Превратиться в маленького мурашка и уползти в щель между линолеумом и плинтусом. Отсидеться там, поплакать, а потом потихоньку выбраться отсюда по трещинкам на стенах. От легкой пощечины она открывает веки. Все еще здесь. Низкий потолок сразу же придавливает ее. Все пространство комнаты занято двумя большими, тошно-теплыми фигурами. Позитивчик держит ее руки за стулом, Угрюмый потоптавшись, расстегивает ремень. С визгом разъезжается молния на серых, форменных брюках.

— Давай по-нежному, тогда отпустим.

— Никогда!

Своими коленями Угрюмый зажимает ее бедра на стуле. Вцепившись в хвост на ее затылке он с силой пригибает голову Киры к своему торсу. Бляшка ремня болтается перед ее лицом. Белый, рыхлый живот надвигается на Киру. От напряжения у нее сводит шею, она теряет силы, рано или поздно ее губы коснутся паха Угрюмого. Тяжелый, грибной запах ударяет ей в ноздри, тошнота подступает к горлу. Зажмурив глаза она готовится к вкусу крови во рту, она сделает так, чтобы он никогда не забыл этой минуты. В эту секунду раздается громкий стук в дверь. Угрюмый вздрагивает, рука на ее затылке тут же слабеет, он отскакивает в сторону и поспешно заправив рубашку, застегивает штаны.

— Кто? — спрашивает Позитивчик, отпустив ее руки.

— Конь в пальто, ломайте дверь, — решительно командует кто-то. Кира уже где-то слышала этот голос.

— Одну минуту... — растерянно просит Угрюмый. Его приятный голос дрожит.

Но тот кто за дверью не ждет минуту, дверь срывают с петель, и Кире приходится отпрыгнуть, чтобы ее не зацепило. В комнату врываются люди в камуфляжной форме, лица их закрыты черными, трикотажными масками. В комнату набивается так много народу, что Кире, зажатой в углу приходится опуститься на кушетку. Как во сне, из ниоткуда над ней нависает лицо Тайки.

— Ты в порядке? — спрашивает она.

Достав из кармана удостоверение, Тайка тычет его ментам. Взгляд у обоих потухает, они испуганно переглядываются.

— Контрольное управление! У вас неприятности, мальчики. Большие..., — подбадривает их Тайка.

В комнату медленно заходит Зигги и улыбается Кире.

— Пойдем, — протягивает ей руку Тайка. — Он с ними разберется.

Споткнувшись о стул, Кира бросается в объятия Тайки. Рыдания сострясают все ее тело. Несколько минут она не может оторваться от нее. Зигги наконец не выдерживает и тоже распахивает руки:

— А я? Ну все моя девочка, все... Все уже позади, — он ласково гладит ее по голове. — Тая, забери ее отсюда.

После ухода Тайки и Киры, напряжение в комнате мгновенно спадает. Расплывшись в улыбке, Позитивчик здоровается с Зигги. Угрюмый на кушетке отваливается к стене и закидывает ногу на ногу. Люди в форме снимают маски и двое из них присаживаются рядом. Третий ополаскивает кружку под краном и наливает воды из чайника.

— Все нормально? — спрашивает Позитивчик у Зигги.

Он не успел заправить ремень и конец его палкой торчит под животом.

— Если бы ты дотронулся до нее своими погаными яйцами, я бы тебе башку снес, — жестко отчитывает его Зигги.

— Просили же жестко.

— Без ру-ко-при-клад-ства. Припугнуть, и только.

Угрюмый чешет затылок.

— Так она рваться начала. Если бы я ей не дал разок, убежала бы. Или крик подняла, а так все как надо, по Станиславскому... — ухмыляется Позитивчик.

— Станиславский бы блеванул вам в фуражки, служивые. Все через жопу, полагаться ни на кого нельзя, куда катится мир? — спрашивает сам себя Зигги. С брезгливой улыбкой он вынимает из кармана пачку денег и молча кидает на стол. — А это здесь зачем? — удивляется он и легонько пинает таз, который сразу же нежно звенит.

— Ноги парил, простыл немного, — отвечает Угрюмый.

— И что, помогает?

— Ни хрена.

— Все болезни от подло заработанных денег, — вздыхая поучает его Зигги и вынимает вторую пачку банкнот. Он протягивает ее одному из людей в камуфляжной форме. — Честного человека даже половые инфекции не берут. Посидите еще минут десять и можете идти, только оружие спрячьте.

— Ну что мы, совсем идиоты?

Обижается самый здоровый из них.

— Простите, а кто в прошлый раз попер по Тверской с автоматом наперевес?

Здоровый громко хохочет, к нему тут же присоединяются все остальные.

Глава 31

Обняв подушку Кира лежит на диване. В огромной Тайкиной квартире она чувствует себя в безопасности. Теперь ей понятно, почему полицейские не поверили ее регистрации, здесь живут только очень богатые люди. Живут с консьержами, лифтами из драгоценных сортов дерева, цитрусовой оранжереей на крыше, подвальной парковкой, тренажерным

залом, саунами и бассейном. Квартира у Тайки двухуровневая, в холле высокий в два этажа потолок. Вся западная стена стеклянная, за ней раскинулся ночной город. Очень красиво, но Кира боится приблизиться к ней, у нее кружится голова, от одной только мысли. К узкой, верхней антресоли ведет широкая лестница. Там несколько дверей в спальни, гардеробные и ваннные комнаты. Под антресолю находятся кухня и рабочий кабинет. Тайка, видимо, много работает дома. В кабинете чего только нет! Несколько стационарных компьютеров, ноутбуки, факсы, ксероксы. Посередине широкий стол со стульями для переговоров. На конце стола закреплен большой экран. Тайка с большим удовольствием провела Киру по всей квартире. Но главная ее гордость — это конечно же холл с видом на город. В центре холла стоит диван буквой П. Он такой большой, что на нем наверное, не мешая друг-другу могут выпасться сразу шесть человек, Кира на нем теряется. С принесенного из кухни подноса Тайка переставляет на столик бутылку розового вина, треугольник сыра бри и черный виноград.

— Ну хватит рыдать, а то соседей затопишь.

Она садится поудобнее, вынимает линзы из глаз и сбрасывает их в пластиковый контейнер. Потом берет флакончик с каплями, выжимает жидкость между век и несколько раз смаргивает. Множественные браслеты на ее запястьях путешествуют по рукам вниз и вверх. Она наконец открывает глаза и Кира обнаруживает, что они разного цвета. Один ярко-зеленый, а второй светло-карий, почти желтый.

— Гетерохромия, — объясняет Тайка. — Поэтому линзы ношу, чтобы людей не пугать. Проклятый конъюнктивит замучил...

Тайка теперь в майке и ультра-коротких шортах. У нее красивые, правда на вкус Киры, немного перекачанные ноги.

— Жарко? — спрашивает Тайка. — Я люблю когда дома тепло, снимай свитер, я дам тебе что-нибудь полегче.

Квартира действительно очень теплая, Кира уже сняла носки. Тайка вскакивает и бегом поднимается по лестнице. От волнения Кира чуть не проливает вино на светлый ковер под столиком. На правой икре у Тайки родимые пятна, по форме точно такие же, как и у Киры. Два развернутых крыла — Фолклендские острова. Только у Тайки они меньше и темно-розовые. Кира неторопливо переодевается в предложенную ей пижаму. Балетные будни научили ее никого не стесняться. Стягивает майку и остается в бюстгальтере. Тайка беззастенчиво рассматривает Кирина живот.

— Хорошие мышцы, — одобряет она, и ни слова о родимых пятнах, хотя конечно же она не могла их не заметить.

— Скоро выйду из формы, негде заниматься.

— Такое тело быстро не сольешь, — успокаивает ее Тайка.

— Как вы меня нашли? — спрашивает Кира.

Тайка отпивает сразу половину бокала.

— Следили за тобой.

Кира удивлена.

— Зачем?

Тайся высоко задирает ногу и поглаживает пятна, у нее хорошая растяжка.

— Мы одной печатью мечены, видишь?

Хрустальная люстра вспыхивает розовыми огнями в Тайкином бокале. Одним емким глотком она осушает его, отщипывает ягоду от винограда и закидывает в рот.

— Не сиди как на похоронах, сегодня только все начинается, — говорит она и опять подливает себе вина.

Бутылка на три четверти пуста, у Тайки горят щеки, чудесная легкость в голове. Разгильдяйство пить в такой ответственный момент, но ей все труднее отказываться от алкоголя. Пара бутылок на ночь — сложившийся за последнее время ритуал. Кроме того, Кире нужно расслабиться, ищет она себе оправдание. Вообще, посвящение новичков — нудная работа. А алкоголь — награда авансом за неприятные минуты, которые нужно пережить вместе с Кирой. Интересно, какая реакция будет у этой экзальтированной дурочки? Даже обидно, что такая инженерю, может быть бесценной для компании. Но что поделаешь, гены причудливая вещь. И королевские отпрыски бывают идиотами. Вино слишком молодое, тут она промахнулась, в следующий раз она такое не купит. Тайка прочищает горло.

— Сегодня первый день твоей новой жизни.

Кира удивленно вскидывает глаза.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты никогда не замечала, что ты другая? Не такая как все?

— Нет.

Надо же, — удивляется про себя Тайка. — У нее нет иллюзий насчет собственной уникальности. Братству всегда нужна только молодая кровь. А эта зелень считает себя особенной. Попробуй скажи им, что таких Маш и Миш сто на два квадрата! Сильнее оскорбить нельзя, у них ведь все особенное: мысли, депрессии, их прыщавые физиономии. По инструкциям Тайка должна давать им выговориться. Все всегда одно и то же. Послушать их, они даже уродливы и скучны по особенному, не так как все остальные. Из всех упивающихся своей уникальностью, она запомнила только одного джигита, который скромно сказал: Шесть раз могу без перерыва! Сейчас он возглавляет кавказский регион. Когда она видит его на конференциях, у нее повышается настроение. Кира кажется Тайке наивной и недалекой, поэтому начинать со сложного с ней только портить.

— Ты совершенно особенная, одна из нас. Это значит, что ты можешь левитировать. Перемещаться по воздуху, — поясняет Тайка.

Некоторое время Кира улыбается. Но через секунды улыбка угасает, не ослышалась-ли она?

— Летать, — повторяет Тайка громко, как если бы Кира была глухая. Растерянный вид балерины смещит ее. На лице ее все написано, она думает: Не рехнулась-ли хозяйка этого дома? Взгляд ее останавливается на пустой бутылке, ну вот, ей кажется что ответ найден!

— Тай, мне нужно позвонить...

— Не сейчас.

Тайка вытаскивает из-за спины увесистую книгу и кидает на столик. Название вытеснено золотом.

— Новейшая история аэорасы, — читает вслух Кира.

— Не скажу что написано увлекательно, но эта книга поможет тебе во всем разобраться. Послушай меня, наше тело способно преодолевать силу гравитации.

Кира испуганно озирается. Тоскливо с этими новичками, всегда одно и то же. Боишься, малахольная? Правильно, бойся, — думает Тайка.

— Нас всего несколько тысяч, способных на это. В воздухе наши тела экранируют —

погашают силы тяжести и гравитации. Да что говорить, чем сто раз услышать, лучше один раз увидеть...

Голос у Тайки тягучий и томный, но не пьяный. Она встает с дивана и решительно направляется к окну. Когда она распаивает большое, похожее на дверь, окно в панорамной стене, Кира угадывает ее намерение. Встав в проеме у края, Тайка разводит руки в стороны. Ее майку треплет ветер, торжественные глаза светятся безумием. Она отклоняется назад, еще немного и упадет спиной в пропасть, с двенадцатого этажа. Ничего не соображая, как отпущенная пружина Кира бросается к ней. Вцепившись обеими руками, она оттаскивает Тайку от окна.

— Тая, я тебя умоляю, не надо! Я верю, верю тебе!

Кира кричит, не переставая. Она заглядывает в сумасшедшие глаза, но теперь они трезвые и злые. Тайка пытается стряхнуть Киру с плеча, но не может.

— Я знаю, что ты боишься, — принужденно смеется она. — Пусти! Ты могла меня покалечить... Отцепись же ты наконец!

Она с силой отрывает от себя ее руки. Чтобы не замутило, Кира прикрывает глаза и создает для себя темную, полу-слепую реальность. Кидается к окну и захлопывает его, потом опять клещом впивается в Тайкин локоть.

— Оставь же меня... Истеричка!

— Нет-нет, я верю! — уверяет ее Кира.

Они обе тяжело дышат. Холодный воздух должен был привести Тайку в чувство, Кира на это надеется. Ей хочется одного — уйти отсюда и как можно быстрее.

— Таечка, я принесу тебе воды. А потом ты ляжешь спать, хорошо?

— Сядь наконец! — толкает ее на диван Тайка. — Думаешь я вдребадан пьяная? — нагужно смеется она. — Хорошо, я покажу с лестницы. Не так зрелищно, но будет понятно. Только не визжи как свинья, я уже от тебя оглохла!

Кира оглядывается на лестницу. Высота с верхней антресоли около четырех метров, неужели Тайка собирается спиной грохнуться вниз оттуда? Она прямо видит распластанную на полу Тайку с вывернутой головой и сломанной шеей. Кира нервно вскакивает.

— Сядь, — приказывает ей Тайка и она снова опускается на диван.

Тайка растеряна, все идет не так, как ожидалось. И вот еще... Удивительно, как быстро Кира смогла очутиться у окна. Так сильно вцепилась в нее, у этой балетной железная хватка. А она то воображала ее нежной фиалкой! Узвленное самолюбие не дает Тайке покоя, ей досадно, что Кира сбила ее и нарушила ритуал посвящения. Огастас — один из отцов-основателей, в книге инструкций расписал все сценарии, к каждому психотипу новообращаемых. Данные закладывали в программу и она рекомендовала как посвящать того или иного новичка. Видимо, определяя психотип Киры, компьютерная программа ошиблась и выдала не тот сценарий. По Огастасу, после сеанса, Кира должна быть потрясена, может быть даже до обморока, потом ожидалась бы легкая истерика, ну а в самом конце слезы радости осознания. Но эта птичка играет не по правилам, она превратила демонстрацию в фарс и серьезность момента ушла. Тайка привыкла верить во всемогущество сценариев. Прав был Зигги, что никогда не доверял программе, он предупреждал что Кира — сложный объект. Впервые Тайка не знала как поступить. Если позвонить Зигги, он поднимет ее на смех. Что же теперь делать? Она переводит дух.

— Послушай... Ты, я, Зигги и еще несколько тысяч...

— Можем летать, да? — едко спрашивает Кира.

На мгновение Тайка стискивает зубы, чтобы пересилить злость и не сорваться. Не зная что делать дальше, она сбиваясь выговаривает заученный текст из Великой книги посвящения.

Кира не верит ни одному слову, несколько раз она протестующе вскидывает руку, но Тайка продолжает шпарить как по учебнику.

— Генетически мы близки к людям и до сих пор можем с ними размножаться, хотя это происходит довольно редко, большинство таких пар бездетны... У нас общие предки, но разделившись на века мы долгое время не скрещивались с людьми. Межвидовая гибридизация начала происходить после того, как люди уничтожили нас как отдельно развивающийся вид.

То что говорит Тая — полный абсурд, похожий на какой-то претекст к голливудскому блокбастеру. Кира плохо слушает, но внимательно следит за ней, чтобы не дать подняться на антресоль. Тайка продолжает чеканить:

— Около ста тысяч лет назад, наши предшественники разделились на две группы. Одна из них была ветвью, которая дала начало людям, живущим сейчас на земле. Вторая, малая группа, оказалась географически отрезанной от них. Возможно в результате вулканической деятельности или затопления. Ты меня слушаешь? Прекрати крутить головой.

Кира кивает. Тайка напилась, это же ясно как божий день, теперь рассказывая свои небылицы, она почти кричит.

— Понимаешь?! Две группы стали развиваться отдельно друг от друга! Малая застряла на горном массиве, среди скалистых гор. Им нужно было выживать и они выжили! Приспособились к окружающим условиям. Сначала они прыгали на большие расстояния, а потом научились делать и другое... Их тела развивали новые способности и внутренне менялись. Мутации происходили быстро, популяция была небольшая. В малых группах, из-за концентрации мутировавших генов это происходит быстро. Измененные гены всегда передаются по наследству и закрепляются в ДНК, если скрещиваются оба носителя. Ты понимаешь, о чем я говорю? В отличие от людей, у нас образовались шесть склеенных хромосом. Второй ряд, пятнадцатый и двадцать первый. Генетически мы близки к людям, но мы все-таки принадлежим к другому виду. Мы называем себя — аерахи! Нам было трудно, очень трудно сосуществовать со скваями — обычными людьми. Люди — очень агрессивный вид, на протяжении всей истории они уничтожали друг-друга. Люди-скваи жадны до всего: ресурсов, пространства, власти... Они хотят владеть всем. И вот представь, им приходится делиться с другим видом, который похож на них, но гораздо лучше приспособлен к выживанию на этой планете. Генетически мы более совершенный вид. Мы освоили землю и покорили воздух. Сквай же ничтожен, он только может шлепать по земле, брось его в воду и он утонет, толкни его с высоты и он разобьется. Аерахи, как рептилии или птицы — существа двух стихий. За нами будущее!

— Когда придет Зигги? — спрашивает Кира.

Она не слушает и все время перебивает. Тайка раздражена и подавлена. Ей не удалось установить доверительный раппорт с объектом. Все, чтобы она не говорила, вызывает у Киры отторжение. Миссия, кажется, провалена. И тем не менее упрямство не позволяет

Тайке попробовать другую тактику.

— Люди— скваи хорошо размножились, им не хватало территорий, и они стали истреблять аерахов. Земля — небольшая планета, для двух лидирующих видов здесь тесновато. Нас жестоко уничтожали, убивая стариков и детей, не оставляя от поселений камня на камне. Гонения отражались на нашей численности, аерахов становилось все меньше и меньше. В тринадцатом веке в Альпах люди уничтожили последнее становище, это была страшная глава в нашей истории. Застав врасплох, ночью скваи сожгли наши дома и убили наших детей. Аерахи бежали кто куда, рассеялись по земле и потеряли друг друга, были напрочь стерт язык, религия и культура. Спасаясь от гонений, мы сбивались в малые группы, но со временем все они были уничтожены людьми. Оставшиеся в живых, скрывая свои способности, прибились к скваям. Ведь у нас нет внешних отличий. Некоторые аерахи имели потомство в смешанных браках, но их дети были порчены генами скваев. Многие уже не могли летать и были просто носителями спящих аэрогенов. И даже те, кто все еще был способен, ничего не знали об этом. Охота на ведьм имела под собой основание, ведь эти женщины могли левитировать. У них были родимые пятна, разные глаза и люди воображали, что это знаки и метки дьявола. Тысячи и тысячи женщин с аэрогенами были сожжены инквизицией. Тебе еще очень многое предстоит узнать!

У Киры отчужденный взгляд, от волнения она грызет заусенец на указательном пальце. Что же делать? Что же делать? — отчаивается Тайка. — Нельзя же было ее ударить там, у окна. Она бы совсем перестала доверять. Черт бы ее побрал! — Хуже всего что Тайка злится и совершенно теряет контроль над собой.

— Нас очень мало, ведь для ребенка, с достаточной концентрацией аэрогенов, нужно чтобы оба родителя были носителями. Чтобы кто-то из их предков, был гибридом обоих видов. Чистого генома аэрорасы больше не существует в природе. Но мы — их потомки, объединяемся. У нас есть программа по восстановлению вида. Нас спонсируют многие организации, компании, частные лица, у нас неограниченные финансовые возможности, нам содействуют даже секретные службы. Все это делается тайно. Наша главная цель — восстановление вида. Нас мало, наши гены размыты, поэтому мы собираем аерахов по всему миру. Ты помнишь доктора Далаки?

— Конечно, — удивляется Кира.

— Он наш сотрудник и с детства наблюдал за тобой. В каждом регионе у нас есть команда врачей.

— Но как же можно узнать, есть у ребенка эти гены или нет?

— Раньше только по мутационным признакам: родимые пятна, гетерохромия, особенности костей... У нас особое строение костей. Ребенок выглядит докормленным, но мало весит. Позже мы научились определять по крови, ведь наука не стоит на месте. Это тестирование все равно было неточным, потому что плотность крови может быть изменена другими болезнями. И вот теперь у нас есть мощный инструмент. Стопроцентное попадание в яблочко — анализ ДНК, после Уотсона и Крика это был настоящий прорыв. Один мазок из-за щеки или упавший волос, и мы знаем насколько объект ценен для Братства.

Кира на секунду закрывает глаза.

— Братства...

— Братства аерахов.

— Тая, — Кира собирается с силами, — прости. Но я не верю ни одному твоему слову. Ну пусть... Может быть у вас какие-то свои игры, ну знаешь, как это сейчас бывает...

— Ты помнишь как ты выпала из окна?

— Да, — испуганно шепчет Кира.

— Для игр это слишком серьезно. Тогда мы не умели работать с ДНК. Ты же догадываешься, что в детстве не сама спилотировала с балкона. Тебе помогли, это была проверка.

— Я же могла умереть!

— Далаки и Лена — опытные сотрудники, просто так они бы не рисковали ребенком, были серьезные основания верить что ты...

— Что вы за люди?

— Для пополнения генетического пула, нам нужны носители аэрогенов. Ну что ты напряглась? Жизнь одного ребенка ничего не стоит. Нужно жертвовать малым, во имя великих идей. И потом, эта практика уже в прошлом. Тогда не было щедрого финансирования, генетика была в зародыше, у нас не было выхода. Зато теперь у нас есть огромные деньги, новые лаборатории, новые возможности.

— Хасан, который разбился насмерть...Его тоже столкнули?

Перед глазами Киры всплывает Ленка, вальяжно развалившаяся на бордюре крыши. Ее руки удушающе обвивают Киру и готовы столкнуть в пропасть.

— Не знаю о ком ты говоришь. Это другой регион, мы не отвечали за эти объекты.

— Я тоже объект?

У Киры красное лицо. Грудь ее вздымается от волнения. Тайка понимает что сказала лишнее.

— Это всего лишь корпоративный жаргон, не заходишь так. Ты нужна нам для программы возрождения. Это хорошо оплачивается, за каждый год ты получишь по миллиону за маленьким минусом. Плюс социальные льготы и страховка на все случаи жизни. Работа не пыльная, особо напрягаться не придется. Отработаешь положенное, потом делай что хочешь. Можешь уехать на юг Франции. На пенсии там в достатке живут многие наши сотрудники. Или мало ли куда? Хороших мест много.

— Я хочу позвонить.

— Можешь позвонить сверху, из спальни.

Кира вскакивает, сгребает свою одежду и бежит вверх. На телефоне набирает мобильный Муси, мысленно умоляя ее, чтобы она взяла трубку. К счастью подруга сразу отвечает. Записав адрес, Кира быстро переодевается. На оттоманке около кровати валяются странные вещи: кожаный лифчик с металлическими острыми наклейками, короткая плеть, открытые наручники и еще какие-то непонятные приспособления. Она быстро натягивает свитер. Когда она поднимает голову от шнурков ботинок, на антресоли около двери в спальню она видит Тайку. Глаза у нее нехорошие.

— Я покажу тебе кое что, — говорит она глухо.

Паника охватывает Киру, что же делать? Тайка тем временем перемахивает через ограждение и встает с другой стороны. Ступни ее просунуты между стойками, двумя руками она держится за перила. Она опять собирается прыгать, за спиной у нее четыре метра высоты. Ну нет, этого довольно! Кира хватает наручники с оттоманки и подсакивает к перилам.

— Смотри, дурочка, — говорит Таисья и на вытянутых руках подается назад. Тело ее нависает над пустотой. Изловчившись Кира надевает один наручник на запястье ее руки, а

второй пристегивает к одной из стоек под перилами. Тайка разжимает пальцы, чтобы упасть, она еще не поняла что произошло. Но в следующую секунду ощутив наручник, свободной рукой тут же хватается Киру за хомут свитера. Руками и животом Кира изо всех сил упирается в перила. Тайка утягивает ее вниз, но уже в следующее мгновение отпускает Киру и цепляется за поручень. Все это длится секунды, но обоим кажется что гораздо дольше. Кира мгновенно отпрыгивает в проем двери, ведущей в спальню. Тайка же перелезает обратно на террасу. Кира вжимается в стену, и по глазам Тайки понимает, что они враги навсегда.

Тайке хочется позвонить в Центр и попросить о сценарии 32. В ее груди жаркой волной поднимается ненависть к этой маленькой сучке. Она бросается вперед, чтобы схватить ее, но тут же взывает от боли. Наручники впиваются в руку и отбрасывают ее назад. Не хватало каких-то сантиметров чтобы добраться до балерины. Так близко и так далеко! Она облокачивается задом о перила, глаза ее суживаются и она тихо приказывает:

— Принеси ключ.

Ключ от наручников лежит в спальне, рядом с хлыстом и кожаным лифчиком. Кира медленно, по стенке начинает двигаться в сторону лестницы.

— Ключ!

Отойдя на недостижимое расстояние, Кира стремительно бросается вниз. Сбежав с лестницы накидывает пуховик.

— Ты не знаешь, на что нарываешься, тварь! — орет с антресоли Тайка.

На стеклянном столике лежит ее Верту. В контактах Кира находит номер Зигги, но он не берет трубку, через пять сигналов включается автоответчик. Она оставляет голосовое сообщение: Зигги, у Таи большие проблемы. Ей срочно нужна твоя помощь. Ключ на тумбочке около кровати. В этот момент прямо над ней Тайка издает вопль взбешенного животного.

— Принеси ключ, сука!

С тумбы на фигурных ногах, до которой можно дотянуться свободной рукой, она срывает огромную вазу и с размаху швыряет вниз. Пригнувшись, Кира закрывает руками голову. Тяжелая ваза с грохотом приземляется на стеклянную столешницу, осколки разлетаются по всей комнате.

— Гребаная сука! — в ярости взывает Тайка.

Это последнее что слышит Кира, поспешно выкатывая чемодан из квартиры.

Глава 32

На столе кожура от яблок, рассыпаны семечки. Около дивана гора коробок с обувью, платья еще с неоторванными бирками перекинуты через подлокотники дивана. На полу как сброшенная змеиная чешуя тускло переливаются чулки. Свет очень тусклый, потому что в люстре из восьми горят только две лампочки. Кира разглядывает линяющие синяки Муси. Она вся желто-сиреневая, но ничего, не тушует. Закинув ногу на ногу, она пристраивает сигарету в зубчиках вилки. Питекантроп запрещает курение, поэтому пачки прячутся за батареей. Когда Муся курит, надевает на руку полиэтиленовый пакет или всаживает сигарету в вилку. Руки не должны пахнуть табаком. В квартире курить нельзя, поэтому они выходят в

подъезд. Кира не может скрыть сострадания на лице, даже в роскошном, отливающим лоском халате и шлепанцах пин ап, Муся выглядит очень плохо.

— Что, не можешь насмотреться? — звонко спрашивает подруга.

— Невыносимо хороша, — соглашается Кира. — И это совсем свежие. Вчерашние, да?

Она многозначительно смотрит на расцарапанную шею подруги.

— В этой жизни нужно платить за все. Зато квартира... Это очень хороший район.

После Тайкиных апартаментов, Киру мало что может впечатлить, но она кивает, чтобы не расстроить подругу.

— Дороговато обходится, с каждым днем ты все краше, скоро живого места не останется.

— Каждому свое, небитые по городу с чемоданом таскаются, им головушку негде приклонить.

— Давай уйдем вместе? — просит Кира.

— И куда же мы направимся?

— Какая разница? Посмотри, на что ты похожа.

— Это ты меня жалеешь? На себя посмотри, кто тебе помог? Друзья твои новые — сектанты сумасшедшие? Нет! Глеб Зимин? Нет! И к кому ты побежала? У битой Муси ты сейчас сидишь!

Муся картинно прислоняется к двери, металл холодный и она тут же подается вперед. Ее злит, что Кира смеет осуждать ее, уж не лезла бы со своими советами. Выкинули ее на улицу, как собачонку. И кто приютил? Муся, которой Гриша снимает квартиру. Да, он может иногда... Но Гриша не жадный и покупает ей много вещей. У нее есть крыша над головой, набитый до отказа холодильник и может быть завтра она получит сумку, о которой давно мечтает. Внизу хлопает железная дверь, Муся вздрагивает. Ее встревоженные глаза останавливаются на Кире, но она кажется не видит подругу. Она напряженно слушает как лифт проезжает мимо их площадки. Вздохнув с облегчением, снова затягивается и начинает подробно перечислять что за последнюю неделю купил ей Гриша. Пусть подруга знает, что кроме горестей у Муси есть много светлых моментов в жизни.

Кира видит, что Муся играет гранд даму. И это так не идет ей. У нее даже на лодыжках ссадины. Что же он делает с ней, этот ублюдок? Тем не менее Муся старается делать хорошую мину при плохой игре. Голова победно поднята, рука с вилкой и сигаретой на отлете, ножка выставлена в разрез халата. Брови играют, фигурные губки порхают. Именно так она себя и вела, когда Заболоцкий повесился. И вот еще что-то новое: У нее нотки барыни, у которой полный дом крепостной дворни: Мой косметолог, моя маникюрша, моя уборщица... В подъезде сквозняк. Кире хочется только одного — лечь в кровать, накрыться одеялом с головой, и чтобы все вокруг исчезло. Сгинули чужие квартиры, Муся, и вся Москва.

— Завтра найдем тебе комнату, — говорит Муся.

— Деньги кончились, мне работа нужна.

— Ну и это тоже... Я могу продать кое-что, на первое время тебе хватит. Гриша не дает денег, он делает подарки. Можно устроиться в магазин. Лучше всего в мужской, где продают дорогую одежду, там можно знакомиться с состоятельными мужчинами.

— Меня тошнит от состоятельных мужчин.

— Лучше пусть тебя тошнит от них, чем от голода.

— Муся, давай уйдем вместе? Я боюсь!

— За меня бояться не нужно. Бойся за себя, это ты без крыши и денег осталась и меня за собой хочешь? Я там уже была и плавала, чуть не утонула. С меня хватит.

Она осторожно тушит сигарету о кафель и заворачивает окурок в пластиковый пакет.

Огромное оранжевое солнце заходит за горизонт. Черное, страшное море раскачивает лодку и обрушивается на Киру и Глеба ледяным шквалом. Их ноги по колени в воде. Кире так холодно, что она не чувствует своих рук, ног, лица. А Глебу жарко, он раздет до пояса. Щеки его растушеваны румянцем, мускулистые плечи напряжены от весел. Кира протягивает к нему дрожащие руки. Улыбаясь, он вытягивает весло из воды и тычет им Кире в грудь. Лопасть проваливается в нее, проходит насквозь, но она ничего не чувствует. Он опускает весло обратно в воду и уже не смотрит на Киру, а остервенело гребет навстречу закату, в пол-горизонта солнцу. Лодка вплывает в низкое, плотное облако, теперь Глеб то появляется, то исчезает за молочными клубами. Когда облако редет, она оказывается в лодке одна. В небе собираются темные фигуры, они как водомерки по воде скользят по воздуху. Рассматривают Киру, как энтомологи рассматривали бы редкое насекомое под микроскопом. В их лицах несомненно интерес, но не сулящий ей ничего хорошего. Длинная рука опускается с неба и тычет Киру в затылок так сильно, что она падает со скамьи на днище лодки, лицом в холодную воду. Схватившись за сиденье она встает с колен, но огромные пальцы одним щелчком опрокидывают суденышко и она оказывается за бортом в ледяной, черной, бескрайней воде.

Сонная одурь развеивается и перед собой она видит Мусино лицо. Подруга трясет Киру за плечо, на ее заспанном лице наклеена вымученная улыбка. Глаза у нее бегающие и испуганные.

— Вставай, Гриша пришел. Он хочет с нами поужинать.

Кира медленно садится. Прямо напротив, развалившись на кресле сидит Питекантроп. В руках у него стакан с темно-желтой жидкостью. Прямо над ним висят огромные часы, половина-второго ночи. Какой ужин, — думает Кира. — Он что, ест круглые сутки?

— Здорово, — ухмыляется он.

Кира удивляется, что он умеет разговаривать, ему не идет это.

— Здравствуйте, — отвечает она.

Нужно одеться, но Питекантроп выходить не собирается. Он цедит из стакана и рыщет по ней глазами. Прочистив горло, Кира просит :

— Не могли бы вы выйти, мне переодеться...

Он нехотя встает с дивана и отпинывая в сторону Мусины новые сапоги, выходит на кухню. Быстро одевшись, Кира выходит вслед за ним. Муся уже нарезала горкой хлеб, вареную колбасу и огурцы. Яичница шкворчит на сковороде, на столе стоят две бутылки. Одна с водкой, другая с Реми Мартин. Питекантроп криво улыбается, прикладывает телефон к уху и подмигивает Кире.

— Лех, здорово! Ты че спишь? А че так рано, вечер только начался. Слышь, приезжай, посидим... У меня тут девчонки.

Мусино лицо зеленеет и она испуганно взглядывает на Киру. Питекантроп двигает ей стакан и она поспешно доликает в него коньяк, руки ее дрожат. Он тут же шумно

отхлебывает.

— Не, до Зверя не могу дозвониться. Да ты че! Што че он сказал? Што че? Не, ну понтовщик, сука!

Кира зажмуривается, Питекантроп — настоящий скот.

— Ну че, приедешь? Давай, через полчаса чтоб был.

Глаза у Питекантропа осоловевшие, но в них нет пьяного умиротворения. Выпив залпом коньяк, он жрет прямо из сковороды. Поддевает яичницу вилкой и ошметки ее падают на стол и его брюки. Он не замечает, а смачно хрустит огурцом и молодецки поглядывает на Киру.

— Тоже из балетных?

Она кивает, ей не хочется с ним разговаривать. Он заглатывает еще одну рюмку. Кире противно слышать как он чавкает. Муся снова доликает ему, хотя Кире кажется что ему лучше уже не пить. Ковыряясь в зубах вилкой он беззастенчиво разглядывает обеих подруг.

— Девчонки, как гулять будем! — зло и задорно говорит он. — Танцевать будете леБЛЯдиное озеро. В упряжке, в упряжке!

— Упряжки для тягловых животных, — не выдерживает Кира.

Он зычно хохочет.

— Дерзкая, да? А если дерзкая, че такая худая? Ешь! — командует он.

Муся следит за каждым его движением, старается предугадать все его желания. И каждый раз подает ему то нож, то хлеб, то двигает сковороду в его сторону. Он роняет огурец себе на джинсы, она сразу же подает ему салфетку. Но он вдруг размахивается и сильно бьет ее по руке. Глаза ее наливаются слезами, но она улыбается.

— Сапоги новые надень, — приказывает он.

Муся вскакивает и бежит в гостиную. Питекантроп ощупывает глазами Киру с головы до ног.

— Худая, — с сожалением говорит он себе и бросает огурец в тарелку.

Муся возвращается в новых сапогах. В руках маленький пакетик.

— Разверни.

Дрожащие руки достают коробочку и открывают ее. Под ярким кухонным светом блестит золотая цепочка.

— Надень.

От волнения Муся не может справиться с застежкой. Кира помогает ей.

— Зарисуйся! — манит пальцем Питекантроп.

Подруга наклоняется к его красной морде. Огромная его пятерня ложится на лицо Муси, толстыми, крепкими пальцами он продавликает ей лицо и тянет к себе. Чтобы не упасть, Мусе приходится обеими руками опереться о табурет.

— Ты у меня ничего. Красивая...И жадненькая...Сучка!

Кира вскакивает с места, ее высокий стул с грохотом валится набок. Питекантроп отпускает Мусю, белые пятна от его пальцев остаются на ее лице.

— Хочу, чтобы весело, бляди! — вдруг орет он, — Сейчас приедет Леха и у нас будет праздник всех трудящихся. Всех трудящихся шлюх, бывших работников театра.

Он начинает зычно ржать.

— Ты! Иди сюда, — зовет он Киру и похлопывает себя по ляжкам.

Муся вскакивает и хочет присесть к нему на колени вместо подруги. Но он сталкивает ее с такой силой, что она падает и ударяется головой о стойку с кастрюлями. Кира кидается

поднимать ее, но как только Муся оказывается на ногах, она отталкивает Киру как можно дальше, к двери кухни.

— Уходи, немедленно, — испуганно шепчет она. — Беги со всех ног, завтра созвонимся.

— Иди сюда, я сказал, — угрожающе говорит Питекантроп Кире и придавливая своим тяжелым взглядом. — Не выделывайся, я же видел как ты каталась с тем доходягой, на Ягуаре. А теперь стесняешься!

Муся кладет ему руки на плечи.

— Гриша, Гриша, — осторожно зовет она его, как спящего. — Это же моя подруга.

— Хочу весело! — настаивает Питекантроп. — Сделайте праздник, шлюхи. Я что, зря кормлю?

Он хватается Мусю за руку и выворачивает ее. У нее меняется лицо и она стонет от боли. Второй рукой он с силой бьет ей в плечо. Еще раз, потом ритмично, в каждую секунду она получает новый удар.

— Отпусти ее, — вдруг говорит Кира. — И я подойду.

— О! — удивляется Питекантроп. — У нас язык есть, оказывается. Умеешь языком, значит?

Ухмыляясь и не отрывая своих запавших глаз от Киры, он отталкивает Мусю. В Кире нарастает жаркая ярость и одновременно холодное безразличие ко всему, что произойдет сейчас или после. Ей все равно, она устала бояться. Она не допустит, чтобы ее снова лапали как на вокзале. Схватив за ухват еще не остывшую сковороду с яйцами, она изо всех сил опускает ее на голову Питекантропу. Сковорода чугунная, литая еще во времена, когда не жалели хорошего материала на вещи. Опметки яиц летят во все стороны. Киру так трясет от ненависти, что она замахивается во второй раз, но больше уже не может ударить, хотя ей хочется бить и бить по этой пустой голове и телу, которые наполнены только алкоголем и закуской. Съехав со стула Питекантроп беззвучно оседает на пол. Теперь она чувствует, как сильно ухват жжет ее ладонь. Она разжимает пальцы и сковорода с грохотом падает на пол. Пальцы все в волдырях. Муся тащит ее в ванную и засовывает руку под ледяную воду. Истерический смех пронизывает Мусю, она закрывает кран и сгибается пополам. На кухне Питекантроп все еще лежит неподвижно, уткнувшись лицом в пол. Подруги не отводят глаз с его огромного корпуса. Пальцы его начинают подрагивать и Муся сразу же бросается в спальню. Она открывает шкафы и выкидывает их них платья, полушубки, свитера, ремни, сумки. Старенький, но объемный чемодан не состоянии вместить кучу этого барахла.

— Что ты наделала? Что ты наделала? — причитает она.

— Животное, просто животное... Которое умеет разговаривать. Брось все, — кричит Кира. — Сейчас придет тот, другой.

— Леша, — шепчет Муся, прижимая к груди очередной клатч. По ее ужасу в глазах видно, что Леша не лучше Гриши.

— Я тебя умоляю, пойдем, — просит Кира.

— Ну хотя бы что-то еще... Мне это слишком тяжело доставалось.

Кира уже одетая, она понимает, что бежать нужно немедленно. Муся вдруг застывает с ворохом вещей в руках. Теперь Кира тоже слышит как басом стонет Питекантроп. Одновременно обернувшись как по команде, они видят его в проеме кухонной двери. Голова залита кровью, он качается, но держится на ногах и расставляет их пошире, чтобы не упасть. Им кажется, или вправду на его лице бешеная радость? В этот момент раздается звонок в

дверь, Питекантроп широко усмехается и эта ухмылка не сулит подругам ничего хорошего. Путь отрезан. Хотя ее и Гришу разделяют всего несколько метров, Муся кидается в прихожую и возвращается в комнату с его пальто и спортивной сумкой.

— Стой, сука! — кричит он. Шатаясь идет прямо на них, но Муся захлопывает дверь спальни прямо перед его мордой и кричит Кире: Держи! Дверь держи! Кира всем телом бросается вперед и подпирает ее. Выгребши все из кармана пальто, Муся находит связку ключей. Питекантроп наддает снаружи, потом еще. И Кира чувствует, как с каждой секундой он становится все сильнее, ноги ее уже поехали по паркету от двери.

— Не могу больше, — кричит она.

Дверь приоткрывается и в щели Муся видит красное от крови, ликующее лицо Гриши.

— Аааа! — восторженно орет он.

Она находит какой-то нужный кривой ключ и тоже врезавшись плечом в дверь, помогает Кире захлопнуть ее. Напрягшись изо всех сил, они умудряются зафиксировать ее на секунду и Муся наконец закрывает замок на два оборота.

Лицо у Муси бледное, она тяжело дышит и прислушивается. Ее сильно тревожит что происходит в другой комнате. Хлопает входная дверь. Они обе вздрагивают. Муся находит еще два ключа в связке и дрожащей рукой запирает остальные замки.

— И что теперь? — спрашивает Кира.

— Дверь укрепленная, сломать ее не смогут. Второй ключ на даче. Съездят за ключом и тогда все... Нас убьют. — говорит она Кире немного отдышавшись.

— А из хорошего? — горько шутит Кира.

Она бросается к окну. Четвертый этаж, но можно, наверное связать простыни и занавески... От мысли что придется лезть в окно у нее деревенеют ноги. Но это единственный выход. Она одергивает шторы и стон отчаяния вырывается из ее груди. Крепкая частая решетка лишает их этой возможности.

У Муси замирает сердце. В этой комнате находится встроенный в стену сейф с деньгами, поэтому Гриша и укрепил дверь. Если бы грабители взломали входную, сюда бы они точно не смогли добраться. Здесь, в приступах недовольства или в качестве наказания, Питекантроп часто запирает ее. Без телефона и телевизора, без туалета и воды. За кроватью пластиковое ведро, чтобы она могла сходить, если ее совсем припрет. Он любит наказывать, теперь ему весело, потому что наказывать нужно будет двоих. Сквозь кровь на его лице, она увидела как глаза его сверкали желанием уничтожить их. Кира помогла ему найти способ развлечься. Он хотел чтобы было весело, и теперь ему будет весело.

— Телефон, — вскакивает Кира. — Звони в полицию!

— Ничего не получится, — Муся нервно смеется, валится на кровать и катается по ней, кажется у нее опять истерика.

— Дай телефон! — требует Кира.

Они обе слышат как снаружи стараются выставить дверь. Гриша и Леша орут в возбуждении. Видимо они оба не только оба любили, но и знали как нужно наказывать. Слышится голос Питекантропа:

— Я тебе говорил, что их двери самые крепкие!

— Инструменты есть?

— Ее не выломаешь, я же ставил спецак. Здесь только ключом... На дачу нужно ехать. Девушки, ау! — орет Питекантроп. — Может откроете а? — Он прикладывается губами к

проемной щели и выпаливает скороговоркой негромко, но так чтобы они услышали. — Мусенька я тебя не убью, и подругу твою тоже, открой по хорошему.

Подождав с полминуты он со всей силы пинает дверь и орет:

— Муся, сука, открой! Ты будешь умолять, чтобы я тебя пристрелил!

— Даже не думай, — шепчет ей Кира.

— Ты что, я слишком хорошо его знаю!

— Он уголовник? — спрашивает Кира.

— Что-то вроде этого.

— Дай телефон, — требует Кира. — Будем звонить в полицию.

— Бес-по-лез-но. Леша — мент и знает всех районном отделении. Ты вызовешь наряд, а

Леша уже здесь, им и ехать не нужно.

— Один уголовник, а второй мент?

— Нам никто не поможет, побоятся.

Муся опять смеется и снова валится на кровать, но вдруг замолкает и глаза ее останавливаются.

— Я не хочу умирать.

Кира прикладывает ухо к двери. Сильный удар снаружи тут же заставляет ее отскочить.

— Ты за ключом не поедешь, в хлам пьяный же, — уговаривает Леша Питекантропа. — Звони Зверю.

Кира хватается за сумку и вытряхивает все ее содержимое на кровать. Вместе с кошельком, салфетками, косметичкой и паспортом высыпаются визитки. Она на мгновение останавливается на синей с золотым, но откладывает ее в сторону. Это визитка Глеба. Из нескольких других она выбирает самую скромную, белую с черным шрифтом. Трубку не берут долго, наконец гудок прерывается.

— Игорь Алексеевич, это Кира Милованова...

— Кто?

— Кира. Помните?

— ...Ах, да! Слушаю, — наконец вспоминает Туровцын.

Голос его холоден.

— Игорь Алексеевич, мне очень нужна ваша помощь. Помните вы говорили, если вдруг что-то случится...

— Я в Мумбаи на переговорах... Позвони мне через пару часов.

Кира набирает в легкие воздух.

— Я не смогу, через пару часов нас убьют.

— Что?

Кира шепотом объясняет ситуацию. В трубке с минуту тишина, но ей кажется что прошла целая вечность. Туровцын не торопится отвечать, он видимо что-то обдумывает.

— Я обещал помочь?

— Да, — упавшим голосом говорит Кира. — Вы мне визитку дали.

— Ну что же... Я всегда держу свое слово. Но я не люблю неблагодарных людей, и мне не нравится когда меня используют. Кое что я хочу взамен. Ты понимаешь?

Кира молчит.

— Я помогу, если ты согласна...

Страшный удар сотрясает дверь.

— Да-да! — прерывает его Кира.

— Давай договоримся сразу... Если нет, позвони в полицию и удачи тебе, я не люблю просто так терять время.

Кира смотрит на Мусю, в глазах подруги мольба и надежда на то, что они могут выбраться.

— Да.

— Даешь слово?

— Да, — вздыхает Кира и глаза ее затапливаются слезами.

— Где вы находитесь?

Она называет адрес.

— Хорошо.

Туровцын кладет трубку.

— Приедет? — спрашивает Муся.

— Я не знаю, он в Индии, — сквозь рыдания отвечает ей Кира.

Неожиданно раздается дверной звонок. Муся вздрагивает, а Кира вскакивает с кровати и подбегает к двери. Она прикладывает ухо и тут же поджав губы отрицательно качает головой. Надежда гаснет в глазах у Муси, она снова опускает голову на подушку. Это не помощь, к Грише пришел еще один знакомый. За дверью громче топчутся, возня усилилась. Слышится низкий мужской смешок и другой, безумный, похожий на гиений хохот. Вдруг взвизгивает электрическая дрель и тут же смолкает. Из-за двери слышится мат. Ледяной рукой Муся хватает подругу за руку.

— Нас убьют, но сначала будет гораздо хуже, — шепчет Муся.

— Это я во всем виновата!

Муся качает головой.

— Ты защищала меня.

Подруги обнялись.

— Поговори со мной о чем-нибудь, — просит Кира. — О чем-нибудь хорошем, очень хорошем.

— Я видела Заболоцкого.

— Вы встречались?! Когда?

— Когда Алиш выгнал из квартиры. Денег не было, два дня не ела, ночевала с ментами на вокзале. Приперло меня совсем. Пошла к театру и подождала Ники после спектакля, у служебного входа. С другими сумасшедшими дурами, знаешь, у него теперь свой клуб.

— Вы помирились?

— Ну что-то вроде... Все брали у него автографы... Чтобы пошутить, я тоже взяла у одной листок из блокнота. Растолкала всех и протянула ему...

Громкий звук дрели утопил голос Муси, она закрыла уши руками. Через несколько минут один из замков хрустнул и за дверью раздался восторженный рев. Вздрогнув, Муся крепче прижимается к Кире, даже через свитер чувствуется холод ее ладоней.

— И что?

— И все.

— Как?

— Он подписал, улыбнулся и пошел к машине.

— Муся...

Кира плачет. Она понимает какое унижение испытала подруга, стоя возле служебного

входа. Голодная, замерзшая, и идти ей было совершенно некуда.

— Он не узнал тебя? — с надеждой спрашивает она.

— Нет, почему? Он сказал: А, это ты, привет! И пошел к машине.

За дверью вновь яростно визжит дрель, Муся закрывает глаза. Хрустнул еще один замок, по двери тарбанят и запевают многоголосьем: Отваари, потихооооньку калииитку...

— Он не может простить, — говорит ей в ухо Кира.

— Псих ненормальный! Да что прощать то? И потом, я уже полностью заплатила. В театре травили, Алиш выгнал как собаку, теперь вот это человекообразное... Теперь держись, остался последний замок.

— Я просто так не дамся.

— А что ты сделаешь? Плюнешь им в лицо?

Взявшись за руки они встают напротив двери. Сейчас она распахнется под напором шести крепких мужских рук, ног, плеч, локтей и тогда настанет время тяжелых испытаний. Эти же руки и ноги будут делать с ними страшные вещи. Сердце у обоих бешено колотится, Кира старается не думать о матери. Сверлящий звук возобновляется, дрель выгрызает третий замок. Девочкам кажется что это продолжается бесконечно. Сейчас раздастся ломкий хруст и квартиру заполнят совсем другие, человеческие звуки. Сильный удар расходится волной по всей квартире. На потолке ходуном ходит люстра. Но дверь в комнату все еще закрыта. Разный по силе шум доносится из-за нее. Но он совсем другой, не тот что прежде. Там что-то падает, разбивается, ломается и катится по полу. Слышны глухие удары, топот тяжелых ног, стоны и мат сразу нескольких человек. Потом все стихает и в дверь осторожно стучатся.

— Девчонки, открывайте! Вы звонили Игорю Алексеевичу?

Глава 33

Тайка устала ждать. Стойка тонкая и наручник свободно ездит по ней. Но все равно рука затекает и ей часто приходится менять положение. Сразу после того как ушла Кира, она в бешенстве рвала себе руку. Потом попробовала выбить стойку или сломать перила, но все было сработано на совесть и эту затею пришлось оставить. На запястье проступили подтеки стертой кожи и будущих синяков. Время идет, но ничего не происходит. От нечего делать, один за другим она расстегивает свои серебряные браслеты и бросает их вниз в холл, прислушиваясь к глухому стуку. Жалко только один с турмалинами, камни дорогие. Подержав его в руке, она кладет его рядом с собой на пол. На запястье остается только толстый браслет наручника. Черт бы побрал тренера! Это он притащил все эти шуки для постельных экспериментов. Она и сама не прочь пошалить, но нужно было ему припереть всю эту развлекуху именно вчера! Балерина воспользовалась и оставила ее в дурах. У Тайки нет сочувствия к этой тупой и правильной суке. Центр ценит Киру за набор генов, которые плавают в ее крови, плоти и костях. Тайка не признается себе, но в глубине души завидует Кире. Подобное чувство наверное, испытывает честолубивый родственник монарха. У нее самой девятая категория, но теперь ценность ее обнулена, она нужна Братству только как исполнительный работник. Как Далаки или Еникеев — обычные наемные скваи, которым хорошо платят, но не церемонятся, если те нарушают правила. Каждый раз когда она думает, как легко ее могут пустить в расход, у нее остывает кровь. Ее будущее зависит от Киры. Провал этой миссии обойдется дорого. Зигги прав, паршивый ублюдок с самого начала знал, что Кира сложный объект. Но ничего, как только Тайка вырвется, она загонит эту овцу в Санаториум. Так или иначе! А вдруг не получится и она не совладеет с Кирой? До этого

вечера она была самонадеянна, верила в Кирину мотыльковость и жестоко заплатила за это. Балерина оказалась гораздо крепче. Если Тайка провалит задание, придет группа ОЭР и головорезы сделают все сами, Тайку сместят с должности и Таракан въедет в эту квартиру. За эту мысль она ударяет себя по щеке, нужно встряхнуться, что за пораженческие мысли? И не таких обламывали. Где же Зигги? Он совсем не торопится, а ведь заботливая дрянь — Кира оставила ему сообщение. Теперь он порадует, ему будет приятно увидеть Тайку в таком идиотском положении.

Шаги вниз. Наконец-то!

— Зигги! — кричит она.

Никто не отзывается. Видимо он хочет развлечься и нарочно пугает ее. Это конечно же он! С нижних стеллажей на пол с грохотом валятся книги, опрокидываются стулья, кто-то ходит по битому стеклу. Тайке не по себе, она пытается просунуть голову между стойками, чтобы разглядеть что происходит внизу. Но слишком узко, голова не пролазит. На кухне что-то падает и разбивается вдребезги.

— Зигги, свинья!

Тишина. Плечи покрываются зябкими мурашками, неужели из центра? Отдел экстренного реагирования — ОЭР? Или аудиторы с проверкой? Может Таракан написал рапорт? Ему это выгодно, пнуть Тайку под дых одной запиской, ведь есть о чем написать. Она прикарманивает деньги Братства, покрывает выкрутасы Зигги и выжирает по бутылке Шираза в день. Этого более чем достаточно. В этот раз ее даже не поволокут в Центр, все сделают на месте. Молодчики из ОЭР — настоящие бешеные волки. У Когля холодные, безжалостные глаза и ему есть за что ее ненавидеть. Ее шея до сих пор помнит его руки, тогда она почти умерла. Глаза вышли из орбит и все, вместе с перекошенной рожей Когля, поплыло в сторону. Обыденность смерти удивила ее и последней мыслью перед обмороком было: Неужели я сейчас умру?

Внизу кто-то энергично ходит. Ее одолевает страх животного, обреченного на гибель. Тайка отползает как можно дальше от заграждения. Шаги ближе, прямо под антресолю она слышит хруст стекла. Теперь, если бы она захотела, она могла бы увидеть. Стоит только прислонить лицо к ограде, но испуг сковывает ее. Шаги на лестнице, тишина. Потом опять ближе и ближе. Когль вытянет из нее жилу за жилой, выльет кровь как старый чай из стакана, раздробит в пыль кости. Она плотно зажмуривает глаза. В этот момент раскатистый хохот оглушает ее. Согнувшись пополам от смеха перед ней стоит Зигги.

— Козел! — возмущается Тайка, но как она счастлива его видеть!

— Ну ты крутая! — заливается он. — Подожди, я тебя сфотографирую!

Зигги якобы лезет в пальто за телефоном. Тайка машет на него рукой и совсем ложится на пол. Серое, изуродованное страхом лицо ее расслабляется и она теперь может слабо улыбаться.

— Я сейчас или сдохну, или обоссусь, — умоляет она, — Ключ в спальне, на оттоманке.

Освободившись, она сразу же устремляется в туалет. Выйдя оттуда набрасывается на Зигги.

— Где ты был, тощая свинья? Я здесь загорала четыре часа!

— Я спал.

— Ты, блять, незаменимый член команды! Тебе нужно было так пугать меня? Я думала

это Когль!

— Прости, я просто прошелся по своей бывшей квартире. В конце концов, имею я право на маленькую ностальгию?

Зигги проходит мимо нее в спальню и запрыгивает на кровать.

— Ботинки! — вскрикивает она.

— Вот на этой стене висел портрет.

— Лили, — упавшим голосом подсказывает она и закатывает глаза.

— Мы там вдвоем... Улыбались. И думали что так будет всегда.

Зигги прикуривает. Тайке хочется отнять у него сигарету, но ее сдерживают его серьезный тон и непривычно ясные глаза. Давно у него не было таких. Интересно, что он выкинет в следующий момент? Нужно быть осторожной.

— Было стремно выезжать отсюда, — замечает он.

— Не вешай мне чувство вины, дружок. Квартира числится за начальником отдела. Ты облажался с Лилей и Клоповым. Тебя сместили, при чем здесь я?

Пепел сигареты падает на кровать. Покрывало из мюлберри шелка, Тайке его жалко. Она переводит злые глаза на Зигги. Он явно провоцирует, всегда умеет выбрать самый неподходящий момент. Сейчас ей не до сентенций этого вонючего широмана.

— Давай не будем терять время, Зигги? Мы уже не так близки, чтобы делиться своими фрустрациями. Надо найти Милованову.

Тонкой быстрой струйкой он выдувает дым.

— Ты мне расскажешь что здесь произошло?

Она вздыхает.

— Кира вцепилась в меня, и я потеряла равновесие. Ты знаешь что у этой дуры акрофобия?

— Это смешно! Акрофобия у аерахии?

— Настоящее вертиго! Я и не думала, что она так боится высоты, вопила как прихлопнутая дверью кошка. Сбила меня с ног, и я не успела настроиться. У меня внутри все сжимается от мысли, как я могла переломаться! Валяться месяцами в клинике, сращивая кости...

— Они никогда не срастаются.

— Срастаются. Они нашли сапплемент, который способствует... Была рассылка, плохо что ты никогда не читаешь почту.

— Очередная брехня, чтобы не жалели себя на рабочем месте. Кости никогда не срастаются. Покажи мне хотя бы одного, кто встал после переломов. Йоган-лошадник, помнишь его по Праге? Маленький такой хохотун? Чемпион по конкуру? Лошадь шарахнула его позвоночником о барьер. Сама впрочем тоже сломала ногу. Ее пристрелили на месте, знаешь, у лошадей тоже не срастаются кости... Я бы на месте Йогана попросил пристрелить себя там же, около бешеной коняки. Если бы он был скваем, у него был бы шанс, в этом плане сквай живучие, должно же им хоть в чем-то повезти! Если бы у Братства был сапплемент, Йоганн уже давно сидел бы в своем кресле. Думаешь руководство пожалеет таблеток для третьего кресла в Европе? Он лежит на вилле в Ницце, за ним хороший уход, каждые четыре часа ему вливают болеутоляющее. Но его радует не только это, в этом городе всегда хорошая погода.

— На меня бы пожалели и болеутоляющих, — с горечью говорит Тайка.

— Ты умнеешь, детка. Я всегда говорил у тебя есть потенциал, и этот процесс когда-

нибудь начнется. Что ты сказала Кире?

— Все, что предписано инструкциями...

— Весь этот нездоровый эпос? Корпоративные легенды, написанные для новичков? Ты бы еще показала ей портрет отцов-основателей! У тебя же есть в кабинете!

Он смеется.

— Упрямая сука! — злится Тайка. — Я не смогла установить раппорт, она смотрела на меня как на сумасшедшую. Сорвала демонстрацию и собралась уйти. Тогда я решила показать ей с антресоли. Тут все и произошло. Она застала меня врасплох... — потирая красный обвод на запястье, она зло смеется. — Зигги, что я сделала не так?

— Ты возненавидела ее с самого начала, а это всегда читается. Какой тут может быть раппорт? Ты не отражала, а делала все, чтобы подчеркнуть разницу между вами. И потом, ты привыкла к людям определенного сорта. В первый раз тебе попалась не лаптем деланная штука, и ты облажалась.

— Тебе легко говорить, у тебя не было таких сложных объектов.

Это было неправдой, Зигги обламывал всех. Так или иначе. У него был талант нравиться людям и находить те незаметные, торчащие из них эмоциональные нити, за которые он всегда незаметно мог потянуть для нужных ему реакций. Превзойти его в этом было сложно. Тайка понимала, что сейчас она не может обойтись без него.

— Что делать? — взмаливается она.

— Немного подождать, небольшая пауза пойдет всем на пользу.

— Я не могу ждать.

— Полезешь к ней сейчас, все испортишь. Просто так она не сдастся, ее нужно довести до полного отчаяния. Если мы не задавим ее жизненными обстоятельствами, нам придется просить центр о сценарии 32. Этим ты распишешься в своем профессиональном бессилии. А Центр никогда не одобрит Киру в состоянии ВД. Она нужна добровольно обращенной. Все кончится группой быстрого реагирования. Ее заберут насильно, но без тебя. Миссия провалена!

— Я не могу провалить это дело, Зигги, помоги!

— Мы вместе детка, не дрейфь. Мне это нужно даже больше, чем тебе. Я это сделаю из-за Лили.

Опять он за свое! Тайка начинает отчаиваться, мало ей проблем с Миловановой.

— Лилию не вернут, Зигги. Все подумают что ты нюхал, что впрочем будет не так далеко от истины.

— Конечно не вернут..., — неожиданно соглашается он. — Я снюханный перец, Тая и меня частенько заносит, но в некоторых вещах я еще понимаю.

Наконец — то он говорит как вменяемый, — думает она.

— Мне дадут свидание. Я увижу ее, пусть всего один раз, но увижу. Я говорил с Хальстромом, и он согласился. У меня будет разрешение на встречу с Лилей.

На голове у Тайки волосы встают дыбом. Белеют и трясутся губы.

— Что!? Тебе пообещали свидание?

— Да, он пошел мне навстречу, старина Хальстром... Когда-то мы были с ним очень дружны. Однажды, когда он еще был никем, во время Парижского семинара мы познакомились с тремя француженками...

— О да, это известная история, как вы вдвоем трахали трех шлюх в одном номере. Тогда ты не очень заботился о Лиле! — зло восклицает она.

— Я был кретином, но я изменился.

— Ха-ха-ха! Я сейчас умру от смеха! — кривится Тайка. — А почему Хальстром так расщедрился? До сих пор признателен тебе? Ведь до этого семинара он был пушистым одуванчиком, а ты показал ему как это делают настоящие мужики!

— Я дам ему Киру, а он даст мне свидание с Лилей.

Кровь бросается в лицо Тайке, оно полыхает яростью.

— Ты прыгнул через мою голову? Ты поставил условие директору, не спросив на то моего разрешения? Даже Хальстром не имеет полномочий нарушить устав и дать тебе свидание. Ты и Лиля не заслуживаете никакого снисхождения, а ты шантажируешь руководство за объект, которым ты и так обязан заниматься. А я что при этом всем, хвост собачий? Ты добиваешься randevu со своей телкой, расписывая Хальструму мое бессилие? И он договаривается с тобой, о том, что ты ему достанешь Киру? Тебе не кажется что нужно было сначала посоветоваться со мной?

— При чем здесь твоя голова? — пожимает плечами Зигги. — Ты отказалась помочь мне, я попросил сам. Твоя репутация чиста, сядь пожалуйста я не могу разговаривать, когда ты так носишься по комнате.

Тайку бросает то в жар, то в холод. То у нее горячи руки и леденеет лицо, то горят щеки и синеют кончики пальцев на руках. В волнении она распахивает шкафы, выдвигает полки, взбивает подушки на кровати. Зигги с подозрительным любопытством смотрит на нее, в таком смятении он давно ее не видел.

— Ну что ты, старушка... Успокойся. Никто не посягает на твое кресло, — насмешливо говорит он. — Зато теперь у меня есть стимул заниматься этой херней. Ты знаешь, я не буду драть жопу ради того, чтобы Глобал СЕО похлопал меня по плечу. Меня мало что держит, ты это знаешь, я могу соскользнуть в любой момент. Эта ваша смердящая пропаганда ...

— Наша?! Давно ли?

— Мне плевать на премии и награды. И мне нравится Кира Милованова, трогательная девочка. Я, кажется, понимаю, почему Далаки заявлял ее по заниженной категории. У него рыхлое, доброе сердце...

— Что Милованова? — перебивает его Тайка.

— Мне не хочется чтобы ей делали плохо, наверное я старею... — Но если мне дадут свидание с Лилей, я заполучу Киру для организации.

— Какой ты чудесный парень, значок тебе на пальто! Тебе вдруг стало жалко девочку, но ты тут же готов отдать ее на разделку, за обещанное свидание.

Тайка снова вскакивает и становится напротив зеркала. У нее глаза отчаявшегося человека, в зеленом плавают мутный, животный страх, а желтый полыхает ненавистью.

— Ты врешь, юродивый псих, тебе не дадут свидание! Это одна из твоих шуток, от которых меня уже тошнит.

У нее схватывает живот, озноб проходит через все тело. Зигги поднимается с кровати и подходит к ней вплотную. Она видит как темны круги у него под глазами. Он яростно шепчет ей прямо в ухо:

— Что ты имеешь против моего свидания? Глупая деревенская девка, которую я спас от экстерминации! Или тебе отшибло память?

Зигги раздраженно давит окурки о покрывало, прожигая в нем черные дыры.

— Таких как Лиля — три рубля ведро! Раскрой глаза, Зигги. Я не подставлю свою шею.

Она избегает смотреть ему в глаза. Он отодвигается и двумя пальцами поднимает ее

лицо к своему.

— Твоя шея здесь не при чем. Я попросил сам. Каждый сам за себя, старушка, я понимаю... Хотя всегда думал, что в праве рассчитывать на посильную помощь с твоей стороны.

Огонь энергии горит в его глазах. Если он чего-то по настоящему хочет, он всегда добьется. Возможно он слаб и истощен, но она знает на что он способен. Ноги у нее слабеют. Только не это! Она не может позволить ему видаться с Лилей! Это исключено.

— Что у Миловановой с театром? — спрашивает он.

Его трезвый, сосредоточенный взгляд пугает ее. Зигги возвращается к жизни. Значит все, что он сказал, правда. Ему дадут свидание, а это ее Тайкин смертный приговор.

— Таракан позаботился, выкрал документы из театра, — тихо говорит она.

— Отлично! Не переживай старушка, все будет как надо. Ты думаешь Зигги совсем прогнил, а я еще и-го-го...

Тайка кивает. Он достает небольшое электронное устройство, быстро пробегает пальцами по клавиатуре.

— Объект 861, сейчас найдем ее голубушку. Вот она сердечная. Пробьем адрес... Ха! С ней совсем не скучно, ты только посмотри где она!

Он протягивает устройство Тайке.

— Я знаю этот дом.

— Его все знают. Так, я на разведку, — говорит Зигги и останавливает ее рукой. — Лучше останься, дай ей отдохнуть от твоего чудного личика. Но Таракан мне понадобится.

— Как скажешь, босс!

Она дарит ему самую лучезарную улыбку, на которую она сейчас способна. Зигги не должен ничего заподозрить, сегодня из-за его одержимости Лилей их дороги разошлись навсегда.

Глава 34

Кира смертельно устала, но сон не идет к ней. Подперев рукой щеку рядом сопит Муся. В первые пару часов подруга носилась как ребенок по необъятной квартире. Восхищенно открывала дверки стеклянных горок, гладила фигурки мейсонского фарфора, лалик и баккара, обнимала в холле бронзовых лошадей, целовала в лоб огромную статую человека в центре гостиной. У него через шею, на нитях был подвешен земной шар. Подруги провели в квартире целый день. Им привезли продукты, сигареты, а потом и шампанское, которое потребовала Муся. Вообще доставляли все очень быстро, нужно было только позвонить по телефону. Муся включила проигрыватель, и изучив архив песен, всплеснула руками.

— Он-динозавр, слушает такое старье!

— Эпиорнис, — вздохнула Кира.

— Пусть! Ты его приручишь и это будет твой Эпиорнис. Своих они не кусают.

Вскочив на мраморный столик подруга стала выделять такие безумные па, что Кира невольно залюбовалась. Муся сделала высокое сальто и от избытка чувств завизжала:

— Как заживем, Кирка!

Она была счастлива, что ушла от Гриши живой, на своих ногах. Когда люди Туровцына забирали подруг, Питекантроп лежал на полу, со связанными за спиной руками. В прояснившихся, трезвых глазах застыли страх и мольба. Муся оторопела. Она присела около

него на корточках, в эту минуту он был похож на Гришу, который подобрал ее у вокзала. Ей стало его жаль.

— Что, останешься? — жестко спросила Кира. Она злилась, что Муся еще может колебаться.

В глазах у Гриши надеждой сверкнул зверь. Всего лишь на секунду, но Муся успела заметить. Она вздрогнула, встала и пошла к двери. В машине подруга никак не могла поверить, что теперь свободна. Лосев, который был главным и командовал всеми, сидел рядом с шофером. Он обернулся и весело сказал: Не дрейфь Маруся, Гришутка уже и забыл, как тебя величают. Его башкой потрясли в каждом углу, как погремушкой. Он больше не сунется.

— А Леша работает в полиции, — возразила ему Муся.

Лосев громко захохотал.

— Мы все работаем в полиции. — Он показал на вторую машину, едущую за ними. — А Леша и Гриша — редиски. И если не станут хорошими людьми, сильно пожалеют.

Он разговаривал с ними как с маленькими.

— Как я люблю вас! У вас есть покурить? — воскликнула Муся.

Лосев игриво подмигнул ей и протянул пачку.

Теперь Муся спит. Чтобы не мешать ей, Кира тихо поднимается и спускается по лестнице в гостиную. Пусть хоть подруга поспит, если ей спится. В квартире тихо, только в огромное окно светят голубые в сиреновом небе звезды. Горестные мысли не отпускают Киру. Что ее ждет, когда вернется Туровцын? В голове у нее всплывает их телефонный разговор.

— Ты обещаешь?

— Да.

— Обещаешь?

— Да.

Обещаешь? Обещаешь? Обещаешь?

Неужели ей придется подчиниться этому человеку? Он далеко не великодушен. Воспользовался ее отчаянием и вынудил согласиться. У нее не было выхода, нет его и сейчас. Из квартиры их не выпускают. И все эти охранники которые меняются за дверью и приходят с продуктами и сигаретами для Муси, знают зачем она здесь. Неужели ей придется это сделать? Она содрогается, представляя как Туровцын касается ее своими крупными, твердыми пальцами, а на манжете рукава сверкает голова пантеры. Пентхаус находится на двадцать восьмом этаже, за окнами гостиной расстилается Москва. Ночь ясная и на многие километры город сияет огнями. Сияет не для Киры. Ты еще здесь голубушка? — говорит он ей. — Напрасно-напрасно, не жди ничего хорошего. Там, среди этих огней живет Глеб. Если можно было бы увидеть его хотя бы на несколько секунд! Заглянуть в окно. Что он делает? С кем он? Несмотря ни на что, сердце ее изнывает по нему. Сможет ли она простить его? Простить за что? За не любовь? Он же не виноват, что не любит ее. Но тогда зачем же было все? Зачем он дал ей надежду? Кира останавливается глазами на дверях, ведущих на огромную, открытую террасу и застывает от ужаса. Снаружи к стеклу прилип человек, он пытается рассмотреть внутренность комнаты. Она резко вскакивает и включает свет. Фигура за стеклом разводит руки и смешно приседает. Это Зигги!

— Привет! — буднично говорит он, после того как она открыла для него двери.

— Привет.

Кажется она привыкает удивляться. Он похлопывает себя по телу и ногам. Нос у него красный, а руки белые.

— Чертовски холодно на улице. Жуткий все таки у нас климат, правда?

Ворот его свитера обледенел от дыхания.

— В такую погоду без термобелья шляются одни придурки. Я придурок, — объясняет он.

Кира поражена, как он мог попасть на террасу? Ведь квартира находится так высоко? Пару часов назад там курила Муся. Облокотившись о перила, подруга смотрела вниз и Кира не могла дождаться, когда она зайдет обратно в комнату.

— Может чаю? Согреешься, — предлагает она.

— Очень кстати!

Кира ведет его в огромную кухню. Посреди нее стоит стол-остров с высокими табуретами. Зигги вскакивает на один из них и оттолкнувшись от гранитной столешницы, долго на нем вращается. Кира видит то бледное лицо, то давно не стриженный затылок. Она включает чайник. Стул замедляет свое вращение и Зигги приезжает к Кире лицом.

— Странно, — говорит он.

— Что?

— Ты не задаешь вопросов.

— У меня их нет, — говорит Кира и отводит глаза.

Она сильно волнуется, ее руки все время что-то двигают по столу. Чашку, сахарницу, кухонное полотенце.

Зигги внимательно за ней наблюдает.

— Ты боишься узнать, я понимаю.

— Я не боюсь. Просто не хочу, и все.

— В мире много странных вещей, Кира. Но если ты закроешь глаза, уши, запретишь себе о них думать, они не исчезнут, правда? Можно притворится что их нет, но они есть.

Она молчит.

— Видел Тайку, она обижена, ты не поцеловала ее на прощанье. Это было смешно, я давно не видел ее такой беспомощной.

— Я это сделала, потому что боялась что она разобьется!

— Сразу видно когда ты врешь, у тебя так лицо сделано. Не лги хотя бы себе. Ты боялась что она прыгнет, и ты узнаешь правду, которая перевернет твою жизнь с ног на голову. Все что сейчас вокруг тебя, тебе уже понятно. Как почти сложенный пазл, общая картинка вроде бы есть. Ты хочешь закончить его, добавив пару последних фрагментов, но вдруг обнаруживаешь, что они не подходят. Не те углы и линии, да и раскрашены они по другому. Тебе досадно, столько времени ты думала что вот он какой! Но на самом-то деле его нет, до конца он не сложен. Из упрямства и страха ты делаешь вид, что так и должно быть. Не хватает и пусть, так проживу! Я много видел, поверь, долго ты не продержишься. Мозги начнут плавиться, ты уже мучаешься, я вижу. Мой тебе совет — забудь о старой картинке и начни все снова. Придется найти тысячи других фрагментов, которые идеально лягут к тем двум чужеродным, потому что только они и есть настоящие.

Чайник зашумел и щелкнул.

— Не бойся странного. Странное не значит плохое. Все в жизни странно, если позволить себе задуматься. Однажды ночью, когда мне было двенадцать, я проснулся и не

спал целую неделю от мысли, что мы как и гусеницы имеем две главные дырки. Рот и задницу. Что мы как и они поглощаем, перерабатываем и выделяем. Я думал об этом, и мне хотелось умереть. Это долго мучило меня, но потом я привык, — он смеется, склоняется к ней и шепчет: Я стал принимать мир таким, какой он есть... Очень странным.

— Значит все правда? — спрашивает Кира.

— Да.

Она качает головой. У нее измученный, подавленный вид.

— Ты же знаешь, что люди могут быть другого цвета кожи. Например черного. Их гены позаботились о том, чтобы иметь необходимый пигмент для жизни под палящим солнцем. У них может быть другой разрез глаз, потому что он защищает эту вылезшую часть мозга от песчаных бурь или холода в степях. Большие носовые пазухи, чтобы охлаждать раскаленный воздух пустынь... Почему же ты не веришь в то, что некоторые люди могут левитировать? Они должны были приспособливаться к среде. В суровых условиях, на отвесных скалах выживали только лучшие. Случайные мутации, если они шли на пользу виду, сразу закреплялись генетически... Естественный отбор. Ты просто боишься узнать правду. Если ты не веришь, спроси меня как я оказался на этой террасе. Неужели тебе не интересно?

Кира нервно мнет пакетик с чаем. Тонкий фильтр рвется под ее быстрыми пальцами. Черные крупинки рассыпаются по столу. Она долго молчит.

— Я прыгнул сюда с крыши вон того дома.

Кира смотрит в окно. Дом, на который показал Зигги стоит на значительном расстоянии, от него до террасы Туровцына метров сто. Кира склоняет голову к чайнику. Берет новый пакетик и когда опускает его в чашку, у нее дрожат пальцы.

Зигги знает, что врать ей нельзя. Нужно говорить правду, но по возможности избегать особо непривлекательных подробностей.

— Тебе не кажется странным, что ты не можешь заблудиться? Ты всегда знаешь где находится твой дом. Как сизак, выпущенный за тысячи километров от родной голубятни.

— Мне не кажется это особенным...

Зигги смеется.

— О, это очень необыкновенно, поверь! У тебя есть ген, который отвечает за чувство безупречной навигации. Он наследственно закреплен в твоём ДНК.

— У тебя тоже есть пятна? — с нарастающей тревогой спрашивает Кира. Она очень боится, что они могут у него оказаться.

— Будь я извращенцем, я бы полюбил тебя за этот вопрос. Но как истинному джентельмену мне немного неудобно. Хотя во имя великих идей и не такое покажешь, — шутит Зигги и тут же задирает свитер на боку. Другой рукой оттягивает вниз брючный пояс. Так и есть. Два огромных темных пятна на тощем бедре.

— Такие же, точно такие же... — шепчет в ужасе Кира

— Они в форме крыльев, но это ничего не значит, просто причудливое совпадение. Одна из шуток эволюции, а может быть и нет. Никто не знает, почему аерахи так маркированы. Мы многого про себя не знаем, но хотим знать. Тайка предлагала тебе почитать Новейшую историю аэорасы?

Кира кивает.

— Хорошее средство от бессонницы. Промывка мозгов, не трать время на эту

идеологическую чушь, там нет ответов на все вопросы. В Братстве много лишнего и глупого. Нужно было сплотить аерахов под каким — то знаменем, сбить их в кучу лозунгами, и они эти лозунги изобрели. Никто не знает как развивалась история летунов параллельно со людьми-скваями. Наверняка они как-то пересекались и конфликтовали, но в источниках нет упоминаний о людях, способных левитировать. Всего лишь несколько невнятных случаев. Все остальное домысел лидеров, идеология. Я скажу тебе то, во что верю сам. Аерахи существуют — это факт. Мы скрываем свои способности, потому что не хотим быть лабораторными крысами в программах людей. Скваи как и аерахи — поганые существа, у меня нет иллюзий насчет обоих видов. Но мы не хотим быть подопытными дрозофилами, а такие прецеденты были, поверь мне, и это очень грустные истории. Поэтому мы возрождаем свой вид сами. В прошлом с аерахами произошло нечто ужасное, какая-то катастрофа, возможно эпидемия, уничтожившая основную популяцию. Они рассеялись по планете, смешались с людьми и ДНК был разбавлен. Там и здесь, в обычных семьях рождались дети со необыкновенными способностями. Многие из них жили до старости и умирали так и никогда не узнав, что могут передвигаться в десять раз быстрее скваев. Я верю что в средние века охота на ведьм была направлена именно против людей с аэрогенами. Скваям были непонятны и страшны другие, способные подниматься в воздух, отмеченные родимыми пятнами — якобы знаками дьявола. Те, что могли выживать в смертельных эпидемиях. Мы резистентны ко многим человеческим болезням, чума нас не берет, наличие аллелей позволяет нам не бояться даже пневманической формы. Конечно, теперь это не так важно, — усмехается Зигги. Он отхлебывает из чашки. — У тебя когда-нибудь была пневмония?

— Нет.

— У нас никогда не бывает бронхиальных или легочных заболеваний. Мы очень выносливы и можем переносить значительные перепады температуры. При высокой сворачиваемости крови у нас никогда не бывает тромбов. Я могу долго рассказывать насколько мы совершеннее скваев...

— Хорошо, — задыхаясь говорит Кира. — Положим, все это правда... А если я не хочу? Зигги широко улыбается.

— Кира, мы — это твой сложенный пазл.

— А если я не хочу?

— Почему? Разве ты довольна этой жизнью? Что держит тебя у скваев?

Она опускает голову и закрывает глаза. Зигги понимает что задел за живое.

— Ты должна быть с теми, кто по настоящему ценит тебя и знает чего ты стоишь, — продолжает он.

— Тайка бы не разбилась? — спрашивает Кира.

— Нет! Она показала бы тебе незатейливый аттракцион, мягко опустившись вниз. У Тайки много талантов, но не жди от нее высшего пилотажа. Она может прыгать на большие расстояния или мягко опускаться с высоких площадок. Она не может левитировать вертикально. Ее способности ограничены, разбавленная скваями кровь не дала ей унаследовать способность летать по-настоящему. Отек легких и мозга, вот чем грозит ей большая высота, по большому счету во всей нашей организации не наберется и десяти человек, которые могли бы это делать. Большинство из них прыгуны, как Тайка. Могут преодолевать силу тяжести, но на сравнительно небольшие расстояния, размытые гены не позволяют им делать то, на что были способны их пращуры.

— А ты?

— Я — продукт искусственного скрещивания, дитя программы возрождения. Мои родители никогда не прикасались друг к другу. Я не видел мать и не знаю своего отца. Их обоих выбрали для получения более качественного потомства. Я зарожден в чашке Петри, в лаборатории. Это очень скучно, быть зачатым в лабораторной посуде. Наверное, поэтому я такой мрачный тип. Потом меня посадили в утробу одной почтенной даме, которой очень нужны были деньги. Я рос в детском доме, с такими же ЭКО аэродетями.

— Обрекать детей на детский дом, чтобы вырастить новую породу...

— Найти одиннадцатую категорию среди потомства скваев практически невозможно, а ученым из лабы, которые поженили моих родителей в пробирке, это удалось. Мы на верном пути к своей цели, у нас есть свои детские дома, где подрастают несколько поколений достойных представителей. Но до совершенной формы еще далеко.

— А я?

Зигги отводит глаза.

— Мы не знаем на что ты способна, но судя по ДНК все очень даже кучеряво...Егс разложили в лаборатории. Все сэмплы нам присылал Далаки. Парочку волос, соскоб со слизистой, кровь.

— Значит мои родители тоже аерахи? Но у них нет родимых пятен!

— Нет, они носители спящих аэрогенов, в их организмах эти гены деактивированы. Они как забытые, засохшие кисти винограда на лозе ДНК, не принимают участия ни в синтезе, ни в других процессах. По способностям они — сквай. У них могли бы родиться дети — сквай, дети — носители, как они сами, или такие звезды как ты, с большой концентрацией активных генов. В твоём случае случилось генетическое аэроизвержение, детка. В ту чудесную ночь именно та яйцеклетка встретила с именно тем сперматозоидом, одним из сорока миллионов. Они создали идеальную комбинацию, напшигованную генами аерахов.

— Это правда, что как идеальную комбинацию меня вытолкали с третьего этажа?

Зигги вздохнул.

— Но ты не разбилась, сработал инстинкт, и твое тело сделало все, что нужно. С детьми так бывает почти всегда.

— Почти?

— Кира, это старая практика, теперь так не делают. Организация все время меняется. Есть много вопросов морали, с которыми мы сталкиваемся.

— Вы бросаете детей из окон, а когда они подрастают, скрещиваете их как собак, потому что хотите вывести новую породу?

Зигги пожимает плечами.

— Ну не совсем как собак. Молекулярная генетика дает нам новые возможности. Мы должны восстановить свой вид. Потому что это лучшее, что сотворила природа за все время. Так вышло, что нас стерло с поверхности этой планеты, а человечество почти растворило наши гены в своем генетическом пуле. У нас должен быть второй шанс, и мы дадим его себе, потому что мы лучшее из всего, что ползало, плавало, ходило или летало на земле. С таким соотношением объема мозга к массе тела и этой способностью мыслить.

Кира внимательно изучает ногти на руках.

— О чем ты думаешь? — спрашивает Зигги.

— О том, что хорошо было бы засунуть этот палец, — она поднимает руку, — в твой горячий чай и проснуться. Выйти из этого кошмара. Я больше ничего не хочу знать, не хочу левитировать и не хочу возродить вымершие виды. Зигги усмехается.

— Почему бы вам не оставить меня в покое? Я уверена что многие другие согласны участвовать в этих экспериментах. Но я не хочу! Ну не заставьте же вы меня?

— Конечно нет! — он всплескивает руками.

— Зигги, у меня голова идет кругом. Умоляю, умоляю больше не пугать меня. Пожалуйста, уберите из моей жизни со своими вонючими программами!

Видя в каком она отчаянии, он пытается успокоить ее.

— Кира, никто тебя не может заставить, ты должна будешь решить сама.

— Я уже решила. Нет! Отвяжитесь от меня. Как вы вообще меня все время находите?

— По запаху, — улыбается он.

Кира недоверчиво смотрит ему в глаза.

— Ну-ну, мы не вампиры из дешевого ужастика. Есть разные современные способы...

— Больше не надо, хорошо? — просит Кира.

— Хорошо, — соглашается Зигги.

Он вздыхает. Нет, она еще далека от отчаяния. Крепкая девочка, придется и дальше давать ей под коленки, пока она не свалится в этой жизни и тогда Братство заберет ее в свою.

— Если передумаешь, позвони мне или Тайке.

— Вот уж кому я никогда звонить не буду, я хочу чтобы она насовсем исчезла из моей жизни.

— В таком случае звони мне..., — он задумывается и шумно втягивает воздух сквозь зубы. — И даже вот... Тайка никогда не узнает. Я дам тебе номер телефона, который не знает никто, кроме одного очень дорогого мне человека... Я жду от нее звонка уже много лет. Этот телефон всегда со мной, где бы я ни был, — за шнурок он вытягивает из-под свитера крошечный мобильник, размером с брелок. — Ты всегда найдешь меня по нему. Но я не хочу чтобы номер был где-нибудь записан. Окей? Поэтому просто запомни. Первые три цифры 965. Остальные — день взятия Бастилии. Убери один существующий ноль. Просто, да?

— Да-да, я как-нибудь позвоню...

Но Зигги заставляет ее повторить номер.

— Чтобы не случилось, я всегда протяну руку помощи.

— Спасибо, мне уже протянули... — говорит с болью Кира и обводит рукой апартаменты Туровцына.

— Что произошло?

Она рассказывает Зигги все, что произошло с ней и Мусей у Питекантропа.

— Черт! — восклицает он. — Это был не твой день, детка. Забуди и выкинь его в помойку.

Он соскакивает со стула и берет Киру за руки, поднимает правую и целует в ладонь.

— Что ты будешь делать теперь? Ты же не хочешь остаться здесь? Туровцын — большой оригинал. В Екатеринбурге он известен как человек, прокрутивший в мясорубке пальцы своего заместителя. Это была громкая история.

— Пальцы?

— Он остановился когда в винте хрустнули наручные часы, не смог прокрутить их.

— Боже мой! И что случилось с этим человеком?

— Об этом умалчивают, но подозреваю что с тех пор левая рука у него стала ведущей.

Зигги целует Киру в левую ладонь.

Она в отчаянии вырывает руки и обхватывает голову.

— Мы наглухо заперты, Зигги. Нас сторожат, боюсь у меня нет выхода.

— Выход есть всегда, если есть желание его найти. Пойдем.

Он обнимает ее за плечи и по широкому коридору ведет к входной двери. Нажимает на ручку и распахивает ее настежь. Вместо сидящего на кресле охранника, около лифта стоит плотный, молодой человек и улыбается ей во все зубы. Где-то она его уже видела... Ах да, однажды в метро! На нем все тот же ярко-желтый, щегольский шарф.

— Это Таракан, — представляет его Зигги, — Миша, подай Кире руку.

Они оба заходят в лифт и Зигги машет ей рукой до тех пор, пока двери кабинки не скрывают их обоих. В коридоре тишина, пахнет шампунем для ковролина. Путь свободен.

Глава 34

Каждый раз, когда Зигги произносил имя Лили, у Тайки начинал дергаться глаз. Страх, что когда-нибудь он может узнать правду, изводил ее все это время. Ей становилось легче при мысли, что мало кто мог сказать ему эту правду. Сразу же после того случая был убит доктор Клопов. Вильштейн, который тогда занимал место Хальстрема клятвенно обещал, что никто никогда не узнает подробностей этого дела. Через год после выхода на пенсию, он скончался в Панаме, от сердечного приступа. Теперь они оба будут молчать, языки обоих сгорели в крематорных печах. Остается только запертая в Санаториуме Лиля. Тайка уверена, что оттуда она никогда не выйдет. Ее используют и пускают в расход. Когда Лиле выдали оранжевый вкладыш — ее приговорили к смерти, и только желание не извести впустую органический материал отсрочило ее экстерминацию.

Когда Зигги сказал что ему пообещали свидание, Тайке показалось, что от страха ее вывернет наизнанку. Свидание! Вильштейн никогда не пошел бы на это, но он умер. Хальстрем, который теперь возглавляет Европу, может быть совершенно не в курсе. Не в курсе той драмы, которая оглушив хвостом как крупная хищная рыба, выгрызла половину отдела. Конечно, организация постоянно меняется. Узлы удавки ослабевают в каких-то вопросах, а в других затягиваются сильнее. Хальстрем кажется Тайке более либеральным. Он — новая кровь, и смотрит на отцов-основателей немного свысока, как подросток на своих родителей. К тому же они с Зигги — давние приятели. Но свидание — это неслыханно! Может быть Лилю амнистировали? Может быть она оказалась непригодной и ее перевели в лабораторию? По образованию она биолог и какое-то время работала в НИИ. Тайка не знала что и думать, все что происходит в Санаториуме держится за семью печатями. Да и у Тайки нет допуска к этой информации. Если бы Лилю перевели в лабораторию, Зигги бы знал. И даже при смене вкладыша на голубой, выйдет она из Санаториума лет через двадцать. За это время Зигги сто раз может сдохнуть от передоза. Руки у него чистые, но он скорее всего колется в брюшину, чтобы не было видно. Временами Тайка уверяла себя, что он врет, чтобы позлить ее, но внутреннее чувство говорило что это правда. Истощенный наркотиками он часто был апатичен и равнодушен ко всему, оживлял его только процесс введения в себя разных субстанций, которые помогали ему на время становится вменяемым. Но в этот раз в его глазах она увидела огни ума прежнего, полного сил Зигги. В нем проснулось желание жить, и это было очевидно.

В детстве, когда был жив отец, он брал Тайку с собой в тайгу, на охоту. По хрустящему

снегу много дней они шли за дичью. С руки били зайцев, белок, косуль. Собаками загоняли росомаху на дерево. Потом, с опаской подойдя на безопасное расстояние, целились. Стрелять нужно было только в голову. Росомаха — опасный зверь и может смертельно ранить охотника, дай ей только шанс. Тайка чувствует себя росомахой на дереве. Ее туда загнали, и единственный способ уйти — изорвать того, кто стоит под деревом. Зигги еще не знает, но он стоит там внизу, на снегу, под ветками, еще немного, и он выстрелит Тайке прямо в голову. Этот не промахнется, нет.

Лиля и Зигги — одобренный Братством союз. Им разрешили быть вместе. Это, впрочем, не освобождало Зигги от сдачи спермы. Как и все ЭКО дети братства, генетически он был очень ценен. Лиля была рождена в семье скваев. У нее была низкая, четвертая категория и ее оставили в отделе. Тайка никогда не могла понять, какие сокровища Зигги мог раскопать в Лиле. Умный и уверенный в себе, ценимый Братством, Зигги плохо оттенялся своей невзрачной партнершей. В восемнадцать лет он был уже начальником регвербовки. И если бы не тот случай, он наверняка дослужился бы уже до директора какого-нибудь региона. Привязанность к Лиле сгубила его карьеру. Даже внешне они были неравны друг-другу. Тайка моментально прониклась к ней презрением. Лиля была малого роста с бледным, узким лицом. Ее внимательные, серые глаза надолго останавливались на собеседнике. Сама она больше молчала, но молчание ее было таким дружелюбным и поощряющим, что все надолго застревало у ее стола. Она была негласным секретарем Зигги и тащила за него всю отчетную работу.

Тогда Тайка была сильно влюблена в Зигги, ей так хотелось его, что рядом с ним у нее потягивало живот. Целых два года она старалась очаровать его и однажды даже влезла к нему в постель. В Прокопьевске они вместе вербовали возрастную девушку, которую в мире скваев ничего не держало, и все произошло очень быстро. Она легко согласилась провести десять лет своего оставшегося репродуктивного возраста в Санаториуме. Контракт они отмечали в самом лучшем ресторане города. После бутылки коньяка, под завывания размалеванной певицы, дева откровенно стала приставать к Зигги. Громко заливаясь смехом, он игриво бил ее по рукам. Тайка готова была придушить обоих. Потом они долго провожали ее до дома, а завербованная все порывалась вернуться к ним в гостиницу. В конце концов Тайка грубо вжала ее во двор и захлопнула калитку. В гостиничном коридоре она молча прошла мимо своей комнаты и скользнула в номер Зигги. Он осклабился, шагнул за ней и сел в продавленное кресло. Не сводя с него глаз, Тайка медленно разделась и отбросив одеяло роскошно разложила свое тело на кровати. Призывно смотрела на него, а он молчал и поджимал губы. Потом улыбнулся, вышел из комнаты и вернулся только утром, перед самолетом.

Она все старалась. Старалась стать незаменимой и работала как вол, чтобы заслужить его одобрение. Зигги же хлопал ее по плечу, как приятеля и регулярно включал в списки на премию. Все в отделе знали, что Зигги ходок и изменяет Лиле с другими женщинами. Тайка надеялась, что когда-нибудь дойдет очередь и до нее. Но Зигги оставался холоден к ней и после своих походов всегда возвращался к Лиле.

После пары лет работы в Москве ей предложили место в Южной Америке. Регион был

большой, должность почетная — начальник регвербовки, это был хороший карьерный скачок вверх. Тайка радовалась, но понимала, что ей будет трудно уехать от Зигги. Тем утром он схватил ее за ухо и сказал:

— Ты будешь самой великой среди этих говнюков, я всегда в тебя верил!

Легко щелкнул ее по носу, а она поймав его руку, прижалась к ней щекой.

— Зигги, мы же больше не увидимся. Только на какой-нибудь конференции, через несколько лет. Это же Пан-Американский Центр, к Европе они не имеют никакого отношения. Неужели это все?

— Мы будем писать друг другу, скоро Новый Год, детка. Я пошлю тебе самую большую открытку, какую смогу найти. С самым красномордым дедом Морозом.

— Ненавижу тебя, урод, — выдавила она сквозь слезы, а через несколько дней написала донос Вильштейну.

С самого начала Тайка презирала Лилю за низкую категорию и малую ценность в Братстве. Странная же привязанность Зигги заставила со временем возненавидеть ее. К тому же Лиля была совсем другой, непонятной Тайке. Они были разными стихиями. Тайка пожирающим все на своем пути огнем, а Лиля спокойной, штилевой водой. Тайка родилась в глухой сибирской деревне и закончила восемь классов, а Лиля была профессорской дочерью и готовилась к защите кандидатской. Ее слабое, субтильное тело, неровная походка раздражали Тайку. Когда сама Тайка дышала здоровьем и силой. Лиля была тактична, немногословна и никогда не обременяла собой. Когда они переглядывались с Зигги, у них в глазах появлялось открытое только им двоим понимание вещей, казалось им не нужно было разговаривать. Зигги несомненно ее тиранил время от времени, мог нахамить, накричать прилюдно под горячую руку, но Лиля все могла стерпеть, просто тихо посмеивалась, стараясь сгладить неприятную ситуацию. Только раз Тайка видела как она тихо взбунтовалась, выйдя из комнаты после того, как он при всех запустил в нее телефоном. Бушевавший еще секунды назад Зигги сразу испуганно затих, потом вскочил и выбежал вслед за подругой.

Однажды, незадолго до того как Тайке предложили Америку, отдел отмечал день рождения Зигги. Тайка и доктор Клопов вышли последними из ресторана.

— Эспрессо с коньячком? Тут недалеко..., — предложил он.

Она согласилась и взяла его под руку.

Клопов был наемным врачом, в нем текла обычная кровь скваев. Он работал не за великие задачи, а за большие деньги. Как и все остальные регврачи, научные сотрудники лабораторий при центрах, молекулярные генетики, эко-специалисты. Знания, преданность и запертый рот — вот все, что от них требовалось. Научный и медицинский персонал в организации получал много. Очень много. Поэтому вербовать их было не трудно. Конечно, случался небольшой шок в самом начале, после откровения. Врачи и ученые — люди фактов, а от фактов не отмахнешься. Потом они быстро привыкали. Точно также, как привыкали к дорогим машинам, роскошным квартирам и отпускам с семьями на островах. Деньги — движущая сила, а дающую руку никто не кусает. Регврачи шерстили провинции в поисках новых объектов и не жаловались. Многие из них работали в роддомах, детских поликлиниках, больницах. Клопов заведовал хирургическим отделением одной из известных клиник в Москве, но не брезговал и регионами. За каждый новый объект награждали

существенной премией. Клопов и открыл Тайку. Он любил ездить в Восточную Сибирь, которая была богата на объекты. Видимо в прошлом люди вытесняли аэорасу в более суровые условия. Или аерахи бежали от преследований так далеко, как только могли. Клопов и еще два помощника ездили по селам с вакцинацией от клещевого энцефалита. В деревенском клубе была очередь. Тайка пришла с фермы вместе с двумя подругами. Клопов посмотрел на ее ноги под коротким халатом и перемигнулся с помощником. Она истолковала это по своему и только много позже узнала, что впечатление на доктора произвели пятна на ее ноге. После прививки он весело сказал:

— У доярок еще анализ на крокодилов берем.

— Чего это? — спросила она подозрительно.

— Слышала в Кокурино у доярок глисты нашли? Жирные, с крокодилов. Бабы в нужник паразитов навалят, те подрастут, а потом к реке чешут. Яйца отложить. Дети орут, мужики прячутся, коровы в обморок падают.

Тайка подбоченилась.

— Глист нутро жрет, себе анализ возьми, дрыщеган замухрышистый!

Ее подруги засмеялись и Тайка тоже раззявила свой огромный рот. Здоровая и румяная она долго хохотала.

— Ого, с такими зубами пусть крокодилы боятся!

Сказал Клопов и щеточкой помазал у нее за щекой.

После ресторана они завалились в небольшой бар за углом. Кофе был крепким, коньяк тоже, Клопов и Тайка пьяными. Доктор рассказывал анекдоты, а Тайка громко заливалась. Бармен хмуро обслуживал, мечтал закончить смену и уйти домой. Но они никуда не торопились. Доктор рассказал ей про последнюю поездку в Сибирь, где выявил семь объектов. Младшей девочке было десять лет. Он вдруг сник.

— Весь ужас в том, что у нее нет выбора. Она ничего еще не поняла в этой жизни, а мы за нее уже все решили.

— Думай о хорошем, Клопов, — посоветовала Тайка.

— Что мы делаем Тая? Во что все это выльется? — Глаза у него были мутными, язык заплетался, его порядком развезло. — Куда идет с песнями вся эта ваша хунта? Все боятся, я боюсь.

— Уууу, — сложила губы дудочкой Тайка.

— Я — сквай, ладно. До нас еще не добрались, но наше время придет. Что вы будете делать с нами неизвестно. Подозреваю что ничего хорошего. Пока вы слишком заняты собой. Но мне страшно за будущее. Я же вижу, как вы своих же под микроскопами разделяете. Для вас же все — генетический материал!

Клопов снял очки и стал нервно протирать их салфеткой.

— Мне все претит. Песни, флаги, ордена, опознавательные знаки... Говорят в Центрах введут униформу. Сначала я думал, что все это фарс и я смогу соскочить в любой момент, как мне обещали, но теперь знаю, что не могу... Я все время боюсь. Получаю ваши поганые деньги, будь они прокляты, и не сплю по ночам. — Он устало откинулся на кресло. — Это жутко, когда такие как вы воспринимают себя серьезно. Высшая раса на эволюционной лестнице, — передразнивал он последнюю речь отцов-основателей.

— А баблос получать приятно, правда? — уколола его Тайка.

Но Клопов будто не слышал ее.

— Ну как? — продолжал он, — Как мы можем вербовать объекты, когда сами гребаные представители аэрорасы — венца природы, не хотят участвовать в программе возрождения? — вскрикнул он. Его качнуло на стуле.

Тайка сделала удивленное лицо.

— Ты и Зигги! — ткнул он в Тайку пальцем. — Какого хрена вы вербуете объекты, когда сами бежали от программы?

— Ну, дядя... — начала Тайка. Она не любила когда напоминали ей о прошлом.

Клопов прервал ее, он был сильно возбужден.

— Ты не захотела служить идеалам...

— Клопов, заткнись, — начала по настоящему злиться Тайка.

— Что ты сделала с собой, а? — Он нарисовал в воздухе перед ней размашистый крест. А потом ткнул в его середину, поставив точку где — то на уровне ее живота. — А другие? Зигги — чистая кровь, он должен быть пропитан идеей. Она должна плавать у него в венозной крови вместе с эритроцитами. И что? Он на коленях умоляет меня не отправлять Лию в Санаториум. А тянет-то она на чистую девятую с плюсом!

— Как девятую? У нее четвертая категория!

Тайка мгновенно протрезвела.

— Вот так... Я отослал чужие сэмплы. Ей дали четверку и оставили в отделе. Мне нравится Зигги, — бормотал Клопов. — Он месяц у меня в ногах валялся. Ты же знаешь, с девяткой Лию бы сразу забрали. Они жить друг без друга не могут, я пожалел их и сам подставился. Теперь как под топором...

Тайка была настолько поражена и ошарашена, что не смогла сказать ни слова, а только неверяще всматривалась в Клопова. Не бредит ли он после коньяка? Лиля, которая на самом деле всегда была девятой, скрывала это вместе с Зигги, чтобы избежать Санаториума. Это было большое преступление, и если бы оно раскрылось, наказание было бы самым страшным.

— Вызовите моему другу такси, — попросила она зевающего бармена.

С этого дня Тайка по-новому смотрела на Лию. Что-то нехорошее поднималось в ней при этом. Лиля оказалась с двойным дном. Смогла безнаказанно обвести всех вокруг пальца, чтобы остаться в жизни скваев. Когда самой Тайке пришлось заплатить за это очень высокую цену. Чувство ненависти зрело в ней как чирей. И когда пришло назначение в Пан-американский Центр, а Зигги так равнодушно потрепал ее за ухо, ее прорвало. Она написала рапорт Вильштейну обо всем, что узнала от Клопова. О нарушениях устава доктором Клоповым и Лилей Громич. О сокрытии фактов, попрании идеалов и предательстве. О том, что Зигги непосредственно замешан в этом, она умолчала. Рука не поднялась угробить человека, которого она любила.

Клопова экстерминировали через неделю. Без трибунала и прочей волокиты. Его просто вытолкали из окна собственной квартиры. Жена, которой как вдове Братство пообещало хорошую пенсию, подтвердила в полиции что он страдал от депрессии и часто заговаривал о самоубийстве. Доктор нравился Тайке, но нельзя приготовить омлет не разбив яиц. Когда эта мысль пришла ей в голову, она долго хохотала. Клоповские яйца разбились буквально, десятый этаж — это высоко для сквая. Лию вызвали в Центр и оттуда она не вернулась, ей сразу же вшили в дело оранжевый вкладыш. Это означало, что из Санаториума она не выйдет

никогда. После ее участия в программе, ее экстерминируют. Возьмут от нее все, что можно, и когда она перестанет быть нужной, ее уберут. Зигги сняли с должности за халатность и наградили первым предупреждением. Он получил голубой вкладыш за то, что якобы не знал, что у него происходит под носом. После недолгих переговоров Тайке отменили промоушн в Америку и она заняла место Зигги. Так она въехала в квартиру, в которой теперь жила.

Глава 35

Муся никогда не видела Киру такой. В подруге, раньше черпающей радость отовсюду, что-то сломалось. Лицо ее неподвижно, как у покойника, кажется что она умерла внутри. И вся стала жесткая, неживая. Молчит и никогда не слушает того, что говорят ей другие. Иногда в ней как-будто что-то просыпается, но оно неизменно наполнено злобой и горечью. Муся догадывается, что ей пришлось пережить слишком много подлости, она увидела мир другим. Со знанием такой жизни она уже не могла быть прежней, утратила способность радоваться.

— Достань веселого человека, — приставала к ней Муся как раньше.

— Он сдох, — отмахивалась Кира.

В детстве они могли смеяться до икоты и колик в животе. Вместе валились на пол, Муся колотила одной рукой по линолеуму и зажимала себе рот другой, а Кира хохотала во весь голос. Слушая ее залихватый смех, Муся заходилась вновь.

Апатичная ко всему, теперь она встает рано утром и проводит день, помогая Зилоле в пекарне. Остервенело хватается за все и работает с раннего утра до позднего вечера. Всегда замкнутая, никогда не улыбнется и даже не шикнет на Мусю, если та нечаянно разразится матерком при Зилоле.

Вот уже несколько дней они живут в подвале ресторана Чабан и рубаб. Зилола показывает им как разделять тесто. Оно расходится под руками, лезет мягкими комьями между пальцами. Муся уминает его в огромной чаше. А Кира формирует шары. На столе целая армия таких. Вот эти уже поднялись, их можно раскатать в лепешки, проколоть чекичем и опять поставить на расстойку. Потом, перед самым тандыром посыпать кунжутом. Кира теперь подвязывает голову платком как и Зилола, нельзя чтобы волос упал в тесто. От жара печи у Зилолы бордовое лицо, с фартука ее осыпается мука, руки до плечей в ожогах. Тандыр опасная вещь и она никого к нему не подпускает. Лепешек нужно печь много, кроме ресторана, пекарня снабжает еще две узбекские точки. Рано утром они пекут хлеб, потом поднимаются на кухню. Вечером Кира обслуживает посетителей в зале. На ночь они с Мусей моют рабочие помещения, пока Зилола замешивают тесто на утренний хлеб. Кира так устает, что добираясь до комнатки, каждый вечер валится на курпачу и сразу же засыпает. В рабочие дни Муся ищет работу, они так условились с Кирой, одна из них должна найти постоянную работу. Здесь их кормят, так что с голоду они не умирают. Правда Мусю возмущает, что они живут как побирушки и не могут себе позволить даже хорошего шампуня. К тому же ей кажется, что Киру нужно немедленно вытаскивать из подвала, подруга здесь погибает.

С работой вне ресторана все не клеилось, и Мусе все время хотелось что-нибудь предпринять, чтобы деньги появились быстрее. И они появились. Ночью в прошлый четверг

она вернулась с деньгами. Бледную и пьяную ее привезли на машине двое мужчин. В сумочке лежали деньги, которых было достаточно, чтобы на месяц снять комнату. Утром в пятницу, выпив аспирина от головной боли, Муся торжественно протянула раскрытую сумочку подруге. Кира вытащила не только деньги, но и пару презервативов, которые Муся забыла припрятать. Милованова понемногу начала разбираться в жизни и ее уже не провести, как раньше. Она сразу же просекла откуда эти купюры. Как разъяренная кошка она ударила Мусю несколько раз по плечам.

— За эти поганые деньги мне ничего не нужно, — сказала она твердо. У Муси задрожали губы. Но Кира в этот раз не бросилась обнимать подругу.

— Да, давай отдадим их нищим! Все лучше, чем бриллианты покупать... Мы же с тобой миллионерши, — выдавила растерянная Муся.

Кира схватила деньги и выбежала. Когда она вернулась, Муся была уже вся в слезах.

— Спалила, да?

— Зато ты больше никогда этого не сделаешь.

— Больная на всю голову, — сказала Муся пожимая плечами. — Как была так и есть. Ничто тебя не учит. Я сделала это для нас, о тебе думала! — выпалила она с обидой. — На войне как на войне, любые средства хороши... А что сделала ты? Кроме того, что превратилась в полную суку? Из-за тебя мы сейчас в такой заднице! Когда мы уходили от Туровцына, ты хоть раз подумала обо мне? Что мне, может быть, придется на улице зарабатывать?

Кира топталась на маленьком пяточке, сворачивая на полу одеяла и коротко отрубилась:

— Тебе нужно было остаться, он вполне в твоём вкусе. Не мелочный человек. Мог бы морду тебе набить, с размахом, по-миллионерски.

— Это из-за тебя ...

— Я не могла! — сорвалась Кира. — Я не могла! Если бы он до меня дотронулся, я бы умерла. Как ты этого не понимаешь? Он вынудил меня согласиться! Что это за человек? Он спас меня от смерти, чтобы иметь возможность щупать меня! Пойми, мне легче было удавиться, чем позволить ему..., — она содрогнулась и на лице у нее было написано такое отвращение, что Муся все поняла. Она знала, что у Миловановых свои задвижки, и если они в них упрутся, то ничего не поделаешь.

— Хоть бы Зилоле подарок купили, — сокрушалась она о сожженных деньгах.

— Если бы Зилола знала, что это за деньги, она бы бросила тебе его в морду.

— Как была дура, так и есть.

Муся сидела в углу и вытирала лицо пододеяльником.

В ту ночь, когда они ушли от Туровцына, им пришлось бродить по городу до утра. Сидели в парке, потом в кафе. Муся бесконечно висела на телефоне. Наконец, под утро им перезвонили из Ташкента, и они, подхватив вещи, остановили старенькие жигули. С заднего двора ресторана дверь открыла худенькая женщина в платке. Она уже была в курсе, и без каких либо эмоций на лице провела их в комнатку в подвале. У стены стояла узкая кровать, в изголовье ее подпирала тумба со сложенными на ней одеялами, рядом круглый стол и один стул. На столе стоял заварочный чайник и треснутая пиала. Женщина поставила стул на стол, раскинула на полу пару одеял, скатала еще одно валиком и положила в изголовье. Осталось совсем немного места у порога, где поместились только женщина и Муся, Кира осталась за дверью.

— Ну что же... — сказала Муся, — Не Метрополь, конечно... Но учитывая обстоятельства пойдет.

— Меня зовут Зилола, — сказала женщина, и поправив на голове платок вышла, оставив подругу отсыпаться.

Чекичем Кира продавливает дырочки в середине лепешек и посыпает их кунжутом. Она поднимает лист и относит его ближе к тандыру, на расстойку. Потом Зилола, обмотав лицо мокрым полотенцем будет лепить лепешки к раскаленным стенкам тандыра. Муся внимательно наблюдает за Кирой. Подруга раскраснелась, но на лице безрадостное выражение. Она несчастлива, но кажется ее не тяготит эта кухонная работа. Она старается быть занятой, чтобы не думать ни о чем. Кира не присаживается ни на минуту. Если у нее появляется свободное время она тут же бежит наверх, чтобы помочь в зале или остервенело моет посуду. Муся знает, что подруга тяжело переживает расставание с Глебом. Но она никогда не позвонит ему, за это Муся спокойна. Кира слишком горда. И еще...Что-то помимо этого мучает ее. Что-то произошло между ней и Тайкой с Зигги. Муся много раз пыталась выведать, но Кира избегает разговоров на эту тему и отмалчивается.

По вечерам они ложатся на полу, рядом с кроватью Зилолы. Комната такая маленькая что ногами подруги упираются в дверь, а головой оказываются под столом. В комнате пахнет фанерой и лимоном, только что попили чай. Муся рассказывает про свои дневные приключения. Она решила преподавать поул-дэнсинг, ведь она это умеет делать как никто другой. У них нет денег арендовать помещение, поэтому Муся ищет уже действующую школу, куда может устроиться инструктором. Каждый день она колесит по Москве в поисках работы и каждый день ей есть что рассказать. Мусю раздражает от сегодняшнего дня, ей нужно поделиться, но Кира лежит закрыв глаза и поджав губы.

— Милованова, — тормозит ее Муся.

— Спать хочу, — отрезает Кира.

Но Муся не сдастся.

— Нет, ты представляешь, эта коза снимает меня с шеста. Объяснить словами она не может. А хотела она выход с пилона через падение. Сама прыгает на шест, зарисовывает свою кривую разножку. — Муся сгибает два пальца, показывая насколько плохо коза разводит ноги. — Потом отпускает ляжки чтобы скользнуть вниз, но не удерживает корпус...Рухнула вниз как мешок с картошкой, — Муся прикладывает руку к груди. — Звук был страшный, я думала она шею сломала. А ни фига, встала, надула губки и говорит: Ну, примерно вот так. Я отвечаю: Если вот так, то...

— Я однажды упала с третьего этажа, — перебивает ее Кира. Вид у нее задумчивый, глаза остановились.

— Да, — вздыхает Муся. Ей жалко что Кира не дала дорассказать. Там самое смешное было в конце ее ответа корявой тренерше. Но подруге совсем не интересно что происходит в Мусиной жизни. Кира погружена в себя. Она живет своими мыслями, чувствами и страхами. Муся не может добиться что именно гложет подругу. Сколько раз Муся пыталась разговорить ее, вытащить это глубоко запрятанное, но Кира сразу замыкалась. Только однажды она в сердцах сказала: Я не могу сказать, потому что это сводит меня с ума. Я не хочу, чтобы и ты тоже...Пусть уж я одна буду мучиться...

— Упала, и ни одной царапинки, — шепчет Кира.

Молчавшая до сих пор Зилола вдруг свешивается к ним с кровати. Ее толстая, заплетенная на ночь коса сваливается Мусе на грудь.

— В Бухаре так было, давно. До революции еще. У нас все старики знают, а мне бабушка сказала. Одна женщина, думали мужу изменяла. Наш Калян Минарет знаете? Знаете какой высокий? Ее в мешке оттуда бросили, она упала, а мешок шевелится. Люди развязали мешок, а она вот, живая. Только белая вся стала. Муж заплакал, попросил чтобы ее отпустили. А они нет, виновата! Опять в мешок и в другой раз сбросили.

— Забили бы уж камнями, чтобы наверняка, — говорит Муся.

Зилола цыкает на нее языком.

— Развязали, а она живая. Поняли люди, что она не виновата, злые сплетни все это, вранье. А ее фэрештэ спасали, потому что она чистая. По русски? Ангелы! Они ее за руки брали и тихонько на землю ставили. Муж жену за руку взял и они домой пошли. И все люди молчали, только фэреште тихо пели.

— Чудесно, — зевнув комментирует Муся.

Кира не мигая смотрит в потолок. Мусе становится нестерпимо ее жалко и она целует подругу в плечо.

В понедельник днем Кира ездила в Мусей на конкурс. Школа пол— дэнса набирала инструкторов. Муся боялась и попросила Киру побыть с ней рядом. Сев на пол, рядом с владельцами школы, Кира равнодушно смотрела как по очереди девочки босиком подходили к шесту и вертелись на нем. Муся была пятой и Кире было с чем сравнивать. Невысокая, вся тугая и ладная она творила с шестом невиданные вещи, и если другие девочки тоже справлялись неплохо, все же они не дотягивали до подруги. Глядя на ее бешеное лихачество, трудно было поверить, что еще утром она ходила по пекарне и жаловалась на головную боль.

— Сачок твоя Муся, — сказала Зилола. — Ей только жрать и дрыхнуть.

— Я создана для другой жизни, — со вздохом согласилась Муся.

Назад они ехали в метро. Кира дремала, а Муся с жвачкой во рту осматривала пассажиров, которых в час пик было много. В основном офисные работяги. У всех у них были усталые, мрачные лица. Муся вздохнула, достойными мужчинами здесь не пахло. Перед своей станцией они поднялись, чтобы в такой давке добраться до выхода вовремя. Около дверей лицо Киры изменилось. Врезавшись глазами в один из постеров, она застыла. Муся повернула голову. В рамке под стеклом, разметавши ноги сидела Марина. Сиреневый бюстгальтер оттенял отливавшую медью грудь, губы были соблазнительно влажны, широко расставленные бесконечные ноги сияли в шелке чулков. Муся выплюнула в пальцы жвачку и с размаху залепила ею Марине между ног. Поезд остановился. Она схватила подругу под локоть и потащила к эскалатору.

Муся вернулась с радостными новостями. Ее взяли на работу. Школа раскрученная, занятия с раннего утра до позднего вечера. Ей дают четыре класса в день. После обеда Кира сидит на единственном стуле, который выносят на ночь из комнаты, потому что иначе им не разместиться. Ладони ее сложены на коленях, она устала после тяжелой работы в пекарне и на кухне. Муся про себя отмечает статичное лицо и затуманенный взгляд.

— Я теперь очень занятый человек, — хитро сощутив глаза говорит Муся.

Кира растягивает рот в вымученную улыбку, но глаза остаются безразличными.

— Меня взяли на работу! — верещит Муся. — Очнись наконец, можно будет кутнуть в

ресторане и Зилоле подарить что-нибудь. Ну же, Кирка...

Муся тормозит подругу, но та вырывается. Все, что происходит вне ресторана вызывает у нее раздражение. Только в этом маленьком мирке и его рутине она чувствует себя спокойно. Она эмоционально забаррикадировалась от любого проникновения извне в ее жизнь.

— Оставь меня!

— Не оставлю, пока не станешь такой как раньше!

— Никогда не стану..., — угрожающе обещает Кира.

— Станешь!

Кира вдруг вскакивает со стула.

— Нет, не стану! Мне все равно! Все равно что тебя взяли! Плевать с высокой колокольни, понимаешь? — кричит она.

— Ну вот, уже лучше, — озадаченно говорит Муся присаживаясь на край кровати. — Если бы было так плевать, ты бы не орала.

Кира устало встает и медленно залезает на постель Зилолы, за Мусю. Закрывает глаза и накрывает ухо подушкой. Муся сбивает подушку, но подруга остается лежать неподвижно. Веки ее плотно сжаты. Она не хочет ничего видеть и слышать.

— Ты здесь погибаешь, я же вижу. Тебя нужно срочно отсюда вытаскивать. Вот что... Я позвоню Алишу и может быть смогу занять денег еще у одного говнюка... Хотя это будет трудно. Мы здесь больше не останемся.

Кира рывком садится.

— Как ты не понимаешь? Здесь мое спасение! Я драю кухню, скоблю столы и глажу салфетки, потому что тогда мне не так сильно думается. А если я думаю, я умираю... У меня голова вскипает от этих мыслей. Здесь мне хорошо, мне все нравится. Зилола-святая женщина! Ей ничего от меня не нужно... Она не лезет ко мне, как ты! Все от меня чего-то хотят. Все сволочи, я всех ненавижу! Я ничего-ничего-ничего больше не хочу.

Муся ахает.

— Чего это я сволочь?

Лицо у Киры гневное, руки трясутся, голос срывается.

— Ты? Ты хотела чтобы я Туровцыну... Уговаривала меня остаться. Нет? Я тебя тогда от двери еле отодрала.

— Я хотела чтобы у тебя все было хорошо.

— Вот как раз тогда было все хреново! А теперь можешь не переживать, теперь я здесь, и у меня все хорошо! А ты катись куда хочешь.

Она опять валится на кровать.

Муся тихонько дотрагивается до ее руки. Рука холодная как ледышка. Она крепко захватывает ее своими и пытается согреть.

— Ты позвонила Заболоцкому? — осторожно спрашивает Муся.

— Зачем? Чтобы он мне автограф оставил? Я для него чужой человек, мне он даже чернил пожалеет!

— Все сволочи, все! — язвительно замечает Муся.

— Да плевать мне на твоего Заболоцкого, отвяжись.

— Как мне хочется оттырить тебя этой подушкой. Посмотри какая ты стала? Ходишь сама не своя, точно больная. Всех ненавидишь. И я знаю, что это за болезнь. Глебус Зиминус — вот ее латинское название! Вот по кому ты убиваешься! Нашла тоже... Вот кто негодяй на

пятерку! Есть он в твоём списке? Отвечай!

— Иди к черту.

— Я то пойду, думаешь чикаться буду? Одной душой меньше в моей жизни, — говорит Муся усаживаясь поудобнее.

Плечи Киры трясутся все сильнее. Скорчившись на кровати, она начинает рыдать так громко, что Муся боится что ее завывания могут услышать в зале. Она тихонько гладит ее по волосам и плечам.

— Ну хорошо-хорошо, — говорит Муся. — Если ты на самом деле не можешь без него жить... Если уже совсем умираешь... Слушай, он звонил мне тысячу раз. Нашел мой номер у тебя в мобильном, искал тебя, умолял, требовал. Завалил сообщениями. Помнишь звонки, на которые я не отвечала? Это был не Гриша, это был Глеб. Уверена, что в свой списочек сволочей ты его не включила. А все таки, он самый первый говнючелло...

Кира уже не плачет в голос. Она часто всхлипывает, а потом и вовсе замолкает.

— Я тебе не говорила, — продолжает в тишине Муся, — потому что он твоего обрезанного ногтя не стоит. А ты сейчас плохо соображаешь, моя красавица, у тебя в голове все вверх тормашками... И ты бы сразу поскакала к нему высокими прыжками в па-сизо, чтобы антраша бить... я тебя знаю. И вот теперь у меня нет выхода, потому что ты совсем сдурела, — Муся отодвигает прядь волос с ее лица и ласково шепчет, — У него же остался твой телефон, а нам он позарез нужен. Мы ведь с тобой совсем беднушки, вот походи и забери.

Глава 36

Народу в качалке негусто. Тайка любит это позднее время, она терпеть не может когда кто-то рядом сопит и потеет. Короткая майка позволяет ей любоваться своим прессом. Ноги ее задраны на наклонной скамейке, кровь прилила к лицу. Осталось еще пару подходов. Она то скашивает глаза себе на живот, где вздуваются тугие мышцы, то поворачивает голову к зеркальной стене, чтобы увидеть свое поджарую, выточенную тренажерами фигуру. Таракан стоит рядом и терпеливо ждет, пока она закончит. В пальто ему жарко и он наконец снимает его. Легкая озабоченность на его лице время от времени сменяется досадой. Тайка завернула его в свой джим, когда он ехал сдавать сэмплы Еникееву и теперь герметичный контейнер стыл в багажнике. Тайка видела что он расстроен и про себя потешалась. На кой черт Братству его сперма? Четвертая категория, размытый генофонд. Все что он может, это ползать по стенам. Все они смеются над ним, но он религиозно каждые две недели продолжает ездить к Еникееву. Все сдают и он должен. Если бы он знал, что доктор даже и не думает замораживать его материал, все сразу отправляется в мусорное ведро.

Тайка опускает ноги и присаживается на скамейке. Вытирает полотенцем лицо.

— Таракан, тут такое дело..., — Тайка переводит дух. — Тебе не кажется что в последнее время Зигги немного не в себе?

Он пожимает плечами, лицо его непроницаемо.

— Инструкции предписывают не обсуждать других членов Братства.

— Инструкции предписывают любить членов как братьев и сестер своих. — Любишь-ли ты Зигги как брата? — издевается она и увидев его растерянное лицо смеется. — Ладно, не парься.

Ублюдок, хоть бы бровью повел. Ждет куда я выеду, от этого зависят его реакции. Боится проколоться сдуру...А может до сих пор переживает, что сперму не сдал. Что миллионы его таракашек зябнут в машине. Туп или прикидывается? — размышляет Тайка.

— Зигги конкретно порет. Ты видел его перед конференцией? Он уже завалил столько заданий. Ничего не хочет делать, измывается над идеалами... Он намеренно губит себя. Пусть, это его личное дело. Я так считаю, если жить противно, возьми бритву, запри дверь и залезь в ванну без шума. Но он не хочет этого делать один, ему нужна компания! И он подставляет всех нас! Ты знаешь что он просил за Киру? Лилю Громич, оранжевую как апельсин. Лиля — девятая и смертница, ее никогда не выпустят. Теперь, когда до него дошло, что единственное куда могут выпустить эту лахудру — это крематорий, он собрался вредить нам. Он будет саботировать вербовку Миловановой.

Таракан кивает. Ну наконец-то, с этим он согласен.

— Зигги давно списан, — продолжает она. — Я тащила его, надеясь что он когда-нибудь опомнится. Все зря. Ты видел, он прямо таки рвется к экстерминации. И тащит нас всех вза собой. Шантажировать Хальстрема!

Таракан понимающе кивает.

— Ты не знаешь, на что он способен. Это такой упрямый скот, если что-то придет ему в голову, вышибить это можно будет только с мозгами. Он не даст нам обратить Киру.

Таракан снова кивает. Она выдерживает паузу, лицо ее становится скорбным.

— Миша, он мешает, его нужно убрать с дороги.

У нее в голове всплывают слова гимна:...По которой мы идем к солнцу.

— Да.

Таракан немногословен.

— Вот и хорошо. Сделаешь, по дружбе? — спрашивает она таким же тоном, каким до этого просила подать ей флягу с водой.

Волна растерянности пробегает по лицу Таракана. Неужели занервничал? Откажется?

— Мне нужно разрешение, — наконец выдавливает он.

— Я напишу рапорт, а ты и Еникеев подпишете. Конечно, — вздыхает она, — не хочется выносить сор из избы, но другого выхода нет...Все нужно делать по правилам.

В волнении он судорожно вздыхает.

— Зигги любят в Центре. Хальстрем нам не позволит.

Вот это «НАМ» Тайке приятно. Значит Таракан всецело с ней.

— Придурок в семье, все равно свой придурок...Они морщились от его фортелей и при этом целовали в попку. Но теперь, когда Зигги так сильно обосрался, никто не захочет лобызать его. И потом, рапорт — это всего лишь формальность. Хальстрем уже дал НАМ разрешение!

Сегодня было самое счастливое утро в ее жизни. Накануне она не спала ночь и когда включала экран, у нее от страха сводило живот. По ее просьбе ей дали видео-линк с Хальстремом. Директор сидел перед камерой и лучился доброжелательной улыбкой. Она сразу заплакала. а Хальстрем потух и напрягся. Несколько минут она не могла успокоиться, а потом долго вытирала нос салфеткой. От нее не ускользнуло, что он мельком взглянул на свой дорожный Брегет. Решив что пора, она начала топить Зигги в тоннах хорошо-подготовленного дерьма. Ничего не забыла, задумалась и присовокупила еще несколько серьезных грехов. Одним больше, одним меньше, ей не жалко. Наркотики,

крамола и критика организации, безответственность на работе, сочувствие и помощь вербуемому объекту. Не сдает сэмплы и не подчиняется Тайке. Хальстром слушал небрежно и все поглядывал на часы. Ах, тебе не интересно? — думала она. — А вот это? Зигги хочет вернуть Лилю Громич в обмен на объект 861Ер — Киру Милованову. Попирая интересы Братства он хочет изъять из программы Лилю. А если ему откажут, он будет вредить обращению Киры. Хальстром перестал смотреть на часы и теперь слушал внимательно. Когда она закончила, он пару минут молчал.

— Напишешь рапорт, — сказал он задумчиво. — Я посмотрю, что можно будет сделать...

Этого она и боялась. Директору тяжело наказывать бывшего корешка, ведь они были друзьями. Соберется совет, который будет долго решать и Зигги скорее всего сойдет с рук.

— Обкурившись, он лжет на каждом углу, что по старой дружбе вы устройте ему свидание с Лилей Громич. Как можно так порочить вас!? Я не верю ни единому его слову, это абсурд! Чтобы человек такой чистой репутации мог обещать такое! Попрать наши законы! Ведь это пахнет трибуналом, не так-ли?

Тайка шла ва-банк, у нее не было другого выхода. Она дала понять Хальстрему, что он может жестоко поплатиться за беспечно-данные обещания. Даже регдиректор не может безнаказанно нарушать кодекс.

Хальстром начал нервно перебирать бумаги. Лицо его разрезали морщины, от напряжения сжатый крепко рот превратился в узкую щель.

— Напишешь рапорт, как я уже сказал...Остальное на твое усмотрение. Чтобы ты ни решила, я тебя поддержу. Этому ублюдку слишком многое сходило с рук. Дальше так продолжаться не может. Справитесь сами или нужен ОЭР?

— Мы сами, — ответила Тайка и по-вдовьи потупила глаза. Решение для Хальстрема тяжелое, но пусть он видит что и ей не легко.

Ей показалось, или в глазах у него зажегся огонек страха? Да, она все верно рассчитала. Директор никогда не признается в том, что обещал помочь Зигги в таком преступном деле. Он будет отрещиваться до конца. Ай да Тайка, ай да сукина дочь! Удовольствие, которое в этот момент она испытала было колоссальным. Суметь прищучить самого Хальстрема! Она была уверена, что он и Зигги хотели обставить это дело тихо. Но олух— Зигги проболтался и теперь заплатит по полной. Росомахе пришло время рвать тех, кто загнал ее на дерево.

Нарукавником Тайка вытирает со лба пот и встает со скамейки.

— Решишь вопрос этой ночью. Сделаешь все чисто, приставим к ордену.

Лицо Таракана становится довольным. Подойдя ближе, он склоняется к ней.

— Я думаю Зигги ширяется.

— Ты догадлив, — отвечает она. Он не улавливает ее сарказма. — Я об этом узнала только недавно.

— Как ты хочешь это...? Может вколоть чего?

— Мне все равно. Главное чисто, без шума и наверняка. Я прямо вижу, как накальваю орден двух солнц на твой Бриони.

Когда он ушел, Тайка взялась за рукояти тренажера. От ее усилий тяжелый груз медленно и ритмично опускается на платформу. Зигги никогда не простит ей, что она сдала его девку в Санаториум. Когда-то он спас ее, а она уничтожила все, что он любил в этой

жизни. Гложет-ли ее чувство вины? Ну может совсем немного. Он не оставил ей выбора и теперь Зигги ожидает темная бесконечность, к которой он так безудержно стремился. Ей приятно думать что для дела Зигги уже не понадобится, мавр сделал свое дело и теперь может уйти, с Кирой они справятся сами. После ее ухода от Туровцына, Зигги с Тараканом разнесли роскошный пентхауз олигарха. Что-что, а Зигги еще способен просчитывать на много шагов вперед. Умный, гад. Драгоценный фарфор был расколошмачен, хрустальные люстры снесены и зеркала разбиты вдребезги. Они разодрали занавеси, запачкали стены кетчупом, опрокинули скульптуры. Зигги по-умному прихватил со стен две бесценные картины Гейнсборо. Туровцын должен быть вне себя. К тому же, бугай, которого они с Тараканом убрали от двери, до сих пор находится в больнице с тяжелой черепной травмой. А он родственник Лосева — начальника охраны. Это значит, что Киру ищут как никого другого. Теперь, если она будет дурой и снова упрется, Тайке стоит позвонить богатею и он будет охотиться за ней, как голодный хищник за куском парного мяса. Спасение Киры только в стенах Братства, больше ей никто не поможет. Зигги отлично поработал, он может когда захочет. Теперь пришло время ему отдохнуть, он сам говорил что устал от всего. Что же, она позаботится об этом, в конце концов, зачем нужны друзья?

Глава 37

Звонок не работает. Дрожащей рукой Кира легонько стучит в дверь. Она только скажет: Я за телефоном... — И все. Лишь бы найти в себе силы и не сбежать сейчас, пока дверь еще закрыта. По ту сторону тишина и она стучит смелее. Что же понятно, его нет дома. Она так долго собиралась с силами чтобы прийти к этой двери и вот, все бесполезно. Точно зная что дверь ей не откроют, она смело тарабанит по ней. Лифт поднимается долго. Войдя вовнутрь, она устало облакачивается о панель. Вот и все. Заставить себя прийти второй раз она не сможет.

Когда двери лифта открылись, на площадке первого этажа прямо перед собой она видит Глеба. Какое-то время они ошеломленно смотрят друг другу в лицо.

— Давно не виделись, — наконец находится он.

Она было метнулась из лифта, но загородив выход, он двумя руками, как курицу, вновь загоняет ее в глубь кабинки. Зажав в углу, он отгораживает ее от всего остального мира. Двери лифта закрываются и становится темно. Она чувствует тепло его дыхания. Лицо ее почти упирается в расстегнутый ворот его парки. Ее парализует его запах, такой невозможно притягательный, от которого хочется заплакать. Несмотря на то, что они так близко друг от друга, он не осмеливается дотронуться до нее. На пару минут воцаряется тишина. По стене она отодвигается в сторону. И тут же чувствует запах пластика и мочи в лифте. Глеб на ощупь нажимает первую попавшую под палец кнопку. Свет включается и ожив, лифт поднимается вверх. Тусклая лампочка освещает его растерянное и робкое лицо.

— И где ты была? — засунув руки в карманы спрашивает он ее. — От волнения голос у него садится и он переходит на шепот. — Где ты была? Звонила твоя мать, звонили из театра... Я отправил миллион сообщений на телефон твоей двинутой подруги. А в ответ ни слова. Тебя ищет полиция, твое имя есть в списках всех моргов Москвы. И только недавно твоя мать сказала что ты жива и здорова.

Кира молчит.

Он жадно вглядывается ей в лицо.

— Только не говори что ты пришла за телефоном...

— За телефоном, — испуганно повторяет она.

Как ни странно они приехали на нужный этаж.

— Ну хорошо, тогда пойдём. Заходи.

Она останавливается в коридоре.

— Я здесь подожду.

— Под дверью?

Кира не двигается с места, только судорожно сжимает сумку. Вздохнув, Глеб уходит в комнату и возвращается с телефоном. Он неважно выглядит. Бледен, давно не брит, на протертых джинсах насажены пятна, но самое главное глаза. Тревожные и измученные.

— Прежде чем я отдам тебе телефон, я хочу чтобы ты меня выслушала.

— Я очень тороплюсь.

Она еле сдерживается, чтобы не заплакать.

— Это не займет много времени. Тогда с Мариной... Я почти точно знаю, что ничего не было.

— Почти?

— Я не могу доказать тебе... Но я думаю что между нами ничего не было. Да положи свою сумку, что ты в нее так вцепилась? Пойми, я ехал к ней, чтобы разорвать. Мы выпили и что случилось потом я совершенно не помню...

— Это очень удобно, когда так отшибает память.

Она чувствует как глаза начинают затопляться слезами. Лишь бы не моргнуть.

— Ты мне не веришь? Что же, я бы тоже наверное не поверил. Но я прошу тебя...

— Телефон, — в нос говорит она.

Глеб протягивает ей телефон. Скользя пальцами по его теплой руке, она закрывает глаза и уже не может сдержать слезы. Отворачивается и лихорадочно пытается открыть дверь.

— Кира, останься. Прости меня, если можешь... Мне очень плохо. Я правда... Совсем не могу без тебя. От меня осталась только половина того Глеба, которого ты знала. И я думаю лучшая половина...

Голос его дрожит. Рука Киры застывает на замке. Голова бессильно свешивается и она прислоняет горящий лоб к двери. Она не может уйти отсюда. Медленно поворачивается и делает нерешительный шаг к Глебу. Бросившись ей навстречу он крепко обнимает ее.

Нежно тикает секундная стрелка на будильнике. За окном гул машин с дороги, кто-то сигналит. Фонарь зажегся внизу, погас и снова зажегся. Из-за стекла льется молочный свет месяца и одним прозрачным лучом выхватывает из темноты два обнаженных силуэта на кровати. Обхватив руками лицо женщины, мужчина всматривается в него. Ее близость мучает его и одновременно делает счастливым. Женщина нужна ему как никогда раньше. За долгие дни тревожного одиночества он понял это. Без нее он слеп и глух. Ему хочется видеть и слышать только ее. Без нее ему не хочется говорить. Не для кого. Только она может услышать то, что ему хочется сказать. Без нее нет лунного луча раздвигающего шторы, нет никаких важных звуков и запахов в жизни.

Нужно включить торшер, чтобы немедленно увидеть ее лицо. Он уже соскучился.

Тянется к шнуру. Щелчок и комнату режет на свет и тень. Кира кладет голову на грудь Глебу. Кровать как большая, устойчивая лодка, не страшен даже самый свирепый шторм. В лодке двое. Он и она в бескрайнем океане. И только. Им никто не нужен и им не страшно, потому что они вдвоем. Они не знают куда плывут, но им все равно, потому что они вместе.

— Как я раньше жил без тебя? — спрашивает он.

— Не знаю, я без тебя никогда не жила.

— Мне было так плохо, когда ты ушла. Я курю теперь...

— Ты бросишь.

— Я брошу, — обещает он. — А ты больше никуда не уйдешь, — горячо шепчет он ей в ухо.

— Да, — соглашается она.

— Я даже женюсь, если нужно...

Лицо его серьезно.

— Да.

Глеб поднимается на локте и убирает локон с ее щеки. Рот его растягивается в озорной улыбке.

— Мы уедем из этого города и будем жить в деревне. У нас будет дом, большая кухня, и я куплю тебе хлебопечку. Ты будешь толстой и счастливой.

— Балерины не бывают толстыми, Глеб, — говорит Кира приподнявшись на локте, — Меня пригласили в театр на просмотр.

Он садится на кровати.

— Заболоцкий — отличный парень. Звонил мне днем и ночью... Мы вместе искали тебя.

— Он очень хороший друг, — соглашается Кира. — Я иду завтра и будь что будет. У меня сердце бьется через раз, так я боюсь.

— А я не боюсь. Моя девочка размажет по стенке всех корифеев.

— Я люблю тебя!

— А я? Ну иди ко мне...

Глеб улыбается. Глаза его светятся нежностью и страстью.

Только что доставили пиццу. От чашек с кофе поднимается пар. Они оба сидят на высоких табуретах на кухне. Завернутый в полотенце Глеб как никогда похож на юного римского императора. Он голоден и ест с аппетитом. Кира откусывает кусочек от треугольника и возвращает его в картонную коробку. Завтра в театре ее ждет серьезное испытание.

— Я рад что меня выставили из этого клоповника, — признается он. — Сам бы я никогда не решился. Было противно, но удобно. Перспективы, приличные деньги, машина... Слишком комфортно, чтобы снова бегать по улице. Теперь у меня есть время подумать, чем я на самом деле хочу заниматься.

Она кивает головой.

— Прости, это из-за меня...

Глеб бросает пиццу и берет ее за обе руки.

— За что прости? За что? Это ты меня прости. За все...

— Не будем об этом, — испуганно прерывает его она.

— Хорошо не будем. Я на самом деле рад, что свободен. В этом городе есть миллион

возможностей для такого славного мучачо как я.

Он не унывает, и вправду теперь выглядит бодрее.

— Завтра утром мы перевезем твои вещи.

— Послезавтра, Глеб.

— Кира!

— Утром я иду в театр, а вечером должна заменить Зилолу. Я обещала! В субботу женится ее кузен — Махмуд, и там какие-то грандиозные приготовления. Муся будет поздно, у нее вечерние классы. Так что больше некому. Глеб, я не могу подвести, Зилола так много сделала для нас.

Он вздыхает и много раз целует ее запястье.

— Ты отвратительно-порядочная девочка, Милованова. Это отвратительно, потому что других таких больше нет! Только не меняйся, ладно? И поклянись, что ты больше никогда не пропадешь!

— Клянусь!

Глава 38

Вверх, по отвесной стене дома поднимается человек. На спине его горбом топорщится рюкзак. Перебирая руками и ногами, как огромный геккон, одним броском он проворно взбирается сразу на несколько метров. Замирает на секунды, чтобы осмотреться и потом снова карабкается вверх. Вот последний, нужный этаж — четырнадцатый. Он вцепляется в наружный подоконник. Так и есть, раздвижное окно до конца не закрыто. Все— таки Зигги — беспечный идиот, но сейчас это только на руку. Стараясь не шуметь, Таракан сдвигает раму до упора. Она тяжело, но поддается. Подтянувшись, он садится на подоконник и залезает вовнутрь. Конечно, через дверь было бы гораздо легче. Тайка дала ему дубликат ключей, но один из них не проворачивался. Зигги видимо оставил ключ в замке. Когда Таракан завозился, в подъезде за соседней дверью залаяла собака и ему пришлось уносить ноги.

В квартире темно. Воздух тяжелый, пахнет стройкой и вьевшимся в стены куревом. Таракан осторожно опускает рюкзак на пол. Он знает план квартиры, но не бывал здесь раньше, его никогда не приглашали. Зигги Таракана недолюбливал и смеялся над ним. Иногда довольно жестоко. И хотя внутри Таракана все кипело, он сдерживался изо всех сил. Что возьмешь с юродивого? Смеривая Зигги взглядом он часто думал, что легко бы мог накостылять этой сопле. Его и пальцем перешибешь. Но он не хотел неприятностей, хотел быть чистым перед Братством и отделял зерна от плевел. Когда в самый первый раз он прибыл на осмотр к Еникееву, там его уже ждал Зигги. Сложив руки на подоконнике он сидел у открытого окна и не отрываясь смотрел вниз. Еникеев долго крутился возле Таракана, измеряя приборами все, что можно было измерить внутри его тела. За все это время Зигги ни разу не обернулся и не произнес ни звука, только несколько раз щелкнул зажигалкой. Когда наконец доктор предложил Таракану одеться, Зигги резко встал и уставился на него. Глаза у него были тусклые.

— Миша значит? — задумчиво произнес он, потом сразу же обратился к Еникееву, — Что у Миши с речью?

— Это называется региональный акцент. Они там все так говорят, — немного

смутившись ответил Еникеев.

Зигги вздохнул и набрал номер Тайки.

— Таисья, вот что...Посвящать его я не буду. У него речевой дефект и я его не понимаю.

Таракан и Еникеев слышали частый треск Таисьиного голоса. Понять было ничего невозможно, но она явно была возмущена.

— Мне все равно, — прервал ее Зигги. — Какого его вызвали в Москву? У него четвертая категория, мне что с ним по стенам лазать? Я же не таракан. Еникеев его притащил, ты взяла в отдел. Вот и вошкайтесь.

Очередной, продолжительный треск извергся из трубки.

Зигги поморщился и не дослушав нажал на отбой. Настроение его явно улучшилось, он подмигнул Мише.

— И рычит и кричит, и усами шевелит! Таракан, таракан, тараканище! Ну, мне пора, вы тут сами как-нибудь разберетесь...

С тех пор Мишу окрестили Тараканом. Первое время он дулся, а потом привык. Он давил в себе злость и старался казаться равнодушным. Не стоило пачкать руки об идиота. Репутация должна быть чистой, Таракан метил высоко. В Братстве Зигги уже был никем, поэтому не стоил неприятностей, вздумай Таракан набить ему морду.

На секунду он включает маленький фонарик, чтобы осмотреться. Комната опять погружается в темноту. Около выхода из гостевой спальни он чуть было не споткнулся о банки с краской. Но успел схватиться за косяк двери. Черт! Начав ремонт год назад, Зигги выгнал бригаду за бесконечное пьянство и не позаботился нанять другую. Таракану нужна вторая дверь по коридору. Он не сильно переживает по поводу того, что ему предстоит сделать. Внутри его, правда, шевелится что-то вроде легкого сожаления. Но не к Зигги, а к упущенным блестящим возможностям, данным ему при рождении. Нужно быть полным пентюхом, чтобы так спустить все в унитаз. Таракан бы так никогда не облажался. Если бы только у него была одиннадцатая категория!

Снова осветив коридор, он выключает фонарь и делает несколько шагов вперед. Нужная дверь прикрыта. Ощущение опасности на мгновение охватывает его. Он нащупывает в кармане Глок. Это на самый крайний случай, ведь шуметь нельзя. Холодный пот выступает на лбу. Вот жеш свинство, он забыл прикрепить глушитель! Собирался сделать это в машине, но пока парковался, забыл. Это все нервы, не каждый день приходится выполнять такие задания. Просто так ордена не дают и теперь Таракан проклинает свое волнение, которое не позволило ему сосредоточиться в машине. Но ничего, успокаивает он себя, стрелять и не придется. Дверь в нужную комнату открывается бесшумно. Темно и ни черта не видно. Чтобы приучить глаза к темноте, Таракан замирает. Но темнота так быстро не расступается, и несколько минут он ничего не видит. Паника охватывает его, но в этот момент, как благословение свыше, из-за туч выходит месяц, свет его слабо освещает комнату. Таракан неистово крестится и хотя в Братстве запрещены религии скваев, тут он отступает от правил и делает так, как его учили в детстве. На кровати он видит спящего Зигги, на нем все то же поношенное пальто. Голова запрокинута назад, шея голая с нагло торчащим кадыком. Выдохнув, Таракан достает из кармана крепкую удавку. Зигги скорее всего под кайфом. Удушить его должно быть легко. Чувствуя торжественность момента, он подкрадывается к

тахте. Сейчас внутри Зигги струится теплая кровь, бьется сердце, раздуваются легкие, а через пару минут все замрет. Лицо у Зигги бледное, все равно что посмертная гипсовая маска. Выступы черепа хорошо обозначены, он страшно худой. Скрестив запястья, Таракан мгновенно продевает веревку под голову Зигги и резко разводит руки в стороны. Жертва дергается и распахивает глаза. Своими мощными руками, Таракан затягивает петлю туже, но не успевает довести дело до конца, потому что в эту секунду его сотрясает сильный удар в грудь. Равновесие потеряно, Зигги сбил его с ног, поднял в воздух и ударил спиной о потолок. Теперь он лицом к лицу лежит на зависшем в воздухе Зигги. Второй мощный удар в спину оглушает его и заревев от боли, Таракан выпускает удавку из рук. Зигги опускается ниже и со страшной скоростью взмывает вверх. Своим телом он вбивает его в потолок. В свете месяца Таракан видит на лице своего противника такое бешеное остервенение, что понимает — живым ему отсюда не выползти. Что-то сильно обжигает шею. Толстый шнур шведской люстры полоснул его по ключице. Люстра сделана из собранных по кругу оленьих рогов, три крепких шнура крепят ее к потолку. Зигги хватает один из них, подтягивает вверх, рог оленя почти втыкается в глаз Таракану, и он вдруг понимает, как будет умирать. Зигги обмотает шнур вокруг шеи, а потом повиснет на его ногах, помогая ему отдать концы. Только не это! От усилия, жилы у него на шее вздуваются. Одной рукой он отталкивает от себя Зигги, второй вырывает Глок из кармана и вслепую стреляет, только бы отвести смерть. Оба стремительно падают вниз. Превозмогая боль он вскакивает с подмятого им противника. Некоторое время ничего не слышно, выстрел был громким и оглушил его. Тело Зигги неподвижно, под ним черной лужей растекается кровь. Ощупав себя, Таракан понимает что не ранен. Сильно болит спина, но он цел. Нужно торопиться, выстрел был таким громким, что соседи наверняка вызовут полицейских. Выскочив на застекленную лоджию, выходящую во внутренний двор, он осторожно раздвигает полоски жалюзи. Из подъездов уже выбежали несколько подростков. В квартире по соседству включили свет, медлить нельзя, нужно немедленно найти носители. Он возвращается в спальню. Ноутбук лежит в углу комнаты, судя по пыли на панели, им давно не пользовались. Где же телефон? Неожиданно за спиной слышится хриплый смех. Таракан отпрыгивает в сторону, но через секунду понимает, Зигги не опасен. Раненый доходяга сумел сесть и держится за бок, рука его в крови, на шее багровый след от удавки.

— Всегда был насекомым, мразь...

Слова застревают у него в горле и пригнувшись к полу, Зигги рвет кровью. Подойдя вплотную и ткнув Глок ему в грудь, Таракан снова стреляет. Зигги валится на бок и больше не шевелится. Обыскав труп, в кармане пальто он находит телефон. Все носители собраны, пора уходить. Эта часть квартиры выходит окнами в небольшой парк. Внизу никого нет, ворота заперты на ночь, их никто не сможет увидеть. Когда приедут менты, в первую очередь они начнут шерстить подъезды с другой стороны дома. Он складывает носители в рюкзак, и застегнув молнию, надевает его на плечи. В коридоре вскрывает банки и выливает краску под шторы в гостиную. В подъезде слышатся мужские голоса, Таракан кидается на балкон, во дворе стоят две полицейские машины. Он возвращается в гостиную и тут же раздается стук в дверь. Быстро же они определили квартиру! Нужно действовать! Горящая спичка мгновенно воспламеняет лужу из краски, ярко полыхнув, огонь перекидывается на шторы. Упаковав тело Зигги в спецконструкцию из ремней, Таракан взваливает его на спину и застегивает на груди карабин. В окне он застревает, но потом резко рванувшись вперед, освобождается. Это голова Зигги зацепилась за раму. Спуск будет не из легких, до ворот

недалеко, но нужно еще перетащить тело через ограду. Машина припаркована на соседней улице. Зигги хоть и легок, но оттягивает спину. С грузом перемещаться тяжелее, нужно крепче цепляться за стены, иначе сорвешься. Таракан клянет судьбу за то, что ему так мало было дано при рождении. Едкий дым начинает валить из окна, он кашляет. За спиной, в парке завывала сирена, у закрытых ворот видны горящие фары, это пожарная машина. Вниз теперь спускаться нельзя, увидят. Дом состоит из двух разновысотных частей. Как две ступеньки они прилегают друг к другу. Западная часть поднимается на четырнадцать этажей, а восточная всего на шесть. Высокая часть дома выходит глухой стеной на крышу низкой. Именно туда он и устремляется. Обогнув угол, оказывается на сплошной, без окон, стене. В спине тупая боль, он так устал, что срывается с небольшой высоты, и тяжелым кулем падает на крышу шестиэтажного блока. Шатаясь, расстегивает ремни и скидывает с себя мертвое тело. Сирена взвывает снова, ворота уже открыли и пожарники въехали в парк. Убраться отсюда можно только с торца, высокие деревья прикрывают ту стену. Но что делать с телом? Унести его отсюда уже невозможно, все ходы перекрыты, самому бы убраться незаметно. В темноте кажется что Зигги ухмыляется, сейчас подмигнет и посоветует: Вызови труповозку. Таракан передергивается от неприятной мысли. Не получится его закопать за городом, как просила Тайка. Она взвьется, когда узнает что произошло. Он устроил цирк на всю округу, не хватало только чтобы его задержали с трупом. Порыв ветра окутывает Таракана удушающим дымом, он натягивает на нос ворот свитера. Паникуя, он уже готов бросить тело на крыше, но вдруг замечает, что шестиэтажный блок не совсем вплотную прилегают к высотному. Снаружи обе части дома выглядят одним целым, но на крыше между ними оставлен узкий зазор. Он затянут сеткой, чтобы туда не проваливались птицы. Швейцарским ножом Таракан рассекает сеть и подтаскивает тело. Нужно избавиться от браслета с маячком, срезает его с запястья мертвеца и кладет себе в карман. Пока живы, членам Братства запрещено снимать маячок, по нему всегда можно узнать местонахождение аераха. Не успевший затвердеть Зигги, с трудом проходит между блоками. Таракан поворачивает его торсом между стен, но голова все равно застревает. Несколько раз он остервенело топает по черепу. В конце концов нога Таракана проваливается по колено, и тело шумно уходит в трещину, видимо внизу она шире. Здесь никто не найдет Зигги, щель настолько узкая, что взрослому человеку туда не пролезть. А маячок будет закопан там, куда Тайка, как бы любопытна не была, никогда не полезет. Неважно что сам Зигги лежит в другом месте, какая разница где ему гнить? Задыхаясь от боли и усталости, Таракан ковыляет к торцевой стене и поспешно начинает спускаться.

Глава 39

В зале номер шесть Кира одна. Ее шаги гулко отскакивают от пола, взлетают под потолок и разбившись на многие эха дробно обрушиваются ей на голову. Заболоцкий завел ее и оставил здесь, чтобы она могла разогреться. Она уже скинула одежду, переоделась в колготки и леотард, надела новые пуанты, которые размяла в двери пекарни под изумленным взглядом Зилолы. Муся закатила глаза и призналась как она счастлива, что ей больше никогда не придется пришивать ленты, резинки и вообще прикасаться к этим пыточным туфлям.

На скамейке у зеркальной стены, Кира старательно завязывает атласные ленты вокруг щиколоток. Подтыкает узелок. Время от времени она тяжело вздыхает — это от волнения. Огромный зал ее пугает, Ники сказал, что обычно здесь репетируют только солисты. Просто сейчас только он и свободен. Кира вскакивает, в ногах слабая дрожь, только бы не подвели нервы. Ей страшно, но тем не менее она мысленно просчитывает как можно покрыть пространство зала, если попросят показать что-нибудь из бывшего репертуара. Разогреваясь она с ужасом чувствует, что мышцы ее одеревенели. Неужели это конец? Она сжимает зубы. Пусть! Сегодняшний день возвратит ее в реальность. Мечтать сладко, но приходит время когда нужно узнать правду. Только не думать о провале, только не думать. Она заставляет себя переключиться. Ники изменился, немного подрос, стал увереннее и во взгляде появилась такое что-ли знание хорошей жизни. Последние годы жизнь к Заболоцкому была добра. Он заслужил, — думала Кира, отмечая его мягкую, спокойную улыбку. Когда он встретил ее внизу, она с визгом бросилась ему на шею и долго не могла отпустить. Смеялась и плакала одновременно.

— Кирка, Кирка..., — радовался он. — Куда же ты пропала, непутевая?

Мышцы становятся более послушными — это хорошо. Кровь усиленно заструилась по венам. Ей становится жарко, нельзя остывать, она накидывает болеро и двигается медленнее. Потом присаживается на скамейку, чтобы проверить узел ленты на левой ноге, он немного выпал. В зал заходят двое, за ними придерживает дверь Ники. Кира вскакивает и сложив ладони на груди в волнении застывает.

— Здравствуйте, — голос ее еле слышен.

Один из них кивает и садится на стул перед зеркалом, второй проходит к роялю. Ники теперь чужой и нервный, это сразу видно. Он о чем-то тихо переговаривается с сидящим на стуле, потом кивает и быстро идет к ней.

— Сначала нужен экзерсис, элементы... Потом будет видно...

Киру поражают его встревоженные глаза, он волнуется. Подведет она его или нет? Она вдруг понимает, как сложно ему было устроить этот просмотр. Бросив болеро на скамейку, она бежит к станку. Все смешивается в глазах и расплывается серыми пятнами, ей трудно сосредоточиться. Только ярко-зеленая кофта Заболоцкого как бы сигнализирует : Полный вперед. На секунду она закрывает глаза и говорит себе: Ну все-все, дура несчастная. Давай же теперь, давай! Рояль исторгает слабые аккорды, она немного пропускает и опаздывает, потом подстраивается и решает что пора. Выдохнув открывает глаза. Все мысли выскакивают из головы и тело обретает самостоятельную жизнь. Кира отпускает его, надеясь что оно не подведет, и она не ошибается. У нее всегда была отличная мышечная память. Ее кости, связки и мышцы умнее, чем она думала, и сами знают, что нужно делать. Кира двигается как никогда, она отдает все, что в ней есть. Ни разу не сбивается и не теряет апломб. После экзерсиса Ники снова подсакивает и просит показать что-нибудь из прошлого репертуара. После коротких переговоров с аккомпаниатором, она выходит в центр зала, от волнения закусывает губу, но тут же спохватывается и меняет лицо. Сейчас ей нужна задорная, уверенная улыбка. Она сильно рискует, выбрав такие сложные партии. В двух балетах она репетировала как стажер, а в третьем у нее была солирующая роль, но сейчас именно такой момент, когда нужно рисковать, и Ники шепнул ей об этом. Сначала она дает гранд па Китри, потом королеву Виллис, а в последнем выходе на гранд па де де из второго акта Щелкунчика, Ники быстро скидывает кофту и выбегает к ней на поддержку. И когда

музыка смолкает, все наконец приобретает прежние очертания. Первое что вырисовывается у нее перед лицом, это глаза Заболоцкого. Тревоги в них больше нет, он спокоен и деловит. Тяжело дыша она переводит взгляд на скамейку. Вид у человека на скамейке недовольный, рука его на подбородке, он что-то обдумывает. Потом встает, манит за собой Заболоцкого и выводит из зала. Аккомпаниатор закрыв рояль устремляется вслед за ними. Вот и все, какое то время Кира стоит помертвевшая, потом медленно бредет к зеркалу, вынимает из сумки полотенце и вытирает лицо. Ну что же, теперь она знает, что ни на что не способна. Нужно расстаться с мечтой и начинать жить в реальном мире. Скрипнула дверь, Заболоцкий возвращается один. Со слезами на глазах она кидается к нему. Склонившись к ней Ники шепотом называет имя человека, который смотрел ее. От благоговения у нее распахиваются глаза.

— Прости, кажется я прокололась...

— Прощаю, пошли сдавать документы. Ты теперь артистка Большого театра.

У Киры дрожат губы.

— Ники, у него было такое лицо!

— Как будто живот болит, да? А вот и нет, он как раз был доволен. Вот когда злится, он всегда улыбается.

Ноги не держат ее и она опускается на пол. Закрывает ладонями глаза. Заболоцкий опускается на колени, рядом с ней.

— Ты конечно, дала! Мне казалось, что ты даже зависишь в воздухе... Я очень тобой горжусь.

— Ники...

Кира все еще не верит.

— Он сказал, что технически ты почти как ..., — Ники шепотом называет имя. — И у тебя очень пластичное лицо.

— Не может быть!

— На партию пока не рассчитывай, придется начать с кордебалета. У нас здесь столько народу... Всем тесно. И если пойдешь вперед, приготовься к тому, что сзади тебя будут кусать за икры...

Кира бросается ему на шею и не дает договорить.

Потом они долго сидели в кафетерии и не могли наговориться.

Вспоминали учебу в хореографичке, преподавателей и учеников. У Киры стыл чай и засыхало пирожное. От счастья ей все время хотелось вскочить и закричать во весь голос: Я здесь! Смотрите на меня! Видите? Я буду приходить сюда каждый день и никто, никто меня не остановит! Ники сказал, что скоро в Москву приедет Мамонт, и что было бы неплохо встретиться всем вместе. Но о Мусе ни слова. Кира собралась с духом, чтобы спросить:

— Ники, скажи тогда... Когда ты подмахнул автограф, ты не узнал Мусю? Правда? Ты знаешь, она ведь была в безвыходной ситуации.

Ники вздыхает, ему тяжело говорить об этом.

— Конечно узнал, поступил как последний козел. Я только потом понял, что просто так она бы никогда не пришла.

Кира покачала головой.

— Ты простил?

— Да, полностью.

Ники не хочется об этом разговаривать. Он ласково смотрит на нее.

— Ты знаешь что Костя Парашвили в Австралии?

— Да, он танцует? В Мельбурне?

— Нет, водит грузовик в каком-то каньоне, они там добывают щебень. Пару месяцев назад был в Москве. Привез мне бумеранг, охотиться на кенгуру. Вполне счастлив и кажется собирается жениться.

Кира позвонила Глебу и минут двадцать кричала ему в трубку. Она громко смеялась и по дороге ей хотелось обниматься со всеми встречными. В проезде от нее шарахнулся парень, а через пару минут какая-то тетка перешла на другую сторону улицы. Глеб был рад и тоже кричал в телефон. Ей было так жалко, что увидеться они смогут только завтра вечером. Он очень хотел заехать за ней, но она пообещала Зилоле остаться в ресторане. Святая женщина уходила с ночевкой к родственникам и Кира должна была замесить утренний хлеб. Завтра днем она соберет вещи и уйдет к нему насовсем. Ей хотелось чтобы Муся тоже пожила первое время с ними, но подруга наотрез отказалась. Сказала что не хочет быть третьей и наблюдать как они омерзительно счастливы. Еще какое-то время она поживет у Зилолы, а потом, когда подзаработает денег, снимет комнату.

Глава 40

Утром ее разбудил звонок Таракана. С похмелья Тайка долго не может разобрать, что он ей втолковывает.

— Не клуй мне мозг, Миша. Что ты там мычишь? Если это какая-то хня, позвони мне позже.

А когда до нее наконец доходит, она подскакивает на кровати. Новости плохие. Кира вернулась к Глебу и ее взяли на работу в театр. Каждый раз, когда Тайке кажется что балерине пришел конец, эта тварь находит в себе силы подняться. Как крепкий жучок, ты его давишь и давишь, а он подсоберется жесткой спинкой и ползет себе восвояси. Это первый Тайкин проигрыш, позорный и тягостный, объект 861 — плевков ей в лицо. Из-за этой суки отдел провалил задание!

Вчера по видео-линку ей позвонил Хальстрем, разговор не занял и пяти минут. Он коротко приказал ей отстраниться. Информация о Кире дошла до Глобал офиса, и там ее затребовали немедленно. Милованову даже не оставят в Европе, а сразу отвезут в центральную лабораторию. Хальстрем с ненавистью отчитывал Тайку за то, что они так протянули время. Когда он исчез с экрана, в ее ушах еще долго стояли его последние слова: incompetent idiots. Он назвал ее некомпетентной идиоткой! Потом Тайка как шальная швыряла все вокруг и билась о стены как помешанная, ярость переполняла ее. Она не выдержала и побежала в магазин, ей показалось что если сейчас не выпить, то можно сойти с ума.

Раскалывается голова, тошнота стоит в горле. Переговорив с Тараканом, она направляется на кухню, там еще есть полбутылки шираза. Но подержав за горлышко, она вдруг переворачивает ее над раковиной и наблюдает как рубиновая жидкость исчезает в стоке. Ей нужно все продумать на трезвую голову. Заварив эспрессо она замирает, глаза

останавливаются на золотом ободке турецкой чашки. Отдел тут не причем, Хальстрем взбесился потому, что Киру неожиданно затребовал Глобал офис. Он сам оказался под прессингом. Ничего, — думает Тайка, — пусть он проверит на своей шкуре, как это бегать днем с высунутым языком, а ночью дрожать от страха. Она приходит к мысли что такая спешка ей на руку, если кому-то наверху не терпится и они ужимают сроки, при чем здесь она? Значит на днях Киру заберут сотрудники ОЭР. Так или иначе. Добровольно эта коза не сдастся, можно уничтожить все, что для нее ценно в этом мире, в надежде, что от отчаяния она бросится в объятия Братства. Но Тайка чувствовала — Кира никогда не бросится. Даже если бы Тайке дали десять лет на обращение балерины, в итоге ей все равно пришлось бы просить о сценарии 32. Точно также как и сейчас приехали бы заплечники, накачали бы ее психотропным и увезли в Центр. Так какая разница, пусть уж они едут сейчас, не по просьбе Тайки. Трудно сказать, что будет с Кирой в Центре. Если добровольное сотрудничество невозможно, ей наверняка сделают точечное повреждение мозга. Небольшое кровоизлияние и она превратится в растение. Со здоровым сердцем они лежат годами. Сотрудники Санаториума будут лелеять Киру как помешанные садоводы лелеют драгоценные цветы. Через трубки ее тело будут накачивать витаминами и питательной жидкостью. Ей будут массировать члены, каждые несколько часов переворачивать и сажать в специальное кресло, чтобы не застаивалась кровь. И хотя она ничего не будет слышать, видеть и чувствовать, раздирая ее тело с ней будут почтительно ласково разговаривать и делать одухотворенные лица. Возможно, ее провозгласят матерью-Кеклан — прародительницей всех последующих поколений аерахов. Это место пока никем не занято, а в писании есть предсказание что из гниющего чрева Кеклан возродится сильное новое племя. Тайке противно, если Кире начнут еще и молиться. Религия в Братстве пока дело добровольное. Но надолго ли? До первого религиозного СЕО. Стоит одному фрику прийти к власти и все братья и сестры будут ходить в храм и в молельном экстазе разбивать головы о колени святых. В любом случае, как бы Киру не боготворили, у нее все равно будут выковыривать яйцеклетки, сливать кровь, соскабливать кожу... забирать все, что нужно Братству для воспроизводства идеальной генетической комбинации. Хальстрем конечно, все еще верит, что балерину можно было обратить и склонить к сотрудничеству. Дурак! Он не понимает что с ней бесполезны все их психологические кунштюки. Вчера Тайка предложила ему сценарий 32 и его обычно невозмутимое лицо запрыгало в неожиданных гримасах. Он так замахал на нее руками, что Тайке тоже стало страшно, она вдруг поняла масштаб происходящего вокруг Киры.

Пять лет назад Тайка приехала из деревни в Москву по приглашению Клопова. На вокзале ее встретил Зигги. Она пропала сразу, влюбившись в него без памяти. В тот же вечер при посвящении, он мягко толкнул ее с покатой крыши. Шел дождь и ее нога поехала по мокрому железу, а он засмеялся. Подавшись всем телом вперед, она упала животом на скат, расставив ноги и руки, как могла зацепилась за края металлической кровли. Она умоляла его подать ей руку и он легко, не теряя равновесия спустился к ней.

— Я не смогу, — завывала она.

— Ну хорошо, дай руку.

Он крепко схватил ее за запястье. А по второй руке больно топнул ногой. Когда она охнула и выдернула пальцы из под его каблука, он отпустил ее. Тайкино тело поехало вниз, и она уже не могла ни за что ухватиться. К ее удивлению она плавно опустилась на крышу чьей-то припаркованной внизу машины. Зигги уже стоял рядом и тут же стянул ее на землю.

Через несколько минут они снова были наверху. Теперь она не боялась, в ней проснулся голод к этому странному чувству, освобождавшему тело от силы тяжести. Встав спиной к краю, она закрыла глаза и оттолкнулась. Как он учил, сразу же перевернулась, резко вдохнула ударивший в лицо воздух и родилась заново. Ей дали девятую категорию и затребовали в Центр. Нужно было ехать в Финляндию. Контракт был на двадцать четыре года. Сначала ее испугал такой срок, но за каждый год работы она получила бы безумные деньги. Это ее примирило, Тайка знала свои выгоды. На несколько недель ее оставили в Москве, чтобы она подучила английский — рабочий язык Братства. Получив авансом внушительную сумму она сразу же накупила себе кучу шмотья. Лаковые ботфорты на шпильке и лисью, супермодную шубу. Шуба была шита внахлест, в нескольких местах свешивались хвосты и лапы. Когда Зигги впервые увидел ее такой наряженной, он засмеялся и спросил: Тебя что, по дороге волки драли? — Кому-нибудь другому не поздоровилось бы, но тут она промолчала. При нем она густо наливалась кровью в лице и становилась стеснительной, чего за ней раньше никогда не водилось. Тушевалась перед его умом и светскостью, терпела все его насмешки. Влюбилась вусмерть, но Зигги был недоступен, он жил с Лилей — тихой, неприметной блондинкой. У Лили была всего четвертая категория и Тайка раздувалась от гордости, что у нее Тайки — то ценность намного выше. Мечтая вслух о том, как она будет работать в Финляндии, это вам не Москва, она замечала, что Лили странно на нее поглядывает. Завидует, — думала Тайка. Однажды когда она уж совсем разливалась о Научном парке, Лили не выдержала и тихо сказала:

— Это не Луна Парк, Тая...

Лили оказалась права, это был далеко не Луна Парк. Кампус она увидела только мельком, когда приземлялась на маленьком самолете. Ее сразу же пересадили во внедорожник и они еще долго ехали по тайге. В два часа начало темнеть и густеющие деревья зловеще засинели. Лесом Тайку было не испугать, но почему-то ее охватило тревожное чувство. Они подъехали к высокому забору, который напомнил ей колонию. Прошли одни ворота, другие. Везде охрана, тяжелые засовы на дверях и решетках. Подавленно она следовала за своими провожатыми. Ее сдали на руки стерильным на вид сотрудникам с непроницаемыми лицами. Заставили снять всю одежду и повели в душ, объяснив что она должна будет провести пару недель в карантине. В большой теплой комнате было комфортно. Добротная мебель, телевизор с многочисленными каналами, масса DVD и эмпэтришной музыки. Все, как в отличной гостинице, только без окон. Дверь за ней сразу заперли и еду выдали в окошко, ее охватил нервный озноб. Она высидела два дня, но после стала рваться наружу. Все было как в тюрьме, пусть в пятизвездочной, но все же тюрьме. После двух недель ее вывели на прогулку, и тут она поняла, что вляпалась серьезно. Высокий забор ограждал внутреннюю территорию по всему периметру. А над ним куполом была натянута металлическая сетка, как в вольере для птиц в зоопарке. Бледные женщины бродили по парковым дорожкам, многие сидели на скамьях и вяло общались между собой. Все в одинаковых фланелевых костюмах, такой же выдали и Тайке. Разговаривали они тихо, почти шепотом. Все были иностранками и общались между собой на английском. По славянским чертам Тайка выделила сероглазую девушку, которая действительно оказалась русской. Несколько дней она пыталась ее вопросами и с каждым днем становилась все мрачнее. Это было место, в котором ей предстояло провести двадцать четыре года — Санаториум. Никакой другой работы не было. У нее купили тело. Здесь

находились женщины седьмой и выше категорий. За глаза их называли несущками. У них забирали яйцеклетки и помимо этого у каждой была индивидуальная медпрограмма. Их поили неизвестными препаратами, резали, протыкали животы и забирали разные ткани тела. Сероглазая показала свои шрамы на груди. Какое-то время Тайку не трогали. По расписанию водили в бассейн, на классы йоги, массаж, рефлексотерапию. Хорошо кормили, свежие соки, органическая еда. В парке для прогулок она гуляла по два часа ежедневно. Жадно всматриваясь вверх, начинала мечтать о свободе. Металлическая сетка закрывала небо, как в зоопарке — настоящий авиарий. Сероглазая шептала:

— У тебя сгорят пальцы, как только ты прикоснешься к проволоке. Чем больше ты будешь биться о нее, тем больше гореть. Ты не умрешь, нет...Здесь нет ничего ценнее твоего тела. Отсюда нет выхода пока...

— А если я передумала?

Сероглазая испуганно оглянулась и склонилась к ее уху.

— Тебя отпустят только тогда, когда снизится эстроген. Через лет двадцать...

Тайка была в отчаянии. Для нее не было ничего страшнее, чем отсидеть за решеткой свои лучшие годы. Хорошо бы если этот мерзкий эстроген выпарился из ее тела быстрее.

На следующий день ее вызвали в кабинет. С ней разговаривали очень приветливо. Положили на кушетку, что-то мерили, брали кровь, мазали щеточками. Тайка терпеливо все сносила, но когда инструментами ей полезли вовнутрь, она резко сжала ноги и вскочила с кушетки. Нет уж, так она не договаривалась. Доктор попросил ее лечь. Она отказалась и все пошло как в страшном сне, проснуться от которого нельзя. В комнату вошли несколько мужчин и распяли ее на столе. Она стала лягаться, но ей пристегнули браслетами ноги и руки. И как бы она не рвалась, она ничего не могла сделать. В следующую минуту доктор ввел в нее металлический предмет и она закричала во весь голос. Тогда ей поднесли маску к лицу и она потеряла сознание. Ночью она проснулась от боли в животе, обхватив колени, застонала. Вбивала кулаком кнопку вызова, но никто не шел. Пару дней ее не трогали и держали взаперти. Потом выпустили на прогулку и сероглазая прошептала:

— Будешь драться, сделают еще хуже. Не будет никаких обезболивающих...

— Они не могут насильно держать меня!

Соседка тихо рассмеялась. В ее смехе была такая страшная безнадежность, что Тайка мгновенно поняла, как она попала.

— Будь осторожна, — предупредила ее сероглазая, — а то переведут в S2. Мы в Санаториуме S1 и это рай. В S2 сразу убьют твой мозг, а тело будут убивать очень долго...

Они хотели высосать из нее все, что им было нужно. Для стимуляции яичников ее заставили пить гормоны и ей раздуло шею. Когда она проглотила воду, а таблетку схоронила за щекой, это заметили и на следующий день ей стали делать инъекции. Раз в месяц забирали яйцеклетки. Часть из них криоконсервировали, часть оплодотворяли сперматозоидами мужчин с высокой концентрацией аэрогенов. За деньги детей вынашивали суррогатные матери-скваи, а после рождения малыши попадали в интернаты Братства. Сероглазая рассказала Тайке что так намного эффективнее. У каждой женщины забирают несколько фолликулов в месяц. Часть из них конечно погибает, но три-четыре пригодны для оплодотворения. Это три — четыре эмбриона. Каждая женщина здесь является донором примерно десяти-двенадцати аэродетей, рожденных в один год. Тайке было наплевать на

эффективность программы, здесь ей было плохо. Даже дома ей было тяжело усидеть на месте и она постоянно шлялась. Унаследовала это от своего отца, который неделями пропадал в тайге. Да и она сама часто ходила с ним то на рубку, то на охоту. В колонии, когда сидела за кражу, она чуть не сдохла. Стояла у забора и мечтала о свободе. Знай она тогда что так легко можно было через него перемахнуть. Залезть на крышу столовой, опрокинуться на спину вниз и только бы ее и видели. И вот теперь она опять взаперти, только за большие деньги. Двадцать четыре миллиона не стоили ее молодой жизни.

После многих просьб и скандалов ее наконец отвели к директору Санаториума. У нее был плохой английский и русская девушка помогала переводить. Тайке объяснили, что сделать уже ничего нельзя, подписав контракт, она должна находится здесь до истечения его срока.

— Вот суки! — сказала Тайка и обернулась к Сероглазой.

Та промолчала. Тайку прорвало и все, что услышал директор после, тоже осталось непереверенным. Она трясла перед ним указательным пальцем, а так как он ничего не понимал, плевала ему на пиджак. Сероглазую сразу вывели и вместо нее появились двое мужчин, которые схватили Тайку под руки и поволокли к выходу. Она вцепилась зубами в запястье одного из них, но почувствовала страшный удар по голове и потеряла сознание. Очнулась в маленькой камере два на два. Три недели ее держали на воде и варенном турнепсе. Окошко в двери открывалось один раз в день. Спала она без матраса, на прогнившей от сырости доске. Подкладывала туфли под голову и обнимала себя руками, чтобы согреться. Наверное для других это было серьезным испытанием, но Тайка была закаленной и относительно легко перенесла наказание. Осень и зима прошли тихо, сжав зубы она делала все, что от нее требовали. Теперь она все больше молчала, ела за троих и набиралась сил. В середине весны, когда потеплело, она до обморока избила медсестру и забрав магнитную карточку и униформу выбралась на наружную открытую стену. Годы, проведенные в сибирской тайге спасли ей жизнь. Три недели она ела ягоды и лягушек, собирала птичьи яйца. В мае высохшая и черная вышла на трассу, ведущую в Хельсинки.

Она почти добралась до дому, но в Новосибирске ее встретил Когль. На платформе, когда она слезла с подножки, он чуть не вырвал ей горло, а два вежливых парня из ОЭР завели ее в другой, отбывающий в Москву поезд. На второй день ей удалось запереться в туалете. Дверь Когль открыл сразу и за ногу потащил Тайку по длинному проходу. В купе, когда она поднялась и села на лавку, он сказал: Очень сожалею. Они все были очень хорошо воспитаны, делали ей больно, и тут же извинялись. В Москве, перед самолетом они заночевали в гостинице. Когль заказал ей ужин в номер, а вежливые парни отсыпались в соседней комнате. Хмуро открыв крышки с тарелок, Когль отодвинул все в ее сторону. Сам он поел в ресторане, пока ее сторожили другие. Тайка улыбнулась и одной большой кучей все свалила себе в тарелку. Когда закончила, подняла руки и сладко потянулась.

— Никаких манер, — заметил на английском Когль.

Но Тайка поняла. Она встала, потянулась еще раз и сказала по русски: Чо гришь-то дядя? Подошла к нему вплотную и нагнувшись быстро поцеловала в губы. Когль схватил ее за руки и вскочил. Реакция у него была мгновенной, но по лицу было видно, что он в замешательстве. Когда он встал, она похотливо прильнула к нему всем телом. В растерянности он отступил назад, и в этот момент она так пнула ему между ног, что он сразу

свалился на пол. Пока он корчился у кресла, она выскочила в коридор и по пожарной лестнице сбегала вниз на два этажа. Спускаться в лобби было опасно. Парни умели быстро бегать и прыгать, она это знала. Поэтому сиганула в окно из подсобки для горничных. Палада быстро, от страха не успела перевернуться и обрезала себе кусок бедра о вытяжную трубу. Истекающую кровью ее скрыла лесополоса. Когда через месяц она вошла в дом матери, в сенях на лавке, под сушившимися вениками ее ждал Зигги. Она выпила кружку воды из ведра, сняла с другого края лавки хомут и села рядом.

— Когль тоже здесь? — спросила она потерев шею.

— Вчера его срочно вызвали в Центр. Он так рыдал, что я отдал ему свой носовой платок. Ему не хотелось уезжать, он грезил о встрече с вами.

— Мудак, — сказала Тайка.

— Его можно понять, он только неделю назад стал ходить нормально, не разводя колени, — засмеялся Зигги. — Ну что, Таисья? Рассиживаться некогда, надо ехать, — хлопнул он в ладоши и поднялся.

Худая, изможденная с синими тенями под глазами она насмешливо посмотрела на него.

— Тая, давай по хорошему, — попросил он.

— Давай по хорошему, — согласилась она. — У меня нет ничего, что вам нужно. Ничего! Вам ведь этого нужно? — Она вскочила и выпятила живот. — Ну нате, берите, и не жалуйтесь! Дешево даю!

Она задрала кофту до груди и спустила вниз леггинсы. Внизу живота сиял размашистый, сиреневый шрам. Хирурги в районном центре особо не старались. Тайка сделала полную гистерэктомию, вырезав матку и яичники.

Зигги охнул и вышел. Она пошла в дом, села у окна и через листья герани наблюдала за ним. Вышагивая по двору он долго говорил по телефону. Ее мать загнала во двор корову и Зигги помахал ей рукой, но лицо у него было серьезным. Закончив говорить он быстрыми шагами пошел в избу.

— Значит так...Ты поедешь со мной, будет трибунал и шанс выжить. Если ты останешься здесь, тебя убьют. То есть, — он запнулся, — если сейчас этого не сделаю я, все равно приедут каратели и ты исчезнешь.

Она плохо помнит судебный процесс. Зигги что-то долго объяснял Вильштейну и тем другим сидящим за столом. Один из них бросал на Тайку тяжелые, ненавидящие взгляды. Зигги в основном обращался к нему. Они заспорили и Зигги ударил ладонью по столу. Тогда у Тайки был плохой английский и она почти ничего не понимала. Вильштейн встал, за ним поднялись все остальные и покинули комнату. Директор сошел с трибуны.

— Она хорошая девочка, — сказал Зигги.

— Хорошая девочка, это очевидно..., — подтвердил Вильштейн.

Он ласково, по отечески шурился на Зигги и трепал его по плечу. Потом повернулся к Тайке.

— Везучая девочка... Не подведи этого засранца, он спас тебе жизнь.

На следующее утро сияющий Зигги забрал ее из цоколя. Ей даровали жизнь с голубым вкладышем.

Кира в пекарне одна. Муся ушла на работу, а Зилола у родственников. Тестомес монотонно гудит, в пекарне пахнет дрожжами и хлебом. Нет ни одной минуты в которую она бы не вспомнила глаза, руки, мягкий смех Глеба. Вокруг все теперь другое, как будто кто-то расчистил тяжелое, серое небо для солнечного, упоительного дня. Как все радовались там наверху в зале, когда она вернулась из театра. Гули испекла торт, чтобы отметить начало ее карьеры. Повар Рахим вскрикивал: Ай маладес! — и щелкал пальцами. Девочки-официантки обнимали ее, а Зилола смахивала слезы. Кире так хорошо, что даже страшно. Она переносит гладкое тесто в люльку расстоечного шкафа. Ну все, теперь только вымыть пол и можно идти спать. В пять утра она еще раз вымесит тесто, потом слепит хлеб и поставит его в расстоечную камеру. К этому времени придет Зилола и начнет закладывать лепешки в тандыр. Его она никому не доверяет. Набрав воды, Кира опускает ведро. Поднявшись она вскрикивает от неожиданности и роняет швабру. На выскобленном столе сидит Тайка. Она болтает ногами и пьет морковный смузи из пластиковой бутылки. Высосав его до противного хлюпанья, она прицеливается, бросает бутылку в ведро, но промахивается. Киру вдруг начинает знобить.

— Салют! — лыбится Тайка.

Кира поднимает бутылку с пола и опускает в контейнер для мусора. Она кидает тряпку на швабру, проходит в угол и начинает мыть пол.

— Что, не рада меня видеть?

Тон у нее издевательский. Быстрыми шагами вернувшись, Кира становится перед ней. Глаза в глаза.

— Уходи.

Та притворно вздыхает.

— Не могу.

— Зигги обещал, что вы оставите меня в покое.

— Бедный Зигги... Всегда врал...

Здрав ногу, она ставит ее каблуком на только что отмытую Кирой столешницу. На ней они раскатывают тесто.

— Пошла вон! — твердо говорит Кира.

— Друзья познаются в беде. Если им плохо, они вцепляются в тебя клещом, а если хорошо, так пошла вон? Раньше, ты бывало, радовалась мне. Так запрыгала на вокзале, с ментовской штукой во рту, что я боялась забудешь вынуть и оставить ее бедному дяденьке.

Ее фиолетовые в этот раз глаза в темных кругах. Опухшее, смятое лицо, трещинка в углу рта, сбитый маникюр.

— Ведь теперь у тебя все хорошо, правда?

— Это тебя не касается.

Тайка шмыгает носом.

— Думаешь устроила свою маленькую, бессмысленную жизнь? Не лопни от радости, мечты со временем скисают, учти. Зимин как трахался так и будет трахаться с другими. Постельный кузнечик, прыг-скок, с одной на другую... С тобой тоска, а Марины бывают очень красивыми. А ты простишь, не в первый же раз! Ну это ладно, у тебя же еще карьера! В лучах софитов корона сверкает стразами, синтетическая пачка слепит зрителей блестками. И все в твой жизни будет дешево и фальшиво, как этот прикид. Потому что грим течет и воняет, корсет жмет, болят связки, ты ненавидишь балаганные лица рядом стоящих. А Глеб у очередной Марины и ему плевать на твои партии. Будешь жить в ненависти и скорби.

Утопишь свою жизнь в мелочах и гадких чувствах. Может быть вспомнишь Тайку — эту мудрую женщину, которая предлагала жизнь во имя великой идеи.

Она ухмыляется. Кире противны ее фиолетовые, выпуклые глаза.

— Мы не позволим тебе так бездарно растрагаться. Так уж вышло, милочка... так уж вышло. Кто бы мог подумать что ты будешь такой востребованной? Теперь тебя хотят все, но нам ты нужна больше. Уйди ты от Глеба и оставь театр, кто о тебе вспомнит через месяц? Кирка — просто дырка. А Братство никогда не забудет и мы будем биться до последнего. Ты будешь с нами, через страдания, муки, смерть близких. Мы ни перед чем не остановимся...

У Киры холодеют руки. Она подбегает к двери и распахивает ее.

— Уходи, или я позову ребят из зала.

— Очень кстати, пусть принесут чего-нибудь выпить! Упрямая ты коза... Знаешь что с тобой сделают, если будешь брыкаться? А ты будешь, я тебя знаю... Тебе поранят мозг. Очень аккуратно, останешься такой же симпатичной. Лежать в коме и мочиться в дорогие памперсы не так уж и плохо. За тобой будут хорошо ухаживать. Это такое роскошное спа для особо упертых. Тебя будут кормить спецформулой и заботиться чтобы ты не умерла раньше времени. А ты будешь как курочка откладывать наполненные аэрогенами яйцеклетки. Ведь ты — генетическое сокровище! Твое тело заслуживает множественного рециклинга. Ну а когда мы возьмем все, что нам нужно, ты будешь свободна! Сдохнешь без трубок за неделю. И ты отказываешься от таких горизонтов?!

Тайка громко смеется. Кира теряет терпение.

— Засунь эти горизонты себе...

— Научилась! — всплескивает руками Тайка и вытаскивает из кармана скомканный тетрадный лист. Она встряхивает в воздухе.

— А ты думала будет вот так? Взвзвись за руки вы пойдете навстречу восходящему солнцу?

— Где ты взяла это? — с ужасом спрашивает Кира.

Это вырванный рисунок из ее детского дневника. Глеб и Кира в лодке. Он криво оторван и осталась только половина солнца, а лицо Киры расплылось от бордовой, видимо винной капли.

— А как ты думаешь? Купила у одного известного художника.

Кира бросается к телефону, соединенному напрямую с кухней.

— Ибрагим, тут какая-то сумасшедшая.

За стеной, с лестницы сразу же слышится топот ног. Тайка спрыгивает со стола. Скомкав рисунок она кидает его в ведро с водой и проходит мимо застывшего у входа Ибрагима.

— Все в порядке, — спрашивает он Киру.

— Да.

— Кто это? — спрашивает Ибрагим.

— Не знаю, — качает головой она.

Таких провалов у Тайки еще не случалось. Было пару слабых сопротивлений, но другие быстро сдавались. Кира заставила ее выть от бессилия и бешенства, заставила почувствовать себя слабачкой. Тайка так надеялась выслужиться, чтобы стать чистой, бесцветной. Смыть с себя тяжесть голубого цвета, который от любой оплошности или предательства мог в мгновение превратиться в оранжевый. Кира расстроила ее планы. Ей хочется сделать

балерине так больно, как никому другому. Сегодня вечером придет отдел экстренного реагирования. Сотрудники ОЭР уже в самолете, готов европейский паспорт для Киры и на ее имя куплен билет в одну сторону. Специальный седатив заставит ее спать всю дорогу и забывать при этом закрывать глаза. Она не потеряет способность двигаться, но будет молчать и делать все, что ей скажут. Тайкина миссия закончилась еще вчера, она должна только привести Когля к объекту. Сегодня ей уже не нужно было встречаться с Кирой, но она не смогла себя пересилить. Захотелось еще раз глянуть на эту сучку, перед тем как сделать ей плохо. Плохо как никогда. Конечно Братство не позволит ей проучить балерину. Сама она уже не может причинить ей вреда, ОЭР узнало бы сразу или узнает, когда ее доставят в Центр. Тайка сама не может пощипать курочку, но она знает кто может! Пока не приехали заплечники, все это можно устроить. Она проходит на стоянку, открывает машину и садится за руль. До приезда ОЭР еще пару часов. Отложив на соседнее сиденье служебный верту, она достает из кармана парки другой мобильный, который купила пару часов назад.

— Игорь Алексеевич?

— Да.

— Вас интересует Кира Милованова? Она в подвале ресторана Чабан и рубаб.

— Кто это?

Тайка нажимает на отбой. Конь в пальто, — говорит она себе вполголоса. Теперь начнется потеха. Туровцын конечно не знает на кого лезет, а когда узнает обосрется, но будет уже поздно. Здорово если он уделает Киру как следует, до того как за ней приедут волки из ОЭР.

Глава 42

В маленьком окошке под потолком темно уже несколько часов. Кира очень устала. Она с удовольствием думает как развалится на полу, в каморке Зилолы и будет ждать Мусю. А завтра за ней заедет Глеб и заберет ее навсегда. Весь день у нее радостно билось сердце. Весь день она вспоминала прошлую ночь, разбирая ее на минуты и даже секунды. Каждый взгляд Глеба, каждое его слово, каждое прикосновение. Теперь они навсегда вместе. Через неделю ее будут ждать на утренний класс в театре. Единственное что плохо в ее жизни — это Тайка. Все что касается этих странных людей, их Братства и их идей ей страшно. Она гонит от себя эти мысли, но они каждый раз возвращаются. Тогда внутри ее все опять съезживается и увядает. Слишком много вопросов, на которые нет ответов. Их ответы она не принимает, не верит и не хочет верить. Выгнав Тайку из ресторана, она сразу же позвонила домой. Мать жива и здорова. По ее просьбе Вера Петровна перевернула весь письменный стол, но дневник так и не нашелся. Как он оказался в руках у Тайки непонятно. Может это Ленка? Не думать, только не думать об этом! Кира снимает с батареи высохший рисунок и разглаживает его. Счастье этих двух на картинке теперь не очень убедительно. Глеб правда не пострадал, эта часть рисунка не успела намокнуть, Кира же от воды расплылась в неопрятное, бурое пятно. Ну и ладно, теперь все это есть у нее в реальности. Глеб любит ее и не выпустит из своих объятий, защитит и укроет от всех несчастий. Они вместе, поэтому она ничего не боится.

Кира вздрагивает от сильного грохота. Что-то тяжелое упало наверху, на кухне. Кто-то закричал, потом послышался визг женщины. Топот ног и опять крики. Она выскакивает за

дверь и несется вверх по узкой лестнице. К ее удивлению в кухне никого нет, стойка с тарелками опрокинута на пол, на длинной плите из огромной кастрюли валит пар, а на сковороде обуглилась порция бараньих ребрышек. Выключив под ними огонь, она выбегает в зал. Около двери испуганно жмутся повара и официантки. В зале опрокинуты столы, посуда разбита, еда растоптана, салфетки разлетаются в разные стороны. Несколько посетителей застыли на стульях, кто-то вскочил, но не решается выбежать. За баром видны корпуса здоровых мужчин в одинаковых, темных костюмах. Их головы и плечи исчезают за бокалами и стаканами на стойке, потом опять появляются. Кире становится не по себе. Обойдя бар по периметру, она видит лежащего на полу Ибрагима. Окружившие незнакомцы бьют его в грудь. Чапан разорван на рукаве, лицо опухло, глаза перебегают с одного обидчика на другого. Самый здоровый из мужчин, стоящий к Кире спиной, наклоняется и хватается за горло.

— Вот что, урюк...

— А ну оставьте его! — вырывается у Кире. — Бахром, звоните в полицию!

Здоровяк оборачивается и впивается в нее глазами. Это начальник охраны Туровцына — Лосев. Она бледнеет и пятится, пока не упирается в дрожащего у стены посетителя. Лосев отпускает Ибрагима и поднимается во весь рост.

— Вот и она, — с теплом в голосе говорит он.

Кира кидается к выходу, но один из его людей тут же прыгает в ее сторону и преграждает путь. Издевательски ухмыляясь он манит ее к себе, до дверей ей не добежать. Мимо поваров и официанток она ныряет на кухню и сбегает в пекарню. Топот и мужские крики слышны за спиной. Около их комнатки, есть туалет со слуховым окошком наружу, через него она сможет выбраться на улицу. Закрыв дверь на хлипкий крючок, она вскакивает на бачок унитаза и открывает окно. Подтянувшись на руках вскидывает свое легкое тело на узкий подоконник. Холод обжигает лицо, еще секунда и она спасена. Ей нужно еще раз толкнуть себя вперед. Она напрягает руки, но в этот момент ее крепко хватают за лодыжку. Ободрав локти о старую раму она обрушивается вниз, ударяется скулой о край унитаза и сразу же чувствует за щекой много крови. Страшная боль в челюсти заставляет ее закричать. Перед глазами все плывет и как во сне становится неясным, мучительным и долгим. Крепкие мужские руки бесконечно долго несут ее через пекарню. Кира видит как что-то капает вниз на плитку. Ах это кровь! Почему кровь? Кровь оставляет крупные красные бусы на лестнице, потом и в зале. Она видит как повара сцепляются с людьми Туровцына. Ее пытаются отнять у твердого как дерево человека, руки которого больно впиваются в тело. Бахром падает первым около дверей, Рахима втаскивают на кухню и больше она его не видит. Лосев, схватив Ибрагима за ворот рычит ему в лицо:

— Не знаешь с кем связываешься, чурка? Вякнешь и твои нелегалы сгорят вместе с этой тошиловкой.

У Ибрагима бледное лицо, трясущийся подбородок. Киру несут дальше, она видит входящую Мусю, которая тут же начинает истошно вопить и прыгает на несущего Киру амбала. Другой, тоже большой и темный, дергает Мусю за руку и тут же страшно бьет в лицо. Изломавшись как кукла подруга падает и остается за спиной деревянного человека. Кира кричит, но из горла выходит одно шипение. Пытается сжать ненавистную ей шею, но руки ее слабы и не слушаются. Человек встряхивает ее и руки снова безвольно падают. Выгнувшись из последних сил, она видит как девочки бросаются к Мусе, а Бахром выбегает из кухни с ножом. И все, темнота застилает глаза.

Густой туман немного рассеивается. Лежать неудобно, ей хочется по другому, но она не может, в ней что-то болит и мешает повернуться. Туман становится слабее и теперь ясно, что она полу в лифте, который бесконечно долго ползет вверх. Вокруг нее мужские ноги в одинаковых черных брюках и туфлях. Острым носком одна из них тычет ей в бедро. Мужские голоса доносятся сверху.

— Совсем что-ли?

— Башкой треснулась, всю машину закровила. Стасик драит теперь.

Лифт останавливается. Ее поднимают и несут по коридору. Мимо бронзовых львов, потом человека с земным шаром на шее, что-то знакомое. Была она здесь или нет? Давно или недавно? Трудно вспомнить. Круглая комната, шелковые обои...Ах да, здесь на столе когда-то танцевала Муся. Киру опускают на пол и она из последних сил поднимается на колени. Перед ней на диване сидит мужчина. Она его знает, это Лосев.

— Жалко что все убрали. Потыкать бы тебя носом в разбитые осколки, — говорит он.

Кира узнает и не узнает квартиру Туровцына. Здесь что-то произошло. На столе, где раньше танцевала Муся нет стеклянной столешницы. Остался один бронзовый каркас. В резных шкафах вместо стекол пустые дыры. Крупные царапины исполосовали карельскую березу. Исчезли статуэтки из кристаллов и фарфора, шелковая обивка стен запачкана красной краской. Триema размашистыми буквами от пола до потолка написано матерное слово. Лосев поднимает ее за ворот рубашки. Ноги у нее подкашиваются, но она все таки встает. Трое других стоят в дверях и смотрят на нее как на падаль.

— Мой племянник до сих без сознания.

Схватив Киру за подбородок, он вертит ее головой по сторонам. Потом дает крепкую пощечину, голова ее безвольно падает на грудь.

— Узнаешь свои художества?

— Это не я, — шепчет она.

Он волоком тащит ее в столовую и ставит перед огромным буфетом. Прямо перед ней, на лакированной дверце крупно нацарапано: В ожидании людоеда, здесь Кира танцевала кан-кан.

— Где твоя подружка?

— Она...она уехала домой, в Ташкент. Неделю назад.

Какое счастье! В ресторане при тусклых абажурах Лосев не узнал Мусю. К тому же, на днях она купила заячью шапку, с ушами на щеки и он наверное не разглядел.

— Я утоплю тебя, сука. Но медленно, долго будешь захлебываться, — Он приказывает другим: Наполнить джакузи! — Потом опять поворачивается к ней. — Сдохнешь в роскоши. Где картины? Гиз...Гиз...Гизбара?

Он снова трясет ее за плечи. Все плывет у нее перед глазами и она теряет сознание.

— Гейнсборо, — слышит Кира знакомый голос.

В комнату медленно заходит Туровцын. Как верная собака бросает дичь при приближении хозяина, Лосев сразу же отступает от Киры на несколько шагов. Почти у всех стульев, у обеденного стола, вспорота обивка. Лосев хватает один из уцелевших и ставит его перед Кирой. Туровцын тут же опускается на него, кивает Лосеву и через секунды остается с ней один на один. У нее сильно болит скула, она дотрагивается до нее ободранной рукой.

— Лося можно понять, его племяннику проломил череп.

Он внимательно ее рассматривает.

— Не я..., — протестует она.

Ей все время приходится сглатывать слюну с кровью.

— А кто?

— Я не знаю.

Он закидывает ногу на ногу.

— Незнание не освобождает от ответственности, — усмехается он. — Пропали две редкие картины. Положим, мне на них наплевать. Но ты не сдержала слово и ушла.

— Простите...

— Я расстраиваюсь, когда меня обманывают. А я не люблю расстраиваться. Дважды неприятно..., — Туровцын мягко пощипывает рукав пиджака. Торжество охотника, загнавшего свою добычу светится на его лице.

— Простите что я ушла. Я не могла...Клянусь вам, я не знаю что здесь произошло и картины тоже...

— Чего теперь стоят твои клятвы? Раз обманувший, всегда обманет. Думаешь мне нужна эта мазня? Я покупал картины для женщины, которую когда-то любил. Но она оказалась такой же стервой как и ты.

— Простите.

— Время платить. Я человек принципа и всегда забираю долги, даже если это не приносит мне удовольствия. Раздевайся.

Она качает головой.

— Попросить моих орлов помочь тебе?

— Вы никогда не получите этого.

Закинув назад голову он громко смеется.

— Глупая, ты до сих пор не поняла с кем имеешь дело.

— Вы человек-мясорубка, вам нравится превращать людей в фарш.

Лоб его хмурится, рука сжимается в кулак.

— Я бы всунул тебя в промышленную. Вперед ногами, чтобы у тебя было время взять свои слова назад, пока винт не достанет до шеи, — он погладил ее по голове и улыбнулся, обнажив очень белые зубы. — Не верь слухам, я не злой человек, и не могу долго сердиться. После того как ты отдашь мне то, что обещала, я прощу тебя. Но простит-ли Лось? Мне не жаль его родича, плохой из него кусака, если его побили две соски. Но мои люди мне как братья, и ни одна баба не стоит этой дружбы. Лось потерял родственника, а команда товарища. Я прощу тебя, но потом ты будешь просить их. За своего братана они вывернут тебя наизнанку. Ты будешь мечтать о мясорубке, потому что она гораздо приятнее, чем то, что проделают с тобой они.

Он выходит из комнаты. В проеме дверей Кира видит, как не спеша он закрывает краны, джакузи уже наверное наполнилось. Туровцын склоняется над раковиной, тщательно моет руки, лицо и полощет рот. Аккуратно снимает с себя пиджак, галстук, рубашку и устраивает их на вешалке. Он видимо все делает основательно. Когда всласть наиздевается над ней, придет черед Лосева и его команды. Под ней снова разверзлась бездна. Какая — то страшная сила не хочет, чтобы она была счастлива. С трудом поднявшись, она идет через гостиную к дверям на террасу. Осторожно открывает их и выскальзывает наружу. Мягко валит влажный снег, на плитке его уже много, голые ступни проваливаются по щиколотку. Она выплевывает розовую слюну, правая часть лица онемела, страшно ноет бок, но теперь уже все равно. Не замечая пронизывающего холода, она плетется к парапету. Зигги был прав, выбор есть всегда

и Кира свой сделала. Город раскинулся внизу, под террасой. Светятся огнями здания, мерцают красные и белые стрелы дорог, чернеют платформы крыш. Около стеклянной ограды стоит засыпанный снегом цветочный горшок, он такой тяжелый, что его оставили здесь на зиму. Поднявшись на него, она поворачивается спиной к краю и садится на ледяной поручень.

Из открытых дверей в гостиную залетает снег, жалюзи зловеще гремят друг о друга. Накинув халат, Туровцын быстрыми шагами проходит к выходу на террасу.

— Это что еще? — спрашивает он сам себя.

Сквозь редкие хлопья снега, он видит Киру, сидящую на парапете. Лицо ее — бледное пятно на фоне черного неба.

Он восхищенно смеется. Какая смелая! Такой женщины у него еще не было. Он перешагивает через порог.

Все получилось так, как задумала Тайка. Она встретила сотрудников ОЭР и в одиннадцать они были у узбекского ресторана. Внутри было темно, заведение закрылось рановато. Тайка постучала и через запертые двери и сторож им все рассказал. Он назвал больницу, в которую отвезли Мусю, поваров и одного клиента, попавшего под горячую руку. Ликуя, Тайка повезла ОЭР в госпиталь, Когль все больше темнел лицом, но Тайка не переживала. Вчера ей приказали отстраниться, она то тут при чем? Внутри ее все пело, пока они ездят по городу, Туровцын наверняка преподает Кире уроки хороших манер. В больнице у Муси был жалкий, заплаканный вид. Сухожилие в локте было порвано и у нее сильно болели ребра. Держа ее за здоровую руку, Тайка пообещала, что они найдут и спасут ее подругу. Из больницы она вышла в самом радужном настроении. Обозленный Когль, правда отнял у нее ключи и сам сел за руль. Он так рванул с места, что они все похватались за поручни. Тайка настояла на том, чтобы оставить машину на соседней улице. Бентли зарегистрирован на ее имя, и если что-то случится, лучше чтобы оно нигде не всплывало. По дороге к дому, Когль приказал всем включить на браслетах режим отражения. Браслеты излучают волновые помехи и в записи на камерах слежения останутся только размытые силуэты фигур. Никто не увидит лиц и не узнает, кто на самом деле побывал здесь. Братство не скупилось на такие гаджеты и Когль-фанат всего нового, навешивал их на своих орлов как игрушки на елку. У ворот дома им повезло, они прошли через них после выезжающего с территории джипа. Войдя в фойе, Тайка попросила консьержа пропустить их к Туровцыну, но тот указал на таблоид внутреннего домофона. Тогда Когль вынул электроган и консьерж забился под шнурами. Пока один из горилл Когля активизировал лифт, не работающий без магнитной карты, другой оттащил тело в подсобку.

В лифте Тайка нервничает, Когль и его двое сотрудников сосредоточены. Раньше она этих двоих не видела, видимо новая кровь. Уставившись в пол они молчат. Этих не пощекочешь, — думает она.

Они останавливаются на нужном этаже и выходят в обширный коридор. У двери в пентхаус дежурят мужчины в черных костюмах. Все как один, они тут же встают с кресел.

— Вы к кому? — спрашивает самый здоровый.

— Переведи этим головорезам, что мы здесь по бизнесу, — приказывает Когль Тайке на английском.

Он широко улыбается, Тайка и не знала что он умеет.

— К Игорю Алексеевичу, иностранные партнеры, — вежливо объясняет она, крепко сжимая в кармане ствол.

— Если девчонку испортили, я засыплю кило гречневой крупы в каждую стоящую здесь жопу. Русские любят гречку, — продолжает Когль.

Тайку передергивает, кто-то из телохранителей может знать английский.

— Большие проблемы по поставкам в Евросоюз, Ольга срочно нам назначила встречу, — бойко переводит она.

Имя секретаря Туровцына должно их немного успокоить. Когль и его парни выглядят как приличные иностранцы в дорогих пальто. В коридоре напряженная тишина, охранники в растерянности, видимо за дверью их хозяин всюю развлекается. Она со страхом ждет сигнала. Когда Когль скажет: Мне очень и очень жаль, но..., — здесь станет шумно. Сегодня она в первый раз в жизни надела пуленепробиваемый жилет, что касается Когля и его ребят, то похоже свои они не снимают даже перед сном.

Туровцын делает шаг вперед.

— Это не поможет, — говорит он ей.

Кира немного отклоняется назад, снег засыпает ей лицо, она закрывает глаза и наконец то кошмар исчезает. Ей становится тепло, яркое солнце слепит глаза. Море ласковое и теплое. Волны мягко шуршат по песку, где-то недалеко кричит чайка. Глеб улыбается и протягивает руки, чтобы посадить ее в лодку перед дальним плаванием. Скоро она прижмется к Глебу всем телом, и положит голову ему на плечо.

— Слезь оттуда, я приказываю тебе.

Она открывает глаза. Чужая, темная фигура приближается к ней, цепкие, железные пальцы хотят впиться в нее. Они сделают больно, будут рвать с мясом из нее все, что она любит и чем живет. И если внутри она станет пустая, зачем ей тогда быть здесь? Через секунды ее схватят, и она не успеет уплыть с Глебом. Туровцын кидается к ней, она смотрит ему в лицо, но видит что-то свое, поэтому нежно улыбается. Резко выгибается назад, отпускает поручни и обрушивается в темно-синюю пропасть.

— Крупная сделка на грани срыва, — объясняет переводчица.

Лосев никогда еще не видел партнеров, приезжающих без приглашения. Тем более в эту квартиру. Обычно на переговоры их привозят в загородное поместье. Да и Туровцын о них ничего не говорил. Все это подозрительно, но Лосева сбивает с толку то, что они действительно иностранцы, да еще и баба-переводчик в придачу. С виду они не кажутся опасными. Самый старший из них, не переставая улыбаться кладет руку в карман. Лосев автоматически откидывает полу пиджака и нащупывает пистолет. У него нюх на опасность.

— Мне очень и..., — начинает говорить инвестор, но не успевает закончить. Дверь в квартиру распаивается и на порог выскакивает Туровцын. Он в халате и у него мокрые ноги, как будто он только что из душа. Глаза бешено вращаются, нижняя губа трясется. Направив указательный палец в пол, он кричит Лосеву: Тело внизу! Убрать! Убрать!

Взгляд его останавливается на незнакомцах, и он замолкает.

Младший из охранников — подхалим Стасики дзюдоист Шух кидаются в раскрытые створки лифта и уезжают вниз.

Оттолкнув Туровцына с дороги, незнакомцы проносятся в квартиру. Лосев и его подчиненные устремляются вслед за ними. Один из иностранцев вдруг неожиданно вырастает за спиной у отставшего от всех Игоря Алексеевича. Он втаскивает его в гостиную. Другой, молодой и белесый уже держит на мушке Лосева и Сыча. Холодный кружок ствола ощутимо воткнулся Туровцыну под челюсть. По пальцу давящему ему на диафрагму и лишаящему сил сопротивляться, Игорь Алексеевич понимает, что это профессионалы. Нс чьих они? От кого пришли? Кем посланы?

— Не стрелять, — приказывает он своим охранникам, которые сразу же опускают руки.

Здоровая, большелицая девка подскакивает и выхватывает из их рук оружие. Обежав комнаты, она устремляется на терассу. Громко переговариваясь на английском, налетчики сбиваются около дверей и по одному выскакивают наружу. Туровцына выталкивают следом.

— Не стрелять, не стрелять, — хрипит он Лосеву и Сычу, которые осторожно выходят вслед за ними. Видимость плохая, снег валит теперь стеной. Девка выглядывает за ограждение и всматривается в темноту. Что-то гаркнув на английском, она распрямляется. Сильный ветер уносит ее слова в сторону, взбивает вверх ее длинные волосы и высоко задирает полы длинного пальто. Туровцына подталкивают вперед, неужели скинут вниз? Он начинает страстно молиться, но тут же прерывается и в следующие секунды забывает как нужно дышать. Потому что девка подпрыгивает и легко перемахивает через барьер. Она на секунды появляется с другой стороны. Быстро подтянувшись за поручень, стремительно распахивает руки, откидывается навзничь и пропадает в черном воздухе. За ней сразу же бросаются вниз еще двое. Третий, стоящий за спиной у Туровцына, толкает его на телохранителей. Лосев удерживает хозяина на ногах. И развернувшись Игорь Алексеевич видит как не спуская их с мушки, иностранец подскакивает высоко вверх на несколько метров, зависает в воздухе и стремительно, как в воду, ныряет вниз с двадцать восьмого этажа. Туровцын закрывает и тут же открывает глаза, его трясет от ужаса. У Сыча ошалелое лицо, он кричит что-то неразбираемое. Огромная фигура Лосева застыла у парапета, у него открыт рот, он тихо шевелит губами. Внезапно он оживает, бросается к парапету, вглядывается вниз и несколько раз остервенело стреляет в пустоту. Потом с ужасом отшатывается и кидается прочь, в комнаты. Пока Сыч возится с Лосевым, забившимся в угол между буфетами, Туровцын опускается на стул, и широко расставив мокрые, эпилированные ноги, долго сидит в оцепенении. Розовый с холода, запыхавшийся от бега Стасик появляется в квартире. Он несколько раз что-то объясняет хозяину, но тот его не слышит. Потерянное лицо и оцепеневший взгляд пугают телохранителя. Стасик садится рядом на корточки и нежно трясет Туровцына за плечо.

— Игорь Алексеевич, тела внизу нет. Мы везде посмотрели, нет тела и все тут... Что делать-то?

Помертвевшими глазами Туровцын останавливается на лице Стасика и, наконец, кивает головой. Шух запахивает двери на терассу, за стеклом уже беснуется настоящая снежная буря, дом, кажется, ходит ходуном от свирепых порывов урагана. Туровцыну страшно думать о том, что за окном носит ветер.

Продолжение следует.

Больше книг на сайте - Knigolub.net